№ 4 (40) 2022
ISSN 2305-8838

НОПриЛ NAAL

Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Научно-исследовательский журнал

№ 4 (40)

МОСКВА
2022

УДК 81’33(063)
ББК 81.1я431
У 91

Главный редактор:
д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Заместитель главного редактора:
д.филол.н., доцент Н.А. Ахренова (ГСГУ, г. Коломна)

Технический секретарь:
Ph.D. М.Н. Дубинина
(ГСГУ, г. Коломна)

У 91 Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2022 – 192 с.
ISSN 2305-8838

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения и преподавания родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической и педагогической наук.

ISSN 2305-8838

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор))
ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.

Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 26.12.22. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 20,8. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)
© Авторы статей

Редакционная коллегия

Богданова Л.И.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Добросклонская Т.Г.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Зененко Н.В.
д.филол.н., профессор (Военный университет имени Великого князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва)

Калинин О.И.
к.филол.н., доцент (Военный университет имени Великого князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва)

Карасик В.И.
д.филол.н., профессор (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва)

Иванова О.Ю.
к. культ., доцент (Союз переводчиков России, г. Москва)

Карпова О.М.
д.филол.н., профессор (ИвГУ, г. Иваново)

Киосе М.И.
д.филол.н., доцент (Институт языкознания РАН)

Ксензенко О.А.
к.филол.н., доцент (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Липгарт А.А.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Максименко О.И.
д.филол.н., профессор (МГОПУ, г. Москва)

Моисеенко Л.В.
д.филол.н., профессор (МГЛУ, г. Москва)

Назаренко А.Л.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Полубиченко Л.В.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Чеснокова О.С.
д.филол.н., профессор (РУДН, г. Москва)

Robert Ilson
(University College London)

Zhong Weihe
(Guangdong University of Foreign Languages)

Ян Кэ
профессор (Университет иностранных языков и внешней торговли, г. Гуанчжоу)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Будман Ю.Д.
Христианская гебраистика с еврейскими корнями: Филипп д'Акен и его словарь 8
Демчинская Е.А.
Роль терминологии в формировании профессиональных компетенций будущих специалистов в высшей школе 23
Харитонова Е.Ю.
Анималистические пейоративы в немецкой компаративной фразеологии: гендерный аспект 32

ЛИНГВИСТИКА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Зарипов Р.И.
О некоторых особенностях языка информационно психологической войны в политическом дискурсе 41
Михайловская М.В.
Идеологема как инструмент семантического манипулирования: «демократия» 58
Финская Т.Е.
Языковые средства ведения кибервойны в современном французском медиадискурсе 69

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Жук Н.В., Иванов В.Д.
К вопросу о передачи эмотивности при переводе поэтического текста 78

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Евграфова Ю.А.
Влог как нарратив личного опыта (на материале экранных текстов YouTube) 91
Киосе М.И. 102

Лингвокреативность в юмористической и реалистической детской литературе: лексический уровень
Маюк Е.П., Демиденко К.Д.
Семантико-функциональный потенциал хэштеговых конструкций 113

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ

Карповская Н.В., Давтянц И.И.
Формирование образа «чужого» в контексте проблематики международной миграции: когнитивно-прагматический потенциал лексических единиц (на материале СМИ Мексики) 122
Каскова М.Е., Большакова Е.К.
Итальянские СМИ как источник информации для понимания реалий политического «ландшафта» Италии 140
Орлянская Т.Г.
Вопросы безэквивалентности японских ключевых слов GAMBARU и KATA 153
Чеснокова О.С., Котеняткина И.Б.
Лингвокультурологический анализ гимна Мексики 164
Список авторов 184

CONTENTS

LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY

Yulia Budman
Christian Hebraistics with Jewish roots: Philippe d'Aquin and His Dictionary 8
Ekaterina Demchinskaya
The role of terminology in the formation of future specialists' professional competences in higher education 23
Elena Kharitonova
Animalistic pejoratives in German comparative phraseology: gender aspect 32

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WAR LINGUISTICS

Ruslan Zaripov
On some peculiarities of the information-psychological warfare languagein political discourse 41
Maria Mikhailovskaia
An ideologically-bound unit as an instrument of semantic manipulation: "democracy" 58
Taisiya Finskaya
Linguistic means of cyber warfare in modern French media discourse 69

TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

Nina Zhuk, Vladimir Ivanov
On the question of transferring emotivity in the translation of a poetic text 78

STYLISTICS AND DISCOURSE ANALYSIS

Yulia Yevgrafova
Vlog as a narrative of personal experience (a case study of YouTube screen texts) 91
Maria Kiose 102

Linguistic creativity in humorous and realistic children's literature: lexical level
Elena Maiuc, Krystsina Dzemidzenka
Semantic and functional potential of hashtag structures 113

LANGUAGE. CULTURE. COMMUNICATION

Natalia Karpovskaya, Irina Davtyants
Image of "The Other/Alien" in the context of international migration: cognitive-pragmatic potential of lexical items (based on the mass media of Mexico) 122
Margarita Kaskova, Elizaveta Bolshakova
Italian media as a source of information for understanding the realities of the political "landscape" of Italy 140
Tatyana Orlyanskaya
Issues of Inequivalence of the Japanese Key Words GAMBARU and KATA 153
Olga Chesnokova, Irina Kotenyatkina
Linguacultural analysis of Mexican Anthem 164
List of authors 184

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК 81-119

Будман Юлия Дмитриевна
Yulia Budman

Христианская гебраистика с еврейскими корнями: Филипп д'Акен и его словарь[1]

Christian Hebraistics with Jewish roots: Philippe d'Aquin and His Dictionary

Аннотация. *Личность Филиппа д'Акена (ок. 1578–1650) и его филологический труд представляют особый интерес для истории лингвистических учений, так как работы этого автора находятся на стыке еврейской и христианской гебраистики. Цель нашей статьи впервые представить описание толкового словаря библейской и талмудической лексики авторства Филиппа д'Акена, ранее не изучавшегося ни отечественными, ни зарубежными лингвистами. В рамках данного исследования был изучен рифмованный подзаголовок на титульном листе словаря и стихотворное посвящение кардиналу де Ришелье, выдвинута и подтверждена гипотеза том, что эти тексты содержат элементы еврейско-провансальского языка и, таким образом могут рассматриваться как еще один источник информации о шуадите конца XVI – начала XVII вв. Был сделан вывод о том, что отмеченные на более позднем языковом материале фонологические переходы, нашедшие отражение в звуковой реализации гебраизмов в еврейско-провансальском языке, уже произошли к этому времени, что согласуется с данными, представленными М. Демоне. Была описана структура и организация словаря и выдвинута гипотеза о том, что его автор мог принадлежать к Итальянской грамматической школе.*

Abstract. *Philippe d'Aquin's biography and his dictionary are a matter of great interest to linguists studying the development of Hebrew linguistic tradition because his personality and works stand at the crossroads of Jewish and Christian hebraistics. D'Aquin who had been born and raised as a Jew addressed his writtings to the Christian audience. Unfortunately, d'Aquin's dictionary "Ma'ărîḵ hama'ărāḵōṯ", published in 1629, has not been studied yet. The aim of the present article is to introduce the reader to d'Aquin's text.*

Ключевые слова: *лексикография, гебраистика, еврейская лингвистическая традиция, еврейско-провансальский язык (шуадит), Франция, XVII в.*

Key words: *lexicography, hebraistics, Hebrew linguistic tradition, Judeo-Provençal, France, XVII cent.*

[1] Автор выражает благодарность Георгию Теймуразовичу Хухуни, доктору филологических наук, профессору, профессору кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики ИЛиМК МГОУ, и Оре Матушански, руководителю исследовательского проекта в Национальном центре научных исследований (Франция), за помощь, оказанную при проведении исследования.

Введение

Личность Филиппа д'Акена (ок. 1578–1650) [Gottheli, Kahn, 1902: 38] и его филологический труд представляют особый интерес для истории лингвистических учений, так как работы этого автора находятся на стыке еврейской и христианской гебраистики. Родившийся в семье, исповедовавшей иудаизм [Lachévre, 1640: 77], и получивший традиционное религиозное образование, включавшее изучение древнееврейского языка, он был продолжателем еврейской грамматической и лексикографической традиции. Однако, приняв крещение уже взрослым, свои сочинения он адресовал христианской аудитории. Цель нашей статьи впервые представить описание толкового словаря библейской и талмудической лексики "Ma'ărîḵ hama'ărāḵōṯ" авторства Филиппа д'Акена, ранее не исследовавшегося ни отечественными, ни зарубежными лингвистами.

В рамках данного исследования впервые приводится краткая биография Филиппа д'Акена на русском языке, изучается текст рифмованного подзаголовка на титульном листе словаря и стихотворного посвящения кардиналу де Ришелье и выдвигается гипотеза о том, что он содержит элементы еврейско-провансальского языка (шуадита), поднимается вопрос о переводе названия "Ma'ărîḵ hama'ărāḵōṯ", рассматривается структура и организация словаря.

Выводы, полученные в ходе исследования, восполняют пробел в отечественной языковедческой историографии и гебраистике и могут быть использованы при подготовке учебно-методических пособий по истории лингвистических учений, а также учебных курсов для высшей школы.

Филипп д'Акен, согласно его собственным показаниям на суде по делу фаворитки Марии Медичи, Леоноры Галигаи, в 1617 г., был уроженцем Карпантра. Этот город относился к папским владениям на территории Франции. Как следует из разъяснения к булле Пия V от 1569 г., все евреи должны покинуть Карпантра до 15 октября 1570 г., но на практике исполнение этого указа было отложено до 1592 г., а затем «на неопределенное время» [Карпантра, 1911: 333–342]. Поэтому еврейская община в городе сохранилась.

Д’Акен, по его словам, «проживал в Париже уже три года и четыре года или пять лет, как являлся христианином» [Lachévre, 1640: 77], соответственно крестился около 1612 г. в возрасте примерно 34 лет. До крещения исповедовал иудаизм, носил имя Мардоше Креск (Mardochée Cresque). Мардоше – французский эквивалент библейского имени Мордехай. Имя Креск или Креска (Cresques, Crescas) как личное и как родовое было распространено среди евреев Южной Франции и Каталонии. В XIII–XIV вв. в Каркасоне жил Мордехай Эн Креска (в русскоязычных источниках фамилия передается как Крескас [Крескас, 1911: 845–846]), который «вероятно был раввином еврейской общины города Карпантра около 1304 г.» [Gottheli, Lévi, 1903: 353].

Д’Акен получил образование в Пьемонте и до 22 лет жил в Италии, затем вернулся в Карпантра, где вступил в брак. Крещение принял в Авиньоне, причины, которые привели его к такому шагу, он не раскрывает.

Аббат Клод-Пьер Гуже (1697–1767), рассказывая о профессорах Королевского коллежа (сегодня – Коллеж-де-Франс), приводит несколько иные сведения. Согласно ему, до своего обращения Филипп д’Акен был раввином и был изгнан из еврейской общины Авиньона за симпатии к христианству, после чего уехал в Неаполитанское королевство, принял крещение в Аквино и взял фамилию по названию этого города [Goujet, 1758: 117]. Гуже также пишет, что около 1610 г. д’Акен прибыл с семьей в Париж, где стал преподавать древнееврейский язык и спустя несколько лет был назначен профессором Королевского коллежа и переводчиком. Его имя появляется в записях Счетной палаты в 1629 г. [Goujet, 1758: 117]. Огюст Жаль (1795–1873) утверждает, что д’Акен занимал должность профессора Королевского коллежа уже в 1627 г. [16, p. 62]. Анри Баро относит его назначение на эту должность к 1617 г. [Jal, 1867: 48].

Если невольное участие Филиппа д’Акена в судебном процессе 1617 г., последовавшем за убийством маршала д’Анкра, изучено зарубежными историками довольно хорошо [Baraude, 1933; Pelorson, 1969], то его научные труды по филологии удостоились меньшего внимания. Они каталогизированы

[Zender, 1867: 51], но не исследованы. Настоящая статья восполняет этот пробел.

О языке текстов д'Акена

Толковый словарь библейской и талмудической лексики "Maʻărîḵ hamaʻărāḵōṯ" был издан в 1629 г. в типографии Антуана Витре, в которой также издавалась Парижская Полиглотта [Gruss, 1966: 83].

Титульный лист издания содержит вступительную эвлогию «С Божьей помощью» (bəʻezraṯ haššēm) в виде аббревиатуры, состоящей из букв еврейского алфавита, бет и хей [Якерсон, 2003: 92]. Далее следует название словаря, вопрос о переводе которого будет рассмотрен ниже, и подзаголовок, написанный рифмованной прозой. Мы приведем его в транслитерации Т.О. Ламбдина для древнееврейского языка [Ламбдин, 2003: 26], которая, однако, не вполне отвечает особенностям авторской орфографии. Согласно нашей гипотезе, текст подзаголовка свидетельствует о том, что родным языком д'Акена был еврейско-провансальский (шуадит), появление которого М. Демоне датирует началом XVI в.[1] [Demonet, 2017: 3] и в котором «произошел ряд фонологических сдвигов, нашедших отражение в звуковой реализации гебраизмов» [Еврейско-провансальский языкЮ, 1982: 450]. Так, например, звук [š] (глухой постальвеолярный сибилянт) перешел в [s] (глухой альвеолярный сибилянт), а звук [s], в свою очередь, в [f] (глухой губно-зубной спирант) [Viguier, 1989: 240]. Данные фонетические переходы прежде изучались, в основном, на материале конца XVII–XVIII вв. (исключение составляют исследования М. Вигье и М. Демоне, обращавшихся также к текстам XVI в.)[2] [Nahon, 2020; Nahon, 2021]. В целом, количество письменных источников, полностью или частично составленных на еврейско-провансальском языке или содержащих отдельные

[1] М. Демоне пишет о датировке возникновения шуадита в качестве отдельного языка. В то же время самые ранние провансальские глоссы еврейских текстов относятся к XII в., а «Roman d'Esther» («Роман об Есфири») авторства Креска дю Келар, также написанный на провансальском – к XIV в. [Nahon, 2021: 2; Viguier, 1989: 236]

[2] П. Нахон оспаривает атрибуцию текста «Sermon des Juifs» («Еврейская проповедь»), предложенную М. Вигье, и рассматривает его в качестве пародии, написанной христианином [Nahon, 2021: 4]

его элементы и созданных еврейскими авторами, относительно невелико [Nahon, 2021: 3–4], и текст д'Акена, на наш взгляд, мог бы дополнить этот ряд.

«В существующей литературе термины "язык" и "диалект" часто применяются к еврейским языкам и диалектам непоследовательно» [Еврейские языки и диалекты, 1982: 417–420]. Так, А. Рубин и Л. Кан определяют шуадит как "the Jewish dialect of Provençal" [Rubin, Kahn, 2020: 167], М. Демоне и М. Вигье используют термин «langue» [Demonet, 2017: 1; Viguier, 1989: 237], В «Краткой еврейской энциклопедии» шуадит также определяется как «разговорный язык евреев Прованса, подразделяющийся на ряд диалектов» [Еврейско-провансальский язык, 1982: 449]. Исследование, насколько оправдано использование того или иного термина в отношении еврейских языков/диалектов, представляет научный интерес, однако выходит за рамки нашей статьи. Здесь и далее мы будем пользоваться термином «язык», так как дискуссия о различиях языка и диалекта относится к сфере социолингвистики, а не чистой лингвистики [Алпатов, 2018: 169; Вахтин, Головко, 2004: 44].

Транслитерация еврейского текста на титульной странице словаря Филиппа д'Акена (имена собственные, напечатанные в оригинале крупнее, выделены полужирным шрифтом):

bā [b.h. – bə‘ezeaṯ haššēm]

ma‘ărîḵ hama‘ărāḵōṯ

kôlel leqeṯ[1] šiḵəḥā ûpē’ā[2] qôḏeš hillûlim lā [или la’dônāy].[3] mikkol hammillôṯ mehaššŏrāšîm bô ne‘ĕrāḵôṯ. ûməpōrāšôṯ bəsēḏer qal kərûḵôṯ. mēsîr hamməḇûḵôṯ məyaššēr hamməsillôṯ wəhahalîḵôṯ. yissədô ḡam hibbərô wəḵônənô **pîlîp̄ d’aqen** yaṣô [аббревиатура y.s.w., расшифровывающаяся yišmərēhû ṣûrô wîḥayyēhû] hamməlammēḏ hallāšôn haqqôḏeš taḥaṯ memšeleṯ hammeleḵ **luiš dəborbon y.g. [XIII]** yārûm hôḏô wəyiṯnaśśe’ malḵûṯô ’āmēn: pō

pariš

niḏpas ‘al yəḏē ’îš hayyaḥas wəhammə‘ulle bāqî bilšônôṯ wə’ommān

[1] Лев 19:9
[2] Мишна Пеа 8:8
[3] Лев 19:24

ma‘ăśe yāḏāw ‘ēḏ ne’ĕmān **anṭoni wiṭre** yāṣāw [y.s.w – yišmərēhû ṣûrô wîḥayyēhû]
bišnaṯ pəṯaḥ pîkā šəpōṭ ṣeḏeq lepēq [аббревиатура l.p.q., расшифровывающаяся как lipʀāṭ qāṭān]
Перевод:
С Божьей помощью
ma‘ărîḵ hama‘ărāḵōṯ,
включающий 585 [страниц] во славу Божию, все слова, корни в нем упорядочены и истолкованы, в удобной последовательности собраны, устраняет замешательство, делает прямыми стези[1]
и пути, создал его, составил и упорядочил Филипп д’Акен, да хранит его Оплот и Избавитель и даст ему жизнь [Якерсон, 2003: 110],
учитель святого языка в царствование короля Луи де Бурбона XIII,
да возвеличится слава его, и да превознесется царствие его, амен. Здесь
Париж
Напечатано человеком известным [со связями] и досточтимым, смыслящем в языках и искусником,
дело рук его – верный свидетель сему, Антуаном Витре, да хранит его Оплот и Избавитель и даст ему жизнь,
в год 389 от сотворения мира (без указания тысяч) [то есть в 5389 г.]

Примечания к переводу:

1. мы полагаем, что аббревиатуры в тексте д’Акена могут рифмоваться с другими словами, и отражаем это в транслитерации;
2. д’Акен записывает числительные «в виде хронограммы, то есть в виде числового значения букв значимого слова» [Якерсон, 2003: 121] с использованием цитат из Танаха (Еврейской Библии), что было распространенной практикой в Средневековье. Поэтому фраза «включающий 585 [страниц] во славу Божию» является аллюзией к заповеди «не дожинать поле до края и не подбирать оставшегося от жатвы» (Лев 19:9)

[1] Аллюзия к Ис 40:3, «Прямыми сделайте в степи стези Богу нашему»

и может быть понята так же, как указание на всеобъемлющий характер работы д'Акена;

3. на наш взгляд, число 585 в рассмотренном выше отрывке обозначает количество страниц словаря (в словаре 584 пронумерованных страниц, 10 непронумерованных и титульный лист), так как количество словарных статей намного превышает это число.

Авторский стиль д'Акена вполне согласуется со стилем произведений его предшественников и современников-евреев: он пишет рифмованной прозой (см., например, письмо Менахема бен Сарука к Хисдаю ибн Шапруту, X в. [Saruq]), рассыпает по своему тексту аллюзии к священным текстам (причем, не только к Библии, но и к Мишне), использует хронограммы.

Обратимся к вопросу передачи французских имен собственных в еврейском тексте д'Акена. Имя короля Людовика XIII (Louis) автор записывает как *luiš* с буквой шин на конце, передававшей в древнееврейском звук [š], а Париж, соответственно, как *pariš*, что не отвечает ни орфографии, ни фонологии французского языка того периода. Букве *s* соответствовал именно звук [s] (с конца XVI в. происходит ослабление конечного [s]) [Morin, 2008: 2922], но никак не [š]. То, что д'Акен использует именно букву шин [š], а не идентичную ей в безогласовочном письме син [ś], подтверждается огласованным текстом стихотворного посвящения кардиналу де Ришелье, в котором фамилия du Plessis передается как *du plešiš*.

Возникает вопрос, почему автор предпочел букву шин [š] букве самех, соответствовавшей в древнееврейском языке звуку [s], или букве син (хотя ее использование также могло ввести читателя в заблуждение). Мы видим этому только одно объяснение: д'Акен не читал буквы самех и син как [s] (или [ś] соответственно), они, с его точки зрения, передавали другой согласный звук. Филипп д'Акен был уроженцем Карпантра, поэтому логично предположить, что его родным языком был еврейско-провансальский. Данные, найденные М. Вигье и М. Демоне, подтверждают, что как минимум, в XVI в. в письменных источниках фиксируется переход [š] в [s] при звуковой реализации гебраизмов шуадите [Demonet, 2017: 6].

Таким образом, для д'Акена буква шин соответствовала звуку [s], а буквы самех и син, вероятнее всего, – звуку [f], поэтому *luiš*, *pariš* и *du plešiš* в его тексте следует читать как *Луи(с)*, *Пари(с)* и *дю Плесси(с)*. А текст рифмованного подзаголовка словаря и стихотворного посвящения кардиналу Ришелье можно рассматривать как еще один источник информации о фонологии еврейско-провансальского языка периода второй половины XVI в. – начала XVII в.

К вопросу о названии словаря

Древнееврейское слово ma'ărkā обозначает некий строй, ряд, упорядоченную систему, в частности войско, построенное для боя [Even-Shoshan, 1979: 1450]. Исходная семантика однокоренного глагола he'ĕrîḵ – «выстраивать в ряд» [Jastrow, 1903]. В рифмованном подзаголовке автор указывает, что слова и корни в словаре собраны в удобном, легком [для изучения] порядке, который не позволит [читателю] запутаться [Aquin, 1629]. Следовательно, Филипп д'Акен видел своей целью создание некой стройной, логичной системы древнееврейской и арамейской лексики. Однако в эпоху Средневековья и Раннего Нового времени еврейские авторы нередко давали своим произведениям цветистые названия (например, современник д'Акена, венецианский раввин Леоне да Модена назвал свой лексикон «Львиная пасть» [Modena, 1640], намекая тем самым на собственное имя). Мы полагаем, что д'Акену тоже не были чужды языковые игры такого рода, поэтому "Ma'ărîḵ hama'ărāḵōṯ" можно перевести как «Строящий войска».

Интересно отметить, что первый словарь мишнаитского (раввинистического) иврита и арамейского языка Таргумов, созданный на территории Италии, носил название "He'ārûḵ" – однокоренное словам ma'ărîḵ и ma'ărāḵā. Если д'Акен был знаком с этим трудом, то, возможно, название, которое он дад своему словарю, было данью уважения рабби Натану (ок. 1035–1106), автору "He'ārûḵ" [Eldar, 2016: 168]. Латинское название словаря д'Акена – "Dictionarium Absolutssimum".

Структура словаря

Словарь содержит 584+10 страниц, пронумерованных с помощью букв еврейского алфавита. Его вводную часть составляют латинское посвящение в прозе первому министру

Франции, кардиналу де Ришелье, стихотворное посвящение ему же на иврите и на латыни и предисловие, еврейский и латинский вариант которого не совпадают по содержанию.

Корпус словаря – одноязычный, вокабулы расположены в начально-алфавитном порядке, который автор старается не нарушать: в приложении к словарю дан список ошибок [Aquin, 1629: 583–584]. Текст на странице напечатан в два столбца.

Словарные статьи оформлены следующим образом: заголовочная единица располагается либо над столбцом, по центру, либо по правому краю столбца и напечатана крупнее, чем остальной текст. По центру, как правило, напечатаны аббревиатуры, имена собственные, союзы, междометия, но также там может располагаться и консонантный корень, под которым сгруппированы, образованные от него лексемы. Иногда заголовочная единица может располагаться по центру и одновременно дублироваться по правому краю столбца.

Заголовочные единицы, вокабулы и цитаты из еврейских источников напечатаны квадратным шрифтом, дефиниции и маргиналии (ссылки на источники) – шрифтом Раши. Вокабулы и цитаты даются с огласовками. Консонантные корни, последняя буква которых имеет две формы написания – обычную и конечную (буквы каф, мем, нун, пе, цади), приводятся непоследовательно: то с конечным вариантом буквы, то с обычным. Буквы корня не разделяются точками или иными знаками.

Анализ словаря показывает, что д’Акен не отрицал существование в иврите биконсонантных корней. Так, под заголовочной единицей √bṣ он объединяет вокабулы məḇaṣbēṣ («проступает», «просачивается»), и bēṣā («яйцо») [Aquin, 1629: 57], последнее слово он, однако, ранее приводит как производное от корня √byṣ [Aquin, 1629: 50]. Слово bîmā («амвон») д’Акен возводит к биконсонантному корню √bm [Aquin, 1629: 54]. В то же время слово ’āḇîḇ («колос», «весна») – к удвоенному корню √’bb [Aquin, 1629: 1], а не к биконсонантному корню √’b, как делал его предшественник Менахем бен Сарук [Saruq, 1986: 16]. На данном этапе исследования статистическая обработка полученных данных не проводилась, однако, в целом, очевидно, что одноконсонантные корни в словаре д’Акина отсутствуют, а

количество биконсонантных корней существенно меньше, чем в словарях X в. «Махберет Менахем» бен Сарука и «Агрон» Альфаси [Al-Fasi, 1936; Saruq, 1986], но они встречаются.

Это позволяет сделать предварительный вывод о том, что д'Акен в какой-то мере придерживался теории «минимального корня», предполагавшей наличие в древнееврейском языке одноконсонантных и биконсонантных корней и в своем исходном варианте постулировавшей, что корневыми следует считать только те консонанты, которые сохраняются при словоизменении и словообразовании [Eldar, 2014: 14; Allony, 1969: 46; Будман, 2017: 112].

Теория «минимального корня» господствовала в Андалусской грамматической школе до начала XI в., пока на смену ей не пришел постулат, заимствованный у арабских грамматиков о том, что число букв корня не может быть меньше трех [Будман, 2016: 15]. На севере Франции она сохраняла свои позиции как минимум до второй половины XII в. [Eldar, 2016: 221], а на территории Италии – еще в XV в. [Eldar, 2016: 178]. Д'Акен мог познакомиться с этой теорией во время обучения в Пьемонте, и это объясняло бы появление биконсонантных корней в его словаре. Данную гипотезу нам предстоит проверить в ходе дальнейшего исследования.

Заключение

В рамках данной статьи впервые было представлено краткое описание толкового словаря Филиппа д'Акена библейской и талмудической лексики "Ma'ărîḵ hama'ărāḵōṯ" и приведен перевод его рифмованного подзаголовка. Наша гипотеза о том, что текст д'Акена содержит элементы еврейско-провансальского языка и может рассматриваться как еще один источник сведений о шуадите, подтвердилась. Тем самым, полученные результаты помогают восполнить пробел в научных представлениях о еврейских языках и диалектах. Изученный материал был использован при составлении курса лекций по дисциплине «История еврейских языков», читавшегося студентам учебной группы АМФЗ-221 РГУ им. А.Н. Косыгина в осеннем семестре 2022 г.

Нами был предложен вариант перевода названия словаря, а также сделаны выводы о стиле текста д'Акена, представляющие

интерес для исследователей, изучающих еврейскую литературу эпохи раннего Нового времени.

Помимо этого, были намечены перспективы дальнейшего исследования. Изучение структуры и организации словаря “Ma‘ărîḵ hama‘ărāḵōṯ” находится на начальном этапе, и гипотезу о принадлежности д’Акена к Итальянской грамматической школе нам предстоит подтвердить или опровергнуть в ходе последующей работы.

Литература

1. Алпатов В.М. Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 253 с.
2. Будман Ю.Д. Из истории развития еврейской филологической мысли в X в.: От Са’адии Гаона до Менахема бен Сарука // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 8–17. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-4-8-17.
3. Будман Ю.Д. К вопросу о формировании представления о морфемном составе слова в ближневосточных лингвистических традициях (VII–X вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 108–116. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-3-108-116.
4. Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
5. Еврейские языки и диалекты / Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. – Иерусалим, 1982. – 868 стлб.
6. Еврейско-провансальский язык / Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. – Иерусалим, 1982. – 868 стлб.
7. Карпантра / Еврейская Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Т. 9. – СПб, 1911. – 962 стлб.
8. Крескас из Оранжа / Еврейская Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Т. 9. – СПб, 1911. – 962 стлб.
9. Ламбдин Т.О. Учебник древнееврейского языка / пер. с англ. Эйделькинд Я. – М.: Российское Библейское общество, 2003. – 509 с.
10. Якерсон С.М. Еврейская средневековая книга: Кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты. – М.: РГГУ, 2003. – 256 с.

11. Al-Fasi D. The Hebrew-Arabic Dictionary of the Bible Known as Kitab Jami Al-Alfaz (Agron) / ed. Skoss S. V. 1. – New Haven: Yale University Press, 1936. – 600+cxxxix p.
12. Allony N. Ha'Egron by Rav Sa'adya Ga'on: critical edition with introduction and commentary. – Jerusalem, 1969. – 584+XIX p.
13. Aquin Philippe (de) Dictionarium Absolutissimum. – Typographia Antonii Vitray in Collegio Longobardorum, 1629. – 10+584 p.
14. Baraude H. Lopez: agent financier et confident de Richelieu. – Paris: éditions de la 'Revue mondiale', 1933. – 20 p.
15. Demonet M. Langue et culture judéo-provençales chez Rabelais: Pourim et shuadit: [Электронный ресурс]: URL: https://www.academia.edu/35411940/Langue_et_culture_jud%C3%A9o_proven%C3%A7ales_chez_Rabelais_Pourim_et_shuadit_1 (Дата обращения: 02.11.2022).
16. Eldar I. Hebrew Language Study in Medieval Spain. – Jerusalem: The Academy of the Hebrew Language, 2014. – 208 p.
17. Eldar I. Hebrew Language Study in the Middle Ages: Texts and Studies. – Jerusalem, 2016. – 409 p.
18. Even-Shoshan A. Ha-Milon he-hadash. Vol. 4. – Jerusalem: Kiryath Sepher, 1979. – 1854 p.
19. Gottheli R., Kahn S. Philippe d'Aquin / The Jewish Encyclopedia. Vol. 2. – New York – London: Funk & Wagnalls company, 1902. – 685 p.
20. Gottheli R., Lévi I. Mordecai En Crescas of Orange / The Jewish Encyclopedia. Vol. 4. – New York – London: Funk & Wagnalls company, 1903. – 688 p.
21. Goujet C. Mémoire historique et littéraire sur le Collège royal de France. – Paris, 1758. – 220 p.
22. Gruss N. L'imprimerie hébraïque en France (XVIe-XIXe siècles) // Revue des études juives. 1966. T. 125. N° 1–3. P. 77–91.
23. Jal A. Dictionnaire critique de biographie et d'histoire: errata et supplément pour tous les dictionnaires historiques d'après des documents authentiques inédits. – Paris, 1867. – 1357 p.
24. Jastrow M. A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature. – London: Luzac, 1903: [Электронный ресурс]: URL: https://www.sefaria.org/Jastrow%2C_%D7%A2%D6%B8%D7%A8%D6%B7%D7%9A%D6%B0.1?lang=bi&with=About&lang2=en (Дата обращения: 13.09.2022).
25. Lachévre F. Le Libertinage au XVIIe siècle. VIII. Mélanges. Genéve: Slatkine reprints, 1968. – 315 p.

26. Modena L. Pi arye. – Venetia, 1640. – 28 p.
27. Nahon P. Modern Judeo-Provençal as Known from Its Sole Textual Testimony: Harcanot et Barcanot (Critical Edition and Linguistic Analysis) // Journal of Jewish Languages. 2021. 9. P. 1–73.
28. Morin Y. C. Histoire interne du français: systèmes phonique et graphique // Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanichen Sprachen. – De Gruyter, 2008. P. 2907–2926.
29. Nahon P. La singularisation linguistique des juifs en Provence et en Gascogne: deux cas parallèles ou opposés? // La Linguistique. 2020. 56. P. 87–113.
30. Pelorson J. Le docteur Carlos García et la colonie hispano-portugaise de Paris (1613-1619) // Bulletin hispanique. 1969. T. 71. Nº 3–4. P. 518–576.
31. Rubin A., Kahn L. Jewish Languages from A to Z. – Taylor and Francis, 2020. – 246 p.
32. Saruq M. Iggeret el Hisday ben Shaprut: [Электронный ресурс]: URL: https://benyehuda.org/read/30836 (Дата обращения: 30.11.2022).
33. Saruq M. Mahberet / ed. Sáenz-Badillos A. – Granada: Universidad de Granada, 1986. – 19+404* p.
34. Viguier M. Le «Sermon des Juifs» à Carpentras: Carnaval ou Pourim? // Annales du Midi. 1989. 101–187. P. 235–259.
35. Zender Y. Catalogue of the Hebrew Books in the British Museum. – London: British Museum, 1867. – 540 p.

References

1. Al-Fasi D. The Hebrew-Arabic Dictionary of the Bible Known as Kitab Jami Al-Alfaz (Agron) / ed. Skoss S. – New Haven: Yale University Press, 1936. – 600+cxxxix p.
2. Allony N. Ha'Egron by Rav Sa'adya Ga'on: critical edition with introduction and commentary. – Jerusalem, 1969. – 584+XIX p. (In Heb.).
3. Alpatov V. M. Language Studies: From Aristotle to Computer Linguistics. – Moscow, 2018. – 253 p. (In Russ.).
4. Aquin Philippe (de) Dictionarium Absolutissimum. – Typographia Antonii Vitray in Collegio Longobardorum, 1629. – 10+584 p. (In Heb.).
5. Baraude H. Lopez: agent financier et confident de Richelieu. – Paris: éditions de la 'Revue mondiale', 1933. – 20 p.
6. Budman Y. Topics in History of of Jewish philological thought in the 10th c.: from Sa'adia Gaon to Menachem ben Saruq // Bulletin of

Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2016. no 4. pp. 8–17. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-4-8-17. (In Russ.).
7. Budman Y. Th e semitic root: process of the concept development (VIIth–Xth cent.). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. 2017, no. 3, pp. 108–116. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-3-108-116. (In Russ.).
8. Carpentras / Jewish Encyclopedia of Brockhaus and Efron. V. 9. – Saint Petersburg, 1911. – 962 col. (In Russ.).
9. Crescas of Orange / Jewish Encyclopedia of Brockhaus and Efron. V. 9. – Saint Petersburg, 1911. – 962 col. (In Russ.).
10. Demonet M. Langue et culture judéo-provençales chez Rabelais: Pourim et shuadit: [[Electronic resource]: URL: https://www.academia.edu/35411940/Langue_et_culture_jud%C3%A9o_proven%C3%A7ales_chez_Rabelais_Pourim_et_shuadit_1 (Accessed: 02.11.2022).
11. Eldar I. Hebrew Language Study in Medieval Spain. – Jerusalem: The Academy of the Hebrew Language, 2014. – 208 p. (In Heb.).
12. Eldar I. Hebrew Language Study in the Middle Ages: Texts and Studies. – Jerusalem, 2016. – 409 p. (In Heb.).
13. Even-Shoshan A. Ha-Milon he-hadash. Vol. 4. – Jerusalem: Kiryath Sepher, 1979. – 1854 p. (In Heb.).
14. Gottheli R., Kahn S. Philippe d'Aquin / The Jewish Encyclopedia. Vol. 2. – New York – London: Funk & Wagnalls company, 1902. – 685 p.
15. Gottheli R., Lévi I. Mordecai En Crescas of Orange / The Jewish Encyclopedia. Vol. 4. – New York – London: Funk & Wagnalls company, 1903. – 688 p.
16. Goujet C. Mémoire historique et littéraire sur le Collège royal de France. – Paris, 1758. – 220 p.
17. Gruss N. L'imprimerie hébraïque en France (XVIe-XIXe siècles) // Revue des études juives. 1966. T. 125. No 1–3. P. 77–91.
18. Jal A. Dictionnaire critique de biographie et d'histoire: errata et supplément pour tous les dictionnaires historiques d'après des documents authentiques inédits. – Paris, 1867. – 1357 p.
19. Jastrow M. A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature. – London: Luzac, 1903: [[Electronic resource]: URL: https://www.sefaria.org/Jastrow%2C_%D7%A2%D6%B8%D7%A8%D6%B7%D7%9A%D6%B0.1?lang=bi&with=About&lang2=en (Accessed: 13.09.2022).
20. Jewish Languages and Dialects / Concise Jewish Encyclopedia. V. 2. – Jerusalem, 1982. – 868 col.

21. Judeo-Provençal / Concise Jewish Encyclopedia. V. 2. – Jerusalem, 1982. – 868 col.
22. Lachévre F. Le Libertinage au XVIIe siècle. VIII. Mélanges. Genéve: Slatkine reprints, 1968. – 315 p.
23. Lambdin T. O. Introduction to Biblical Hebrew. – Moscow, 2003. – 509 p.
24. Modena L. Pi arye. – Venetia, 1640. – 28 p. (In Heb.).
25. Morin Y. C. Histoire interne du français: systèmes phonique et graphique // Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanichen Sprachen. – De Gruyter, 2008. P. 2907–2926.
26. Nahon P. Modern Judeo-Provençal as Known from Its Sole Textual Testimony: Harcanot et Barcanot (Critical Edition and Linguistic Analysis) // Journal of Jewish Languages. 2021. 9. P. 1–73.
27. Nahon P. La singularisation linguistique des juifs en Provence et en Gascogne: deux cas parallèles ou opposés? // La Linguistique. 2020. 56. P. 87–113.
28. Pelorson J. Le docteur Carlos García et la colonie hispano-portugaise de Paris (1613-1619) // Bulletin hispanique. 1969. T. 71. No 3–4. P. 518–576.
29. Rubin A., Kahn L. Jewish Languages from A to Z. – Taylor and Francis, 2020. – 246 p.
30. Saruq M. Iggeret el Hisday ben Shaprut: [[Electronic resource]: URL: https://benyehuda.org/read/30836 (Accessed: 30.11.2022). (In Heb.).
31. Saruq M. Mahberet / ed. Sáenz-Badillos A. – Granada: Universidad de Granada, 1986. – 19+404* p.
32. Vakhtin N. B., Golovko E. V. Sociolinguistics and Sociology of the Language. – Saint Petersburg, 2004. – 336 p. (In Russ.).
33. Viguier M. Le «Sermon des Juifs» à Carpentras: Carnaval ou Pourim? // Annales du Midi. 1989. 101–187. P. 235–259.
34. Yakerson S. M. Jewish Medieval Book. – Moscow, 2003. – 256 p. (In Russ.).
35. Zender Y. Catalogue of the Hebrew Books in the British Museum. – London: British Museum, 1867. – 540 p.

УДК 81.42

Демчинская Екатерина Алексеевна
Ekaterina Demchinskaya

Роль терминологии в формировании профессиональных компетенций будущих специалистов в высшей школе

The role of terminology in the formation of future specialists' professional competences in higher education

Аннотация. *В статье рассматривается один из важнейших вопросов, связанных с повышением эффективности обучения иностранному языку в высшей школе, а именно – вопрос овладения знанием терминов по будущей специальности, доказывается необходимость глубокого изучения терминологии вне зависимости от выбранного профиля обучения. Знание как теоретического, так и практического аспекта терминоведения сказывается самым благоприятным образом на повышении квалификации будущих ученых и специалистов-практиков, обладающих сформированной профессионально-коммуникативной компетентностью. В статье описаны различные подходы к определению функций терминов, даны основные принципы отбора иноязычных терминов, указаны возможные пути прочного усвоения терминов. В терминологической системе рассматриваются элементы, взаимосвязанные как на лингвистическом, так и на экстралингвистическом уровне. На примерах описаны трудности, которых можно избежать при изучении профессиональной лексики.*

Abstract. *The article deals with one of the most important issues related to improving the effectiveness of studying language in higher education, namely, the issue of mastering terms for the future specialty, and proves the need for in-depth study of terminology regardless of the chosen training profile. Knowledge of both the theoretical and practical aspects of terminology affects in the most favourable way the advanced training of future scientists and specialists with strong professional and communicative competence. The main methods for introducing and memorizing new vocabulary are proposed. In the terminology system, the elements interrelated both at the linguistic and extralinguistic level are considered. Examples are given on what difficulties can be avoided while learning professional vocabulary.*

Ключевые слова: *иностранный язык для профессиональных целей, изучение терминов, профессионально-ориентированная лексика, терминологический аспект, профессиональные компетенции, повышение профессиональной квалификации, отбор терминов, семантический критерий*

Key words: *foreign language for professional purposes, terms study, professionally-oriented vocabulary, terminological aspect, professional competencies, professional development, selection of terms, semantic criterion*

Введение

В современном мире прогресс в науке и технике органично обеспечивается не только глубокими знаниями в профессиональной области, но также уверенным владением иностранными языками, роль которых в становлении

современного высококвалифицированного ученого не может быть переоценена.

Поликультурность образования, цифровизация и интеграция научной, производственной и социально-экономической сфер жизни делают необходимой подготовку специалистов высокого уровня, способных решать профессиональные задачи высокого уровня сложности.

Формирование профессиональных компетенций посредством усвоения профессионально-ориентированной лексики – *терминов* – является одной из неотъемлемых характеристик содержания предмета «Иностранный язык» в высшей школе.

Необходимость овладения профессионально-ориентированной лексикой

Количество и характер материала, рассматриваемого в качестве обязательного минимума для формирования профессиональных компетенций будущего специалиста, каждый раз определяется согласно количеству отведенных на предмет учебных часов и требует распределения учебного материала в соответствии с изучением профильных дисциплин. Овладение минимумом профессионально-ориентированной лексики, т.е. терминами по будущей специальности на иностранном языке, всегда является важной целью в курсе иностранного языка в высшей школе.

Данная цель успешно достигается с помощью текстов по изучаемой специальности с соответствующим терминологическим наполнением, что способствует осознанному усвоению лексического материала и формирует прямые связи между понятиями, фактами и явлениями объективной реальности и лингвистическими средствами их выражения, так как терминология каждой области знания строится на основе понятийных связей профессиональных знаний.

Выбор терминов должен быть обусловлен прежде всего частотой их употребления в текстах по специальности. Чем чаще термин встречается в специальной литературе, тем нужнее он будет в процессе профессиональной деятельности и, соответственно, тем прочнее он должен быть усвоен.

Приоритетными здесь будут такие части речи, как существительные и глаголы.

Закрепление профессиональной лексики должно происходить в ассоциативных синтагматических группах, в предложениях, формирующих очевидные связи между предметами или процессами объективной действительности и их представлением с помощью профессиональных терминов на иностранном языке. При этом следует максимально опираться на теоретические знания, приобретенные на лекциях и семинарах по профильным дисциплинам.

Закреплению лексического материала будут способствовать разнообразные лексические упражнения на заполнение пропусков, сопоставление начала и конца предложения, подбор синонимов, выбор подходящего под определение термина. Развивают профессиональные языковые компетенции также диалогическая форма высказывания с использованием терминов по теме и упражнения на перевод с иностранного языка на родной и обратно. Подобная подача материала облегчает запоминание большего, чем обычно, количества терминов.

Незаменимым фактором успешного усвоения иностранного языка для специальных целей является создание учебно-методических пособий для конкретных специальностей. Тщательный отбор необходимых терминов, создание систем упражнений на закрепление профессиональной лексики плавно подводит студентов к конечной цели изучения иностранного языка в вузе – применению иностранного языка в ситуациях, связанных с их будущей профессиональной деятельностью, а именно использованию иностранного языка для ведения беседы в рамках выбранной профессии, участия в дискуссиях, конференциях и бизнес-переговорах по специальности.

Научные подходы к определению и выделению термина

Учебный словарь терминов при обучении в неязыковых вузах должен быть минимальным, и в него должны войти лишь самые употребительные по данной специальности термины.

Следует учитывать в первую очередь практическую направленность исходных понятий современного

терминоведения. Так, в современном терминоведении терминами по праву считаются слова, словосочетания, аббревиатуры, а также различные символы и их комбинации со словами, соотнесённые со специальным (профессиональным) понятием. В этом взгляды многих учёных на термин сходятся, но в большинстве случаев сходство этим и ограничивается.

Подходы к определению понятия «термин» различны, но это не меняет основной функции термина в языке. Поэтому стоит отталкиваться от определения, данного в Большой российской энциклопедии, которое подчеркивает основную характеристику терминов: термины (от лат. terminus – граница, предел) - слова и словосочетания, обозначающие конкретные понятия в какой-либо специальной области знаний или деятельности [Осипов, 2004; 2017].

Некоторые исследователи, рассматривая термин с функциональной точки зрения, отмечают, что «номинативная функция у терминов в сфере определённой отрасли производства – основная» [Моисеев, 1970: 2]. Такого же мнения придерживается С. В. Гринёв-Гриневич. Он признаёт существование «отличного мнения», согласно которому к терминам можно относить и некоторые глаголы, а также прилагательные и наречия, однако отвергает эту точку зрения как несостоятельную. Поэтому он и определяет «термин как номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание), принимаемую для точного наименования понятий» [Гринёв-Гриневич, 2008: 30].

Разумеется, это свойство является общим для всех знаменательных слов, однако следует заметить, что у терминов оно значительно более выражено. Данная точка зрения обусловлена тем, что существительных в терминологии больше, чем других частей речи, и они наиболее разнообразны [Сергевнина, 2012].

С точки зрения Р.Ю. Кобрина, элементами составного термина могут являться прилагательные, причастия, а также другие части речи, входя в состав терминологического словосочетания, но не имея самостоятельного терминирующего значения (за исключением случаев субстантивации) [Кобрин, 1969]. Но научный стиль не формируется только из

существительных, поэтому в состав терминологий также входят и другие части речи – прилагательные, наречия и глаголы, обозначающие специфику признака или процесса, относящихся к конкретной профессиональной области.

Поэтому в качестве терминов должны быть выделены и зафиксированы в учебных терминологических словарях не только существительные, но и прилагательные, глаголы и наречия, обозначающие специфичные для соответствующей области знания понятия. При этом имеются в виду не только отдельные слова, но и многокомпонентные словосочетания и их сокращения, обозначающие материальным (звуковым или графическим) комплексом соответствующий понятийный элемент системы конкретной области знания.

Данную функцию могут выполнять не только специальные, но и общеупотребительные слова и их сочетания. Отсюда возможность функционального подхода к выделению термина из профессионально направленных текстов.

Большинство исследователей полагают, что термин – это языковой знак, основная функция которого – воспроизводить в сознании человека возможно более полно представление об объекте (понятии) специальной области знания со всеми его свойствами и качествами [Мурашкин, 2011]. Поскольку соотнесенность термина со специальным (профессиональным) понятием очевидна, то превалирование семантического критерия при выделении одно- и многословных терминов из научных и технических текстов является обоснованным.

Некоторые исследователи для выделения терминов пользуются формальным критерием. К примеру, Р.Г. Пиотровским предложена статистическая методика выделения терминов [Пиотровский, Бектаев, Пиотровская, 1977], Р.Ю. Кобриным – критерий воспроизводимости [Кобрин 1969]. Каждая терминология состоит из определенного набора терминов конкретной области знания, связанных на экстралингвистическом уровне – слов и словосочетаний, каждое из которых характеризуется своей частотой употребления, ограничивая и вербально закрепляя систему понятий той или иной области знания.

Типичные трудности перевода терминов

При практическом использовании терминов следует соблюдать особую осторожность. К сожалению, узкий кругозор и массовая нелюбознательность современных технарей не дают им возможности понять без дополнительного пояснения, что хорошо знакомое слово «wi-fi» не что иное, как аббревиатура терминологического словосочетания «wireless fidelity», а «USB» расшифровывается как «universal serial bus», а не является просто рандомным набором букв. И, как показывает практика, даже успешно обучающиеся будущие программисты без тени сомнения переводят слово «bus» в данном контексте как «автобус», в то время как правильный перевод этого технического термина – «шина».

При работе с терминами стоит познакомиться с понятием «ложный друг переводчика» и его классическими примерами: «satin» – «атласный», а не «сатиновый»; «velvet» – «бархат», а не «вельвет»; «designer» – «инженер-разработчик», а не «дизайнер» и пр. Частые ошибки также возникают при переводе слова «academic», которое принимают за эквивалент русского слова «академик». Но «академик» соответствует английскому «academician», и здесь прекрасно виден словообразовательный элемент – суффикс –ian, отвечающий за образование слов, обозначающих профессии. С похожими трудностями сталкиваются и будущие специалисты в области экономики или права. Так, экономический термин «interest», так похожий и на русское, и на хорошо знакомое английское слова, в экономических текстах имеет значение «процент», т.е. плата, получаемая кредитором от заемщика за пользование ссудой. Как гласит шотландская пословица, «False friends are worse than open enemies» - «Ложные друзья хуже, чем открытые враги».

Лексика в области экономического знания в принципе отличается от лексики повседневного бытового английского языка. Банковская деятельность, валютный рынок, рынок ценных бумаг, внешнеэкономические контракты, инвестиционные проекты – везде лексика отличается специфичностью употребления.

Для наглядности, к примеру, возьмем слово «cost». Общеизвестный перевод этого слова – «стоимость». Однако во множественном числе слово «costs» означает «издержки». Так,

«production costs» – это издержки производства, т.е. совокупные затраты на производство продукта, а «capital costs» – затраты постоянного капитала. При этом при добавлении слова «variable» – «variable capital costs» – мы получаем терминологическое словосочетание, означающее «затраты переменного капитала». В словосочетании «calculation of costs» – «калькуляция себестоимости» – мы получаем еще одно значение слова «costs». Этот пример показывает, с какой осторожностью надо подходить к употреблению и переводу терминов.

Другим примером послужит слово «contract». Поскольку это слово заимствовано в русский язык и является синонимом русского слова «договор», с его переводом обычно не возникает никаких проблем. Так, очевидно, что «long-term contract» это долгосрочный контракт, а «open-end contract» – контракт без оговоренного срока действия. Однако при переводе на английский словосочетания «бартерный контракт» легко попасть в ловушку, так как на английском языке это «barter transaction».

Еще одним примером является слово «credit». Студенты легко переводят «bank credit» как «банковский кредит», а «consumer credit» как «потребительский кредит». Тем не менее «льготный кредит» - это «soft loan». Насколько важно разбираться в сути вопроса с профессиональной точки зрения для правильного выбора необходимого по ситуации термина, хорошо видно на следующем примере с экономическим термином «доход». Неспециалисту кажется, что это слово синонимично слову «прибыль», что на самом деле можно увидеть во многих словарях. Однако это может быть справедливым только до того момента, пока мы не переходим в область терминологии в экономической сфере. Этот термин переводится на английский язык 3 разными словами в зависимости от того, какой конкретно доход имеется в виду. Грамотный экономист должен различать «income» как доход (денежные средства), получаемый в виде зарплаты, прибыли от коммерческой деятельности, гонораров в отличие от капитальных поступлений, и «profit» – излишек, заработанный свыше нормальной доходности капитала. Третий термин – «revenue» – означает доход, полученный от обычных продаж. Именно из этой суммы вычитаются издержки для получения чистого дохода. Таким образом, терминология в

области экономики требует досконального знания экономической дисциплины и нюансов употребления терминов в зависимости от контекста.

В юриспруденции при работе над темой «Словообразование» поиск однокоренных терминов помогает их запоминанию, например: «thief» – «theft» (вор – воровство, кража). Однако однокоренной глагол в английском языке отсутствует, и появляется «подводный камень» в виде глагола «to steal» (воровать, красть), сбивающий с толку и затрудняющий изучение, так как в русском языке все три слова однокоренные. В юриспруденции ситуация с термином «кража» аналогична примеру с термином «доход» в экономике. Любая кража является хищением, но «theft» – тайное хищение чужого имущества, «robbery» – открытое хищение имущества и, наконец, «burglary» – хищение имущества с проникновением в закрытое помещение.

Приведенные примеры в очередной раз доказывают необходимость тщательного отбора терминов на иностранном языке и повышенного внимания при их использовании.

Заключение

Полученные прочные знания иноязычной терминологии в профессиональной сфере дают возможность будущим специалистам самых разных направлений в дальнейшем уделять внимание последним новостям из сферы науки, техники и экономических связей с разными странами, расширять контакты с потенциальными деловыми партнерами, а также мотивируют к обязательному изучению специальной литературы не только на родном, но и на иностранном языке, что неизменно приводит к повышению профессиональной ценности и значимости любого специалиста.

Литература

1. Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. — М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
2. Гринёв-Гриневич С.В. Терминоведение. Учебное пособие. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
3. Казачкова О.А. Сопоставительный анализ терминологии «Художественная обработка металлов» в английском и русском языках. Автореферат дис…канд.филол.наук, Москва, 2005, 24 с.

4. Кобрин Р.Ю. Опыт лингвистического анализа терминологии. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Горький, 1969. 21 с.
5. Краткий англо-русский толковый словарь экономических и финансовых терминов. – М.: «Финансы и статистика», 1987. – 112 с.
6. Меньшикова М.Н. Английские экономические термины. Справочник. – Новосибирск: «Наука», Сибирское отделение, 1983. – 261 с.
7. Моисеев А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. 124 с.
8. Мурашкин В.А. Словарь терминов по курсу «Финансы, деньги и кредит». Электроизолятор: ГГХПИ, 2011. – 52 с.
9. Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А. Математическая лингвистика. Учеб. пособие для пед. институтов. М.: Высшая школа, 1977. 383 с.
10. Русско-английский толковый словарь международных, финансовых, валютных, биржевых терминов и понятий. ООО «Партнер», Москва, 1991, 136 с.
11. Сергевнина В.М. Терминоведческий аспект преподавания иностранного языка в неязыковом вузе. Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского, 2012, №1(2), с. 408-413.

References

1. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: [v 35 t.] / gl. red. Yu. S. Osipov. — M.: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 2004–2017.
2. Grinyov-Grinevich S.V. Terminovedenie. Uchebnoe posobie. – M.: Akademiya, 2008. – 304 s.
3. Kazachkova O.A. Sopostavitel'nyy analiz terminologii «Khudozhestvennaya obrabotka metallov» v angliyskom i russkom yazykakh. Avtoreferat dis…kand.filol.nauk, Moskva, 2005, 24 s.
4. Kobrin R.Yu. Opyt lingvisticheskogo analiza terminologii. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Gor'kiy, 1969. 21 s.
5. Kratkiy anglo-russkiy tolkovyy slovar' ekonomicheskikh i finansovykh terminov. – M.: «Finansy i statistika», 1987. – 112 s.
6. Men'shikova M.N. Angliyskie ekonomicheskie terminy. Spravochnik. – Novosibirsk: «Nauka», Sibirskoe otdelenie, 1983. – 261 s.
7. Moiseev A.I. O yazykovoy prirode termina // Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoy terminologii. M.: Nauka, 1970. 124 s.
8. Murashkin V.A. Slovar' terminov po kursu «Finansy, den'gi i kredit». Elektroizolyator: GGKhPI, 2011. – 52 s.

9. Piotrovskiy R.G., Bektaev K.B., Piotrovskaya A.A. Matematicheskaya lingvistika. Ucheb. posobie dlya ped. institutov. M.: Vysshaya shkola, 1977. 383 s.
10. Russko-angliyskiy tolkovyy slovar' mezhdunarodnykh, finansovykh, valyutnykh, birzhevykh terminov i ponyatiy. OOO «Partner», Moskva, 1991, 136 s.
11. Sergevnina V.M. Terminovedcheskiy aspekt prepodavaniya inostrannogo yazyka v neyazykovom vuze. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I.Lobachevskogo, 2012, №1 (2), s.408-413.

УДК 811.112.2

Харитонова Елена Юрьевна
Elena Kharitonova

Анималистические пейоративы в немецкой компаративной фразеологии: гендерный аспект

Animalistic pejoratives in German comparative phraseology: gender aspect

Аннотация. *Актуальность. Зооморфный лингвокультурный код выступает одним из важнейших компонентов системы символов национальной культуры. Несмотря на достаточно глубокую проработанность анималистической темы в изучении фразеологии, зооморфные компаративы продолжают вызывать стойкий исследовательский интерес, поскольку представляют собой емкое вместилище данного культурного кода, что позволяет данной теме оставаться актуальной применительно к различным аспектам ее изучения.*

Новизна. В статье рассматриваются немецкие компаративные фразеологизмы, содержащие зооморфизмы, с учетом выражаемой ими гендерной пейоративности. Смещение акцента исследования в сторону гендерной пейоративности зоонимов в составе фразеологических компаративов в немецком языке обеспечивает новизну проводимого исследования.

Цель. Исследование направлено на определение гендерной пейоративности содержащихся в немецких фразеологических компаративах зооморфизмов и разграничение маскулинно- и феминномаркированных немецких фразеологических компаративов.

Материалы и методы. Путем контекстуального анализа определяется гендерная маркированность отобранных зоонимов в составе немецких фразеологических компаративов.

Результаты. Проведенный анализ позволяет выделить в качестве феминно-ориентированных зоонимов таких животных как кошка, курица, гусь, корова, змея, сорока, в качестве маскулинно-ориентированных – медведя, петуха, павлина, ворона. Иллюстративный материал, приводимый в статье, характеризует анималистические

пейоративы в составе фразеологических компаративов как одно из ярких воплощений гендерных признаков.

Выводы. Автор приходит к выводу, что активное употребление гендерно-маркированных анимализмов в качестве символов обусловлено стремлением подчеркнуть биологическое единство человека и отдельных животных, обладающих характерными полоразличительными признаками.

Abstract. *The zoomorphic linguocultural code is one of the most important components of the national culture symbol system. Despite the relatively extensive previous study of the animalistic theme in the field of phraseology, zoomorphic comparatives are of definite research interest, since they represent a unique depository of this cultural code.*

Aim. The purpose of the study is to determine the gender pejorativity of zoomorphisms contained in German phraseological comparatives.

Matherials and Methods. Thus the article deals with German comparative phraseological units containing zoomorphisms in the context of gender pejorativity expressed by them. By means of contextual analysis, the gender marking of the selected zoonyms in the composition of phraseological comparatives is determined.

Results. The findings show that such animals as cat, chicken, goose, cow, snake, magpie may be described as feminine-oriented zoonyms, and bear, rooster, peacock, and crow as masculine-oriented zoonyms. The illustrative material presented in the article characterizes animalistic pejoratives in phraseological comparatives as one of the prime manifestations of gender characteristics.

Conclusions. The author comes to the conclusion that the wide use of gender-marked animalisms as symbols is attritbuted to human desire to emphasize the biological unity of man and certain animals that have specific sex-distinctive features.

Ключевые слова: *немецкая фразеология, компаратив, зооморфизм, гендерный пейоратив*

Keywords: *German phraseology, comparative, zoomorphism, gender pejorative*

Введение

Один из наиболее хорошо изученных аспектов во фразеологии – это зооморфизмы [Буренкова, 2008; Тишкина, 2008; Яковлева, 2018 и др.], в том числе их употребление в компаративных идиомах [Епифанова, 2018; Бхатти, Ковш, Харитонова, 2021 и др.]. Тем не менее интерес к данной сфере применительно к различным языкам не иссякает и подогревается желанием исследователей погрузиться во все новые детали.

В рамках данной статьи предлагается сосредоточиться на рассмотрении анималистических пейоративов в составе немецких компаративных фразеологизмов. При этом **целью** исследования является определение гендерной пейоративности содержащихся в немецких фразеологических компаративах зооморфизмов. В **задачи** исследования входит разграничение маскулинно- и феминномаркированных немецких фразеологических компаративов и определение основ их гендерной пейоративности. Применительно к немецким

фразеологическим компаративам исследование гендерной маркированности зоонимов проводится впервые. В теоретическом плане данное исследование расширяет поле проведенных ранее лингвистических изысканий в области гендерной фразеологии и дает возможность внести уточняющие поправки практического характера в описание тех или иных фразеологических единиц, содержащих известные всем зооморфизмы.

Основная часть

Сравнение человека с животными воспринимается естественно, исходя уже из биологических причин. Анималистические эпитеты используются человеком с древних времен и до наших дней, как в виде сравнений, так и в виде метафор. Обычно человек наделяет себя какими-либо положительными, привлекательными характеристиками, присущими определенным животным, при этом отрицательные качества, наоборот, старается приписать окружающим. В связи с этим анималистических пейоративов достаточно много в различных языках как в виде зоометафор, так и фразеологических компаративов [Ковалевская, 2008: 4].

Отметим, что под пейоративностью понимается способность языковых единиц реализовывать неодобрительную семантику в отношении представителей социума, чьи поступки или качества не соответствуют нормам, принятым в обществе [Лескина, 2010: 9]. Учитывая присущую фразеологизмам особенность первостепенно отражать те или иные отклонения от принятых норм, пейоративность можно рассматривать как неотъемлемую характеристику многих фразеологических единиц. Особенную яркость данная характеристика получает в компаративных фразеологизмах.

Анималистические сравнения представляют собой мощный коммуникативный инструмент, к использованию которого прибегают зачастую в конфликтных ситуациях, подчеркивая зооморфными компаративами отклонение от принятых норм поведения. Использование сравнений с животными с целью принизить, оскорбить оппонента продиктовано по мнению некоторых ученых теорией управления страхом [Вильданова, Кудисова, 2016: 139]. Выражая агрессию

подобным образом, человек стремится обособиться от «бренного мира», представляемого фауной.

Среди немецких компаративных фразеологизмов, в состав которых входят зоонимы, представляется возможным выделить некоторые анимализмы, ориентированные на определенный гендер. Если такое животное, как *свинья* используется в качестве пейоратива по отношению к обоим полам (в работе О.Н. Крыловой такие единицы называются полонейтральными пейоративными номинациями в отношении лиц [Крылова, 2009: 59]) – *aussehen wie Sau* `выглядеть как свинья, то есть грязным, неопрятным`, *davonlaufen wie die Sau vom Trog / das Schwein aus dem Stall* `уйти, не поблагодарив, оставив после себя беспорядок`, *sich wie ein Schwein benehmen* `вести себя как свинья, то есть нарушая рамки приличия`, *wie ein Schwein besoffen / voll* `быть очень пьяным`, то некоторые другие животные олицетворяют оскорбления гендерной направленности (то есть являются полоразличительными).

Так, можно говорить о том, что такие животные как *кошка, курица, гусь, корова, змея, сорока* чаще входят в состав феминно-ориентированных компаративных немецких фразеологизмов с пейоративной коннотацией. О хитрой, коварной женщине говорят *falsch wie eine Katze / Schlange*; болтливую женщину сравнивают с гусыней или сорокой – *wie eine Elster schwatzen / wie eine Gans schnattern*; женская глупость ассоциируется с коровой, гусыней, курицей – *dumm wie eine Kuh, von etw. so viel verstehen wie die Kuh vom Sonntag, dastehen wie die Kuh vorm Berg / vorm Scheunentor, dastehen wie die Kuh / Huhn / Gans, wenn`s donnert*; язвительную, желчную женщину сравнивают с гремучей змеей – *giftig wie eine Klapperschlange*; и исключительно женщин, проявляющих гиперопеку по отношению к кому-либо, сравнивают с курицей, точнее с наседкой – *auf etwas sitzen wie die Glucke auf den Eiern*.

Что касается маскулинно-ориентированных немецких компаративных фразеологизмов, то пейоративно окрашенные сравнения встречаются среди них реже по сравнению с феминными. Они связаны с такими животными как *медведь, петух, павлин, ворон*. О неловком, нелепо ведущем себя мужчине говорят *plump wie ein Bär* `неуклюжий, как медведь`; если

мужчина громко храпит, его тоже сравнивают с медведем, который, как известно, проводит зимний период в спячке – *wie ein Bär schnarchen*. Высокомерного, чванливого мужчину нередко сравнивают с петухом или павлином, например, *stolz wie ein Gockel / Hahn auf dem Mist daherkommen / stolzieren / einhergehen, eitel / stolz wie ein Pfau sein, wie ein Pfau (einherstolzieren)*. Задиристых, склонных устраивать скандалы с драками мужчин также сравнивают с петухами, отличающихся такой привычкой – *wie ein Hahn hochgehen, wie die zwei Hähne (aufeinander losgehen)*. Ворон известен своей всеядностью, в том числе эта птица не отказывается от падали, что породило сравнение с ним жадных, ненасытных мужчин – *gierig wie ein Rabe, gefräßig wie ein Rabe*. Мужчину, уделяющего чрезмерное внимание своему внешнему виду, сравнивают с павлином, распускающим свой красивый хвост – *aufgeputzt wie ein Pfau*.

Хочется отметить параллелизм в сравнении мужчин и женщин с петухом и курицей. Эти домашние птицы выступают гендерным олицетворением человека, возможно, потому что сопровождали человека в повседневной жизни с давних времен и демонстрировали при этом отличительные половые признаки. Большинство сравнений с данными птицами носят оскорбительный характер с сексистским оттенком, поскольку приравнивают женщину к бестолковому, приземленному существу, а мужчину к тщеславному бездельнику-забияке. В качестве яркого языкового примера можно рассмотреть текст песни Викки Воммита «*Sie ist ein Huhn*» [Lyrix.at Songtext], в котором автор, хотя и в ироничном ключе, но довольно пренебрежительно описывает сходства в поведении своей подруги и курицы. Например,

Und beim Frühstück dieser Getreidefimmel…	Эта одержимость зерновыми хлопьями на завтрак…
Wie sie schnäbelt, wie sie guckt.	Как она клюет, как она смотрит,
Wie sie brütet, wie sie gluggt,	Как она задумывается, как бормочет,
und ich schwör`s sie kauft jeden Mist.	и я клянусь, она покупает все подряд.

Ich hatt schon immer so ein dumpfes Gefühl,	У меня всегда было странное чувство,
dass sie eigentlich mehr gackert wenn sie lacht.	Что она скорее кудахчет, чем смеется.
Und sie scharrt mit den Füßen, hält dem Kopf schief beim Grüßen.	Шаркает ногами, Наклоняет голову набок, когда здоровается.
Und sie schläft auf einer Stange in der Nacht.	И спит ночью на насесте.
Sie trennte sich nie von ihrer Federboa…	Она никогда не расставалась со своим боа из перьев…*(здесь и далее перевод автора – Е.Х.)*

Как видим, автор песни действительно подмечает характерные внешние признаки и повадки курицы, которые, по его мнению, роднят эту птицу с его подругой, подчеркивая таким образом невысокие интеллектуальные способности женщины.

Отдельно стоит остановиться на зооморфизмах, имеющих различное пейоративное значение в зависимости от гендерной направленности. Так, сравнение женщины с обезьяной подчеркивает ее жеманство, отсутствие вкуса, например: *Das Orchester spielte den Hindenburgmarsch, breit, wuchtig und forsch, wie es der Denkungsart dieses obersten Heerführers entspricht, als eben mit ihrem Impressario Miß Ranovalla de Singapore eintrat, ein siamesisches Gegenstück zu Mutter Dudlinger, schwarz von Gesicht, ein zinnoberstes Mäntelchen um den Schultern gehängt,* ***aufgeputzt wie ein Affe*** [DWDS]. `Оркестр играл марш Гинденбурга, широко, мощно и бодро, как и подобает образу мыслей этого высшего главнокомандующего, когда в сопровождении своего импрессарио появилась мисс Рановалла де Сингапур, сиамская копия матушки Дудлингер – с черным лицом, накинутым на плечи ярко-алым пальтишком, **разукрашенная как обезьяна**.` Сравнивая мужчину с обезьяной, подчеркивается его похотливость, например: *Oder war dieser Gitzler nicht* ***geil wie ein Affe****?* [DWDS]. `Или этот Гитцлер не был **возбужден как обезьяна**? `

Также стоит упомянуть об универсальности большинства анималистических сравнений в гендерном аспекте. Так, *курица, гусыня, корова, сорока* используются с пейоративной окраской по отношению к женщине и в русских, и в английских фразеологических компаративах. По отношению к мужчинам таковыми зоонимами выступают *петух* и *павлин*. Национально специфичным анимализмом гендерной направленности с пейоративной окраской в немецком языке можно считать зооним *ворон*. Этот вопрос заслуживает отельного внимания и может быть рассмотрен в рамках сравнительного исследования в качестве продолжения данной статьи.

Заключение

С опорой на приведенные выше примеры представляется возможным констатировать, что анималистические пейоративы в составе фразеологических компаративов наиболее яркое воплощение получают именно с учетом гендерных признаков. Преобладание отрицательных и даже пейоративных оценок зооморфизмов в компаративах принято объяснять заложенным в языке и человеческом сознании желанием дистанцироваться от природы, продемонстрировать свое превосходство над животным миром. Однако, столь активное употребление анимализмов в качестве символов, в том числе и с отрицательной коннотацией, может рассматриваться и, наоборот, как стремление подчеркнуть биологическое единство.

Литература

1. Буренкова С.В. Зооморфные образы немецкой и русской фразеологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №30. – с. 29-40.
2. Бхатти Н.В., Ковш Е.В., Харитонова Е.Ю. Культурологические особенности фразеологических компаративов в индоевропейских языках (на материале английского, немецкого, русского языков и урду) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. т. 23. № 3 (87). с. 760-772.
3. Вильданова Г.А., Кудисова Е.А. Зооморфные пейоративы и эвфемизмы в гендерном дискурсе: психолингвистический аспект // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева №2, 2016. – с.139-143.

4. Епифанова В.В. Национально-специфичные основания русских и немецких сравнений при описании характера человека // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. – с. 93-99.
5. Ковалевская А.В. Пейоративные номинации лица в немецкой фразеологии. Автореф. дис. канд. филол. наук. Москва, 2008. – 22с.
6. Крылова О.Н. Пейоративные номинации лица в гендерном аспекте: на материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Москва, 2009. – 204 с.
7. Лескина С.В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц): автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.20. – Челябинск, 2010. – 44 с
8. Тишкина Д.А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в английском и русском языках: сопоставительный анализ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Казань, 2008. – 219 с.
9. Яковлева Е.С. Особенности фразеологических единиц с компонентом-зоонимом (на материале китайского и английского языков) дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Белгород, 2018. – 201 с.
10. DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.dwds.de (Дата обращения: 12.08.2022)
11. Lyrix.at Songtext [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.lyrix.at/t/vicky-vomit-sie-ist-ein-huhn-39b (Дата обращения: 12.08.2022)

References

1. Burenkova S.V. Zoomorfnye obrazy nemeckoj i russkoj frazeologii // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. №30. – s. 29-40.
2. Bhatti N.V., Kovsh E.V., Haritonova E.YU. Kul'turologicheskie osobennosti frazeologicheskih komparativov v indoevropejskih yazykah (na materiale anglijskogo, nemeckogo, russkogo yazykov i urdu) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. t. 23. № 3 (87). s. 760-772.
3. Vil'danova G.A., Kudisova E.A. Zoomorfnye pejorativy i evfemizmy v gendernom diskurse: psiholingvisticheskij aspekt // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva №2, 2016. – s.139-143.

4. Epifanova V.V. Nacional'no-specifichnye osnovaniya russkih i nemeckih sravnenij pri opisanii haraktera cheloveka // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2018. № 3. – s. 93-99.
5. Kovalevskaya A.V. Pejorativnye nominacii lica v nemeckoj frazeologii. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Moskva, 2008. – 22s.
6. Krylova O.N. Pejorativnye nominacii lica v gendernom aspekte: na materiale nemeckogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. – Moskva, 2009. – 204 s.
7. Leskina S.V. Kategoriya pejorativnosti v russkom i anglijskom yazykah v aspekte lingvokul'turologicheskogo sopostavleniya (na materiale frazeologicheskih edinic): avtoref. dis. ... doktora filol. nauk: 10.02.20. – CHelyabinsk, 2010. – 44 s
8. Tishkina D.A. Frazeologicheskie edinicy s komponentom-zoonimom v anglijskom i russkom yazykah: sopostavitel'nyj analiz: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. – Kazan', 2008. – 219 s.
9. YAkovleva E.S. Osobennosti frazeologicheskih edinic s komponentom-zoonimom (na materiale kitajskogo i anglijskogo yazykov) dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. – Belgorod, 2018. – 201 s.
10. DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.dwds.de (Data obrashcheniya: 12.08.2022)
11. Lyrix.at Songtext [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.lyrix.at/t/vicky-vomit-sie-ist-ein-huhn-39b (Data obrashcheniya: 12.08.2022)

ЛИНГВИСТИКА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

УДК 81'33

Зарипов Руслан Ирикович
Ruslan Zaripov

О некоторых особенностях языка информационно-психологической войны в политическом дискурсе

On some peculiarities of the information-psychological warfare language in political discourse

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые проявления языка информационно-психологической войны в политическом дискурсе. На основе примеров из английских, французских и итальянских источников публицистического подстиля современного языка массовой коммуникации и материалов политического твиттинга раскрывается ряд особенностей построения в СМИ альтернативной действительности за счет искаженной интерпретации происходящего. В этом процессе язык массовой коммуникации закрепляет в политическом дискурсе риторику, которая готовит аудиторию к общественно значимым событиям, и одновременно отражает их в виде различных концептуальных установок и стереотипов, влияющих на массовое сознание.*

Актуальность избранной темы определяется постоянным и системным применением в средствах массовой информации технологии информационно-психологического воздействия на индивидуальное и общественное сознание, обладающего значительным персуазивным и суггестивным потенциалом. Теоретическая значимость работы состоит в синхронно-диахронном обзоре отдельных приемов использования языка информационно-психологической войны с целью подмены понятий, в частности, с помощью эвфемизмов и дисфемизмов, образующих метафорические модели. Практическая значимость статьи заключается в трансляции манипулятивного потенциала средств массовой информации для широкой аудитории и выявлении зависимости между появлением в политическом дискурсе элементов языка информационно-психологической войны и началом общественно значимых событий (в частности, развертыванием боевых действий).

Результатами исследования, полученными на основе выборки более ста информационных сообщений общественно-политической тематики, следует считать эмпирически установленное отражение политической борьбы в языке информационно-психологической войны как подвиде языка массовой коммуникации, которое заключается в появлении и закреплении в политическом дискурсе риторики, подготавливающей широкую аудиторию к общественно значимым событиям. С другой стороны, последние являются катализатором языкового выражения и закрепления в массовом сознании различных предубеждений и стереотипов.

Abstract. *The article examines some manifestations of the language of information-psychological warfare in political discourse. Using examples from English, French and Italian sources of the publicistic substyle of modern mass communication language and political tweeting material, it reveals a number of features of an alternative reality construction in the*

media at the expense of a distorted interpretation. In this process, the language of mass communication enshrines in the political discourse rhetoric, which prepares the audience for socially significant events, and at the same time reflects them in the form of various conceptual attitudes and stereotypes that influence the mass consciousness.

The relevance of the chosen topic is determined by the constant and systematic application of the technology of information-psychological impact on individual and public consciousness in the media, which has a significant persuasive and suggestive potential. The theoretical significance of the work consists in a synchronic and diachronic review of individual techniques of using the language of information-psychological warfare to substitute concepts, in particular, with the help of euphemisms and dysphemisms forming metaphorical models. The practical significance of the article consists in broadcasting the manipulative potential of mass media to a wide audience and revealing the correlation between the appearance of elements of the language of information-psychological warfare in the political discourse and the beginning of socially significant events (in particular, the outbreak of hostilities).

The results of the study based on a sample of more than one hundred news items on socio-political topics should be considered as empirically established reflection of political struggle in the language of information-psychological warfare as a subtype of mass communication language, which consists in the appearance and fixation in the political discourse rhetoric, preparing the general audience for socially significant events. On the other hand, the latter are a catalyst for the linguistic expression and consolidation in the mass consciousness of various prejudices and stereotypes.

Ключевые слова: *информационно-психологическая война; язык информационно-психологической войны; информационно-психологическое воздействие; политический дискурс; эвфемизм; метафора*

Key words: *information-psychological warfare; language of information-psychological warfare; information-psychological impact; political discourse; euphemism; metaphor*

Введение

Ведется ли против Российской Федерации информационная война? Безусловно, и в нынешней ситуации это может отрицать только человек, полностью игнорирующий геополитические и социокультурные реалии. Стоит открыть как российские, так и зарубежные медиаканалы новостных, общественно-политических, культурно-исторических и даже спортивных источников, как становится очевидно, что «против России развязана настоящая агрессия, война в информационном пространстве... Атаки наносятся из разных государств, и при этом они четко скоординированы. По сути, это действия государственных структур, и мы знаем с вами, что в состав армий некоторых стран уже вполне официально входят кибервойска» [Известия, 21.05.2022].

В этом контексте предметом исследования определяется язык информационно-психологической войны как подвид языка массовой коммуникации. Целью статьи ставится выявление отдельных особенностей языка информационно-

психологической войны в политическом дискурсе. Задачи работы состоят в синхронно-диахронном изучении частных приемов построения альтернативной реальности в информационном пространстве, исследовании механизма подмены понятий в средствах массовой информации с помощью эвфемизмов и метафорических образов и определении общественного значения языка информационно-психологической войны.

В статье используются описательный, синхронический, диахронический и функциональный методы, а также методы контекстуального и коммуникативно-прагматического анализа. Новизна исследования состоит в сопоставлении однотипных приемов искажения действительности в материалах СМИ разных эпох в зависимости от позиции коммуникатора и подтверждении актуальности отдельных характеристик информационно-психологического воздействия, применявшихся в массовой коммуникации ранее (на примерах событий в Югославии, Ираке и Ливии), в современных медиаматериалах на примерах последнего десятилетия. Эвфемизация и дисфемизация как универсальные приемы сглаживания / демонизации информационного образа и преуменьшения / гиперболизации явлений действительности по-прежнему востребованы в политических технологиях и журналистике. Так, информационная политика стран Запада, сопровождавшая агрессию против Югославии и Ирака, была направлена на преуменьшение вовлеченности США и их союзников в эти конфликты и построение таких метафорических моделей, как: «ДЕЙСТВИЯ США – это САМОЗАЩИТА / ОСВОБОЖДЕНИЕ / МИРОТВОРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ / ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ». С другой стороны, действия России в 2014 году преподнесены как «аннексия», «поглощение», «проглатывание».

Фактор коммуникатора, эвфемизация и дисфемизация

В широком смысле информационная война определяется как противоборство в информационной сфере и средствах массовой информации для достижения различных политических целей [Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь, 2011: 91], которое в глобальном

медиаполе ведется главным образом в его политическом сегменте. Именно политический дискурс как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов, 2013: 263] отражает определенную информационную повестку коммуникатора, его идеологические (идейно-политические) и манипулятивные установки и, как следствие, обеспечивает продвижение выгодной ему картины действительности. На примере политических текстов можно увидеть целенаправленный и целеобусловленный характер реализации вербальных средств, на который также влияют такие факторы, как тематика и частные задачи сообщения, знания и способности, квалификация и опыт, взгляды и убеждения, эрудированность и речевые навыки коммуникатора, а также сознательно или бессознательно учитываемая им рецептивная компетентность адресата, необходимая для понимания текста.

Эффективность деятельности коммуникатора часто опирается на авторитет, свой или выдвигаемой им личности, чтобы усыпить способность адресата самому критически оценивать ситуацию. В этом контексте доверие к источнику информации и политическому (общественному) деятелю нередко заранее обеспечивает успех коммуникации. Комментарии официальных лиц всегда воспринимаются аудиторией с повышенным вниманием и понимаются практически буквально, особенно если они произнесены на камеру или по радио, а не прочитаны в колонке статьи. Заявления политических деятелей в сравнении с продуктами политтехнологов и журналистов оказываются более эффективными с точки зрения структурирования информационной картины мира в сознании реципиента.

В подтверждение данного тезиса приведем следующий пример. В 2011 году в газете «Le Monde» было опубликовано открытое коллективное письмо авторитетных представителей французских интеллектуалов к президенту страны, в котором они потребовали усилить борьбу против М. Каддафи и поддержать восставших против него прозападных мятежников [Le Monde, 16.03.2011]. Эффективность этого обращения заключалась не

только в его эмоциональной публицистичности, но и в том, что его подписали известные писатели, философы, деятели театра и кино, бывшие министры и другие узнаваемые лица – всего около 500 человек [Иванов, 2012: 135]. Эти материалы вместе с другой медиаинформацией позволили правящей элите легко обеспечить информационное прикрытие агрессии против Ливии. Во Франции не оказалось никакой серьезной оппозиции этой преступной акции.

Политическая пропаганда в пределах одного языкового сегмента медиапространства всегда в первую очередь ориентирована на внутреннее потребление. Если рассматривать общую картину, то мало кто даже просто открывает иноязычные источники, получая новости из-за рубежа в переводном, адаптированном и «обезвреженном» виде. Тем не менее, в случае с английским языком пропорция внешней и внутренней аудитории менее радикальна.

Действительно, англосаксы проводят «информационную работу» и с «домашней» аудиторией, хотя речь идет ни много ни мало почти о миллиарде человек. Особенно ярко приемы информационной войны проявляются в период ведения боевых действий, когда в политическом дискурсе резко возрастает количество дезинформации, одним из элементов которой является «язык войны». С помощью этого языка, а именно специально подобранными эвфемизмами и дисфемизмами и конструируются симулякры, а реальные события камуфлируются [Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь, 2011: 93-94].

Так, например, в Югославии Соединенные Штаты пытались заставить всех поверить, что они предприняли «гуманитарную войну» (что само по себе является оксюмороном) в целях «прекращения преступлений против человечности» [Roberts, 1999: 102], и позиционировали себя защитниками мусульман и «молодой демократии». Повсеместная демонстрация «сербских зверств» и «страданий албанского народа», систематическое муссирование темы «этнических чисток» в Косово привели к тому, что мировое общественное мнение было в целом подготовлено к силовому варианту его отделения от Сербии. Раздув антисербскую истерию путем

широкого применения дезинформации лингвистическими и аудиовизуальными (экстралингвистическими) средствами, они сумели создать полностью лживую, виртуальную картину действительности и «развязать себе руки» для проведения военной операции даже в обход Совета Безопасности ООН.

В ходе военной операции информационные службы НАТО называли бомбардировки Югославии *air campaign* (воздушная кампания) и *humanitarian bombing* (бомбардировка с целью оказания гуманитарной помощи), а уничтоженные гражданские объекты получили название *unintended targets* (непреднамеренные цели) [Степанов, 2008: 477]. Жесткие военные термины сознательно избегались, чтобы создать у реципиента впечатление о «ювелирной», профессиональной работе вооруженных сил альянса: «артобстрел» уступил место «подавлению бесконтактным способом огневых точек», вместо слова «бомбардировка» говорилось о «применении авиации» или «силовому воздействию с воздуха», вооруженные силы НАТО обозначались как «ограниченный миротворческий контингент». Даже «убить» преступников было нельзя – можно было их «ликвидировать» [Иванов, 2012: 116]. Системная подмена понятий позволила создать в информационном пространстве следующие манипулятивные посылы: «ДЕЙСТВИЯ США/НАТО – это ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ / ОПОСРЕДОВАННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО / АККУРАТНАЯ ОПЕРАЦИЯ».

Еще Х. Роусон отмечал важность «правильной» номинации и интерпретации военной интервенции: “When our expected invasion of Europe began we would be using the word *liberation – not invasion*” [Rawson, 1995: 255]. Так, операция ВС США в Ираке была названа Iraqi Freedom [Iraq Timeline: Since the 2003 War, 2020], а их действия, направленные на оккупацию и уничтожение страны, характеризовались в англоязычной прессе и официальных документах следующими номинациями: *liberation* (освобождение) [Iraq Liberation Act, 1998], *protective reaction to find the weapon of mass destruction* (защитная реакция с целью найти оружие массового поражения), *liberating forces* (освободительные силы), *peacekeeping operation* (миротворческая операция) [Хроменков, 2009: 542]. Такие эвфемизмы образовывали иной семантический подход к репрезентации

конфликта и формировали такие метафорические модели, как «ДЕЙСТВИЯ США – это САМОЗАЩИТА / ОСВОБОЖДЕНИЕ / МИРОТВОРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ». Структурирование и точность информационного посыла подобных моделей растет пропорционально количеству словоупотреблений, встречающихся в текстах исследуемого политического сегмента (нарратива).

Отметим, что в российской прессе преобладали отрицательные оценки происходящего: «война в Ираке: удар по международному праву», «в Ираке запахло Вьетнамом», «оккупационные силы США в Ираке», «убийство мирных жителей» [Хроменков, 2009: 542].

Это лишь малая часть примеров из истории военных конфликтов, развязанных США. Подмена понятий, искаженная интерпретация глобальной картины происходящего и формирование «параллельной реальности» продолжались и далее, интенсифицируясь по нарастающей с момента антиконституционного переворота на Украине в 2014 году и воссоединения Крыма с Россией, который был преподнесен Западом как «аннексия» [National Post, 24.03.2014] *(annexation),* «блицкриг» [Le Point, 21.03.2014] (негативный метафорический образ, связанный с операциями немецких войск), «поглощение» *(absorption)* [La Croix, 24.03.2014] и «проглатывание» (*La Crimée engloutie par la Russie*) [Le Parisien, 26.03.2014]. Начало специальной военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации, нацеленной, прежде всего, на защиту населения Донбасса, было охарактеризовано коллективным Западом как «неспровоцированное» и «неоправданное» «нападение» [NBC News, 25.02.2022]. Цинизм западных СМИ и трансатлантического сообщества достиг такого уровня, что фотографии убитых мирных жителей на улицах Донецка в результате обстрелов украинской артиллерией представлялись мировой аудитории в качестве доказательств преступлений российской армии [Nicolaporro, 16.03.2022]. Украинское руководство в тесном взаимодействии с западными журналистами провело инсценировку массовых убийств российскими военнослужащими мирных граждан в киевском пригороде Буча, который был выбран в качестве этой локации

неслучайно: его название созвучно английскому слову «мясник»: Bucha – butcher. Эта номинация широко разошлась в мировом информационном пространстве с целью дискредитации действий России и создания дополнительного информационного давления на ее руководство [Федоров, 2022; Butchers of Bucha, 2022]. Яворовский военный полигон в Львовской области, предназначенный для сбора иностранного вооружения и боевого слаживания украинских войск и международных наемников, обозначен в высказываниях западных официальных лиц как «Международный центр миротворчества и безопасности», а его поражение высокоточными ударами российских войск – как «жестокость» [Blinken, 13.03.2022; Joly, 14.03.2022].

Дисфемизация используется в политическом дискурсе в целях дискредитации выбранной мишени информационно-психологического воздействия. Так, форму правления в государствах, руководство которых обвиняют в терроризме и экстремизме, называют *режимом*. Слово «режим» в словаре Ожегова среди прочего определяется как «государственный строй (обычно об антинародном, антидемократическом строе)» [Толковый словарь Ожегова]. Как в русскоязычных, так и в иноязычных политических текстах оно выполняет пейоративную функцию и несет резко отрицательную окраску, ассоциируясь с такими правителями, как Гитлер, Муссолини и т.д. Несмотря на то, что режим может быть демократическим (политический режим, где источником власти является народ), гораздо чаще с этой лексемой употребляются прилагательные «авторитарный», «диктаторский», «монархический», «олигархический» и др. Например, в западных СМИ понятием «режим» характеризуется государственный строй России («путинский режим»), Сирии («режим Асада»), Ливии («режим Каддафи»), однако в них невозможно встретить такие словосочетания, как «режим Байдена», «режим Макрона», «режим Шольца». С такими номинациями, как «режим», действует правило повторения – чем больше они будут применяться в речевой практике, тем они глубже «осядут» в сознании реципиентов.

Например, Дж. Буш-младший в марте 2003 года назвал руководство Ирака “an outlaw regime that threatens the peace with weapons of mass murder” [Bush, 2003]. Госсекретарь США так же

употреблял эту номинацию: “Saddam Hussein and his regime clearly had the intent…” [Washington Post, 03.02.2004].

До начала специальной военной операции власти Украины обозначались в российских национально-ориентированных СМИ в сдержанных, нейтральных формулировках: «руководство Украины», «офис президента Украины», «украинский лидер» и т.п. После февраля 2022 года в некоторых крупных информационных источниках при упоминании В. Зеленского внезапно пропало слово «президент» [Радио Sputnik, 30.07.22; РИА Новости, 28.07.22], а руководство Украины в риторике российских официальных лиц стало определяться как киевский, антинародный и «правящий на территории Украины режим» [Путин, 2022; РИА Новости, 24.07.22]. Позже Зеленского стали обозначать как «глава киевского режима».

Общеупотребительной в отношении руководства Украины в российском информационном пространстве стала и еще более радикальная номинация «хунта» – «военная реакционная террористическая группировка, захватившая власть и установившая террористическую диктатуру» [Толковый словарь Ожегова]. Эта характеристика также привносит свои концептуальные векторы, которые дополняются такими лексическими единицами, как «боевики», «каратели», «террористы» и «нацисты», употребляющимися в отношении представителей украинских вооруженных формирований.

Все эти словоупотребления призваны создать для аудитории такую информационную картину, в которой Украина уже не считается полноценным государством, ей правят террористы, нацисты и хунта. Таким образом, только этими несколькими вербально выраженными «поправками», внесенными в российский политический дискурс, концептуальные установки коммуникаторов были скорректированы до моделей типа: «УКРАИНА – это НЕДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ / НЕПОЛНОЦЕННОЕ ГОСУДАРСТВО», «УКРАИНСКОЕ РУКОВОДСТВО – это ХУНТА / АНТИНАРОДНАЯ ВЛАСТЬ» и др. В целом, это говорит о резком изменении отношения российского руководства к украинским властям на враждебное и подготовке

общественного мнения к скорой реорганизации территории Украины.

Вышеуказанные примеры демонстрируют, что «слова имеют огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве. Слова действуют как самостоятельные силы, независимые от их содержания. Мы привыкли произносить слова и слушать слова, не отдавая себе отчета в их реальном содержании и их реальном весе. Мы принимаем слова на веру и оказываем им безграничный кредит… Слова сами по себе воодушевляют и убивают. За словами идут массы. Всякая агитация в значительной степени основана на власти слов, на гипнозе слов. Привычная фразеология скрепляется с инстинктом масс. Демагоги хорошо знают, какие слова нужно употреблять» [Бердяев, 2017: 162]. В этих условиях читателю или слушателю оказывается очень трудно отделить эстетическое очарование слов от логики передаваемых с их помощью аргументов и фактов. Все это предъявляет серьезные требования к интеллекту реципиента, и далеко не всегда последний, к сожалению, оказывается в состоянии противостоять власти этих слов. Слово, особенно в массовой коммуникации, выполняет функцию воздействия или внушения. Оно поражает воображение адресата с помощью языка, обращенного к чувству, а не к разуму, с помощью «фейковых» новостей и «утрирования» в аргументации, эффектных примеров, броских обобщений, с помощью энергичного и красочного языка аллегорий с простыми и повелительными формулировками. Этот язык и условия его функционирования обладают определенной спецификой в условиях информационно-психологической войны [Гаврилов 2018: 94-95].

Заключение

Таким образом, язык массовой коммуникации и информационно-психологической войны как его подвид отражает политическую борьбу внутри социума и на мировой арене и закрепляет в политическом дискурсе риторику, которая подготавливает широкую аудиторию к общественно значимым событиям. С другой стороны, последние являются катализатором языкового выражения и закрепления в массовом сознании

различных предубеждений и стереотипов. Едва ли не главную роль в этом взаимообусловленном процессе играют эвфемизмы и дисфемизмы, вызывающие в сознании аудитории образы объекта внеязыковой действительности, систематически воспроизводящиеся коммуникаторами и со временем обретающие устойчивую концептуальную структуру в сознании реципиента. Как правило, эти структуры могут быть условно оформлены в виде метафорических моделей, которые в своем содержании учитывают все возможные варианты словоупотреблений в переносном значении.

Эвфемизация и дисфемизация – ведущие характеристики языка информационно-психологической войны, которые обеспечивают разнонаправленное (по семантическому наполнению) и многостепенное (по радикализации лексических единиц) отступление коммуникатора от нейтральных номинаций в сторону социально-окрашенных с целью конструирования гиперреальности в массовой коммуникации. Выявить идеологические установки и манипулятивные посылы коммуникатора возможно с помощью комплексного дискурс-анализа, который позволяет определить выраженную вербальными и невербальными средствами концептуальную связь между мишенью информационной атаки и внеязыковой сущностью, к которой она приравнивается.

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 368 с.
2. Бердяев Н.А. Россия и новая мировая эпоха. – М.: Изд-во “Э”, 2017. – 704 с.
3. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д.О. Рогозина. – М.: Вече, 2011. – 640 с.
4. Гаврилов Л.А. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. – № 2. – Красноярск: СФУ, 2018. – С. 89–98.
5. Зеленский назвал Украину единственной законной наследницей Киевской Руси // РИА Новости. – URL: https://ria.ru/20220728/rus-1805515750.html (дата обращения: 31.07.2022).

6. Зеленский объявил об эвакуации населения с подконтрольной Киеву части ДНР // Радио Sputnik. – URL: https://radiosputnik.ria.ru/20220730/evakuatsiya-1806153480.html (дата обращения: 31.07.2022).
7. Иванов П.А. Модальности функции воздействия в текстах публицистического стиля (на материале французской прессы): дис. … канд. филол. наук. – М.: Военный университет, 2012. – 172 с.
8. Президент Путин рассказал о давлении на РФ в информационном пространстве // Известия. – URL: https://iz.ru/1337792/video/prezident-putin-rasskazal-o-davlenii-na-rf-v-informatcionnom-prostranstve (дата обращения: 20.07.2022).
9. Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 года // Администрация Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843 (дата обращения: 29.05.2022).
10. Россия поможет украинцам избавиться от антинародного режима, заявил Лавров // РИА Новости. – URL: https://ria.ru/20220724/lavrov-1804653720.html (дата обращения: 31.07.2022).
11. Степанов С.А. Социально-окрашенная номинация как номинативный тип военных понятий // Внутренний мир и бытие языка. Материалы II международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. – М.: Книга и бизнес, 2008. – С. 474–479.
12. Толковый словарь Ожегова [электронный ресурс]. – URL: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 20.07.2022).
13. Федоров Е. «Геноцид» в Буче: по методичке доктора Геббельса // Военное обозрение. – URL: https://topwar.ru/194386-genocid-v-buche-po-metodichke-doktora-gebbelsa.html (дата обращения: 26.07.2022).
14. Хроменков П.Н. Современные вооруженные конфликты и их вербальное представление в прессе // Пространства и метасферы языка: структура, дискурс, метатекст: материалы III Межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации: 26 июня 2009 года, Военный университет, Факультет иностранных языков: статьи и доклады участников конференции; сост. и науч. ред.: Н.В. Иванов, В.О. Нечаевский, В.В. Балабин. – М.: Книга и бизнес, 2009. – С. 537–547.
15. Aggarwal M. NATO calls Russian attack 'unjustified and unprovoked,' deploys extra forces // NBC News. – URL: https://www.nbcnews.com/politics/politics-news/live-blog/russia-

ukraine-conflict-live-updates-n1289655/ncrd1289732#blogHeader (дата обращения: 26.07.2022).
16. Bush declares war // CNN. – URL: https://edition.cnn.com/2003/US/03/19/sprj.irq.int.bush.transcript/ (дата обращения: 26.10.2022).
17. Butchers of Bucha. – URL: https://www.butchersofbucha.com/ (дата обращения: 26.07.2022).
18. Crimée: «La Russie est seule», selon Barack Obama // Le Parisien. – URL: https://www.leparisien.fr/international/crimee-la-russie-est-seule-selon-barack-obama-26-03-2014-3711251.php (дата обращения: 26.07.2022).
19. Crimée: les Occidentaux durcissent les sanctions, Moscou réplique - Page 3 // Le Point. – URL:
20. https://www.lepoint.fr/monde/crimee-les-occidentaux-durcissent-les-sanctions-moscou-replique-page-3-21-03-2014-1803670_24.php#xtatc=INT-500 (дата обращения: 26.07.2022).
21. Hamasaeed S.; Nada G. Iraq Timeline: Since the 2003 War // US Institute of Peace. – URL: https://www.usip.org/iraq-timeline-2003-war (дата обращения: 26.07.2022).
22. Iraq Liberation Act of 1998 // US Congress. – URL: https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/4655#:~:text=Iraq%20Liberation%20Act%20of%201998%20%2D%20Declares%20that%20it%20should%20be,it%20with%20a%20democratic%20government (дата обращения: 26.07.2022).
23. Kessler G. Powell Says New Data May Have Affected War Decision // Washington Post. – URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2004/02/03/powell-says-new-data-may-have-affected-war-decision/74b94b5a-8cc9-4887-a84a-be180183e11e/ (дата обращения: 17.10.2022).
24. Lorenzo De G. Quella photo "fake" pubblicata dalla Stampa in prima pagina // Nicolaporro. – URL: https://www.nicolaporro.it/quella-foto-fake-pubblicata-dalla-stampa-in-prima-pagina/ (дата обращения: 26.07.2022).
25. Mélanie Joly. Canada strongly condemns the Russian regime's missile attack... // Twitter. – URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:hW9D--j2H3MJ:https://twitter.com/melaniejoly/status/1503206335298555904+&cd=8&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 27.07.2022).
26. Oui, il faut intervenir en Libye et vite! // Le Monde. – URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2011/03/16/oui-il-faut-intervenir-en-libye-et-vite_1493895_3232.html (дата обращения: 17.10.2022).

27. Rawson H. A Dictionary of Euphemism and Other Double Talk. New York: Crown Publisher, Inc., 1995. – 463 p.
28. Roberts A. NATO's 'Humanitarian War' over Kosovo // Survival: Global Politics and Strategy. – Vol. 43. – N. 3. – Autumn 1999. – Washington: IISS, 1999. – P. 102–123.
29. Russia suspended from G8 over annexation of Crimea, Group of Seven nations says // National Post. – URL: https://nationalpost.com/news/world/there-is-no-g8-russia-suspended-from-exclusive-club-until-it-changes-course-group-of-seven-nations-says (дата обращения: 26.07.2022).
30. Secretary Antony Blinken. We condemn the Russian Federation's missile attack... // Twitter. – URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:x9gRh34xmvQJ:https://twitter.com/secblinken/status/1503127191713984517+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 27.07.2022).
31. Un sommet nucléaire éclipsé par un G7-sanction contre Moscou // La Croix. – URL: https://www.la-croix.com/Actualite/Monde/Un-sommet-nucleaire-eclipse-par-un-G7-sanction-contre-Moscou-2014-03-24-1124782 (дата обращения: 26.07.2022).

References

1. Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuju lingvistiku: Uchebnoe posobie [Introduction to Applied Linguistics: Textbook]. – Izd. 4-e, ispr. i dop. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. – 368 s. (in Russian).
2. Berdjaev N.A. Rossija i novaja mirovaja jepoha [Russia and the New World Era]. – M.: Izd-vo "Je", 2017. – 704 s. (in Russian).
3. Vojna i mir v terminah i opredelenijah. Voenno-politicheskij slovar' [War and Peace in Terms and Definitions. Politico-Military Dictionary] / pod obshh. red. D.O. Rogozina. – M.: Veche, 2011. – 640 s. (in Russian).
4. Gavrilov L.A. Politicheskij diskurs v uslovijah informacionno-psihologicheskoj vojny [Political discourse in information-psychological warfare] // Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika. – № 2. – Krasnojarsk: SFU, 2018. – S. 89–98. (in Russian).
5. Zelenskii nazval Ukrainu edinstvennoi zakonnoi naslednitsei Kievskoi Rusi [Zelensky called Ukraine the only legitimate heir to Kievan Rus] // RIA Novosti. – URL: https://ria.ru/20220728/rus-1805515750.html (mode of access: 31.07.2022). (in Russian).
6. Zelenskii ob"yavil ob ehvakuatsii naseleniya s podkontrol'noi Kievu chasti DNR [Zelensky announced the evacuation of the population from the Kiev-controlled part of the DPR] // Radio Sputnik. – URL:

https://radiosputnik.ria.ru/20220730/evakuatsiya-1806153480.html (mode of access: 31.07.2022).
7. Ivanov P.A. Modal'nosti funkcii vozdejstvija v tekstah publicisticheskogo stilja (na materiale francuzskoj pressy): dis. … kand. filol. nauk [Modalities of the Influence Function in the Texts of the Publicistic Style (on the Material of the French Press)]. – M.: Voennyj universitet, 2012. – 172 s. (in Russian).
8. Prezident Putin rasskazal o davlenii na RF v informacionnom prostranstve [President Putin spoke about the pressure on Russia in the information space] // Izvestija. – URL: https://iz.ru/1337792/video/prezident-putin-rasskazal-o-davlenii-na-rf-v-informatcionnom-prostranstve (mode of access: 20.07.2022). (in Russian).
9. Putin V.V. Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii 24 fevralya 2022 goda // Administratsiya Prezidenta Rossii [Address by the President of the Russian Federation on February 24, 2022]. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843 (mode of access: 29.05.2022).
10. Rossiya pomozhet ukraintsam izbavit'sya ot antinarodnogo rezhima, zayavil Lavrov [Russia will help Ukrainians get rid of the anti-people regime, Lavrov said] // RIA Novosti. – URL: https://ria.ru/20220724/lavrov-1804653720.html (mode of access: 31.07.2022).
11. Stepanov S.A. Social'no-okrashennaja nominacija kak nominativnyj tip voennyh ponjatij [Socially colored nomination as a nominative type of military concepts] // Vnutrennij mir i bytie jazyka. Materialy II mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po aktual'nym problemam teorii jazyka i kommunikacii. – M.: Kniga i biznes, 2008. – C. 474–479. (in Russian).
12. Tolkovyi slovar' Ozhegova [Ozhegov's explanatory dictionary]. – URL: https://slovarozhegova.ru/ (mode of access: 20.07.2022).
13. Fedorov E. «Genocid» v Buche: po metodichke doktora Gebbel'sa ["Genocide" in Bucha: according to Dr. Goebbels' methodology] // Voennoe obozrenie. – URL: https://topwar.ru/194386-genocid-v-buche-po-metodichke-doktora-gebbelsa.html (mode of access: 26.07.2022). (in Russian).
14. Hromenkov P.N. Sovremennye vooruzhennye konflikty i ih verbal'noe predstavlenie v presse [Contemporary Armed Conflicts and Their Verbal Representation in the Press] // Prostranstva i metasfery jazyka: struktura, diskurs, metatekst: materialy III Mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii po aktual'nym problemam teorii jazyka i kommunikacii: 26 ijunja 2009

goda, Voennyj universitet, Fakul'tet inostrannyh jazykov: stat'i i doklady uchastnikov konferencii; sost. i nauch. red.: N.V. Ivanov, V.O. Nechaevskij, V.V. Balabin. – M.: Kniga i biznes, 2009. – S. 537–547. (in Russian).
15. Aggarwal M. NATO calls Russian attack 'unjustified and unprovoked,' deploys extra forces // NBC News. – URL: https://www.nbcnews.com/politics/politics-news/live-blog/russia-ukraine-conflict-live-updates-n1289655/ncrd1289732#blogHeader (mode of access: 26.07.2022).
16. Bush declares war // CNN. – URL: https://edition.cnn.com/2003/US/03/19/sprj.irq.int.bush.transcript/ (mode of access: 26.10.2022).
17. Butchers of Bucha. – URL: https://www.butchersofbucha.com/ (дата обращения: 26.07.2022).
18. Crimée: «La Russie est seule», selon Barack Obama // Le Parisien. – URL: https://www.leparisien.fr/international/crimee-la-russie-est-seule-selon-barack-obama-26-03-2014-3711251.php (mode of access: 26.07.2022).
19. Crimée: les Occidentaux durcissent les sanctions, Moscou réplique - Page 3 // Le Point. – URL:
20. https://www.lepoint.fr/monde/crimee-les-occidentaux-durcissent-les-sanctions-moscou-replique-page-3-21-03-2014-1803670_24.php#xtatc=INT-500 (mode of access: 26.07.2022).
21. Hamasaeed S.; Nada G. Iraq Timeline: Since the 2003 War // US Institute of Peace. – URL: https://www.usip.org/iraq-timeline-2003-war (mode of access: 26.07.2022).
22. Iraq Liberation Act of 1998 // US Congress. – URL: https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/4655#:~:text=Iraq%20Liberation%20Act%20of%201998%20%2D%20Declares%20that%20it%20should%20be,it%20with%20a%20democratic%20government (mode of access: 26.07.2022).
23. Kessler G. Powell Says New Data May Have Affected War Decision // Washington Post. – URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2004/02/03/powell-says-new-data-may-have-affected-war-decision/74b94b5a-8cc9-4887-a84a-be180183e11e/ (mode of access: 17.10.2022).
24. Lorenzo De G. Quella photo "fake" pubblicata dalla Stampa in prima pagina // Nicolaporro. – URL: https://www.nicolaporro.it/quella-foto-fake-pubblicata-dalla-stampa-in-prima-pagina/ (mode of access: 26.07.2022).

25. Mélanie Joly. Canada strongly condemns the Russian regime's missile attack... // Twitter. – URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:hW9D--j2H3MJ:https://twitter.com/melaniejoly/status/1503206335298555904+&cd=8&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (mode of access: 27.07.2022).
26. Oui, il faut intervenir en Libye et vite! // Le Monde. – URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2011/03/16/oui-il-faut-intervenir-en-libye-et-vite_1493895_3232.html (mode of access: 17.10.2022).
27. Rawson H. A Dictionary of Euphemism and Other Double Talk. New York: Crown Publisher, Inc., 1995. – 463 p.
28. Roberts A. NATO's 'Humanitarian War' over Kosovo // Survival: Global Politics and Strategy. – Vol. 43. – N. 3. – Autumn 1999. – Washington: IISS, 1999. – P. 102–123.
29. Russia suspended from G8 over annexation of Crimea, Group of Seven nations says // National Post. – URL: https://nationalpost.com/news/world/there-is-no-g8-russia-suspended-from-exclusive-club-until-it-changes-course-group-of-seven-nations-says (mode of access: 26.07.2022).
30. Secretary Antony Blinken. We condemn the Russian Federation's missile attack... // Twitter. – URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:x9gRh34xmvQJ:https://twitter.com/secblinken/status/1503127191713984517+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (mode of access: 27.07.2022).
31. Un sommet nucléaire éclipsé par un G7-sanction contre Moscou // La Croix. – URL: https://www.la-croix.com/Actualite/Monde/Un-sommet-nucleaire-eclipse-par-un-G7-sanction-contre-Moscou-2014-03-24-1124782 (mode of access: 26.07.2022).

УДК’81

Михайловская Мария Валерьевна
Maria Mikhailovskaia

Идеологема как инструмент семантического манипулирования: «демократия»

An ideologically-bound unit as an instrument of semantic manipulation: "democracy"[1]

Аннотация. *Настоящая статья посвящена изучению идеологем с позиций лингвистики информационно-психологической войны. Актуальность исследования обусловлена назревшей необходимостью проанализировать природу смысловой амбивалентности идеологем и ее влияние на функционирование этих единиц в современном политическом медиадискурсе, а также их передачу в синхронном переводе с русского языка на английский. Как показало проведенное исследование, благодаря присущей им смысловой амбивалентности и высокой степени ассоциативности, идеологемы становятся эффективным инструментом семантического манипулирования, что может дать весомое преимущество одной из сторон в идеологической борьбе. Также идеологемы представляют объективную сложность для устных переводчиков, которые оказываются непосредственными участниками развернувшейся информационно-психологической войны наравне с ведущими политическими деятелями, озвучивающими официальную позицию государства.*

Abstract. *The present contribution explores the potential of ideologically-bound units from the perspective of linguistics of information and psychological warfare. The current global state of affairs naturally piqued academic interest, thus necessitating further investigation into the nature of ideologically-bound units' semantic ambiguity and its impact on their functioning in the political media discourse as well as their rendering in simultaneous interpreting from Russian into English. The findings revealed that due to their inherent semantic ambivalence and a high degree of associativity, ideologically-bound units become an effective tool of semantic manipulation, which can give a definitive advantage to one of the parties in the ideological struggle. Moreover, ideologically-bound units represent an undeniable challenge for simultaneous interpreters, who turn out to become immediate participants in the unfolding information and psychological war on a par with leading politicians who are supposed to voice the official position of the state.*

Ключевые слова: *информационно-психологическая война, демократия, идеологема, смысловая амбивалентность, семантическое манипулирование, синхронный перевод*

Key words: *information and psychological warfare, democracy, ideologically-bound unit, semantic manipulation, semantic ambivalence, simultaneous interpretation*

[1] Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

Introduction

The geopolitical events of the last several decades have transformed the global political landscape and led to an escalation of the information war between their main actors. This confrontation has reached a completely new level due to the rapid advancement of information and communication technologies, which have not only become a global phenomenon intertwined with all areas of human activity from economics and diplomacy to military matters, but can also serve as a trigger for international conflicts that are far from being virtual.

Thus, the present paper aims to examine the nature and essence of information and psychological warfare, summarising the main approaches towards studying this phenomenon, which constitutes the theoretical value of the undertaken research. Moreover, the article seeks to explore the inherent features of ideologically-bound units, endowing them with the potential to perform semantic manipulation, and to investigate the way semantic ambiguity affects the choice of interpreting techniques employed by professional interpreters, which determines the novelty and practical value of the study.

The linguistics of information and psychological warfare

According to Pocheptsov, information warfare represents "the most intellectual version of military confrontation, since both the subject and object of its action are the human mind" [Pocheptsov 2015:8]. Researchers currently distinguish several types of information warfare, among which of particular interest are 1) technical information warfare, which targets communication, control, and information technology systems, and 2) psychological information warfare, which embodies "a confrontation that arises from conflicts of interest and is carried out by deliberate, primarily verbal, influence on the mind of the enemy (a people, a group, or an individual) in order to suppress and/or subjugate their cognition, as well as through the use of informational and psychological measures to protect oneself from such influence" [Skovorodnikov, Kopnina, 2016:43]. Information and psychological warfare "is, in essence, a certain methodology for changing the worldview of the opposite side in a particular direction" [Matvienko, 2008:5].

The linguistic aspect of both theoretical and technical issues within information and psychological warfare has naturally caught the attention of academia. For instance, a research team from the Siberian Federal University suggested singling out the linguistics of information and psychological warfare (LIPW), which emerged at the junction of psycholinguistics, neurolinguistics, pragmalinguistics, political linguistics, media linguistics, ethnolinguistics, cognitive linguistics, linguoculturology and linguoconflictology as a separate area of modern linguistics, "the object of which is the specifics of using language as a means of waging information and psychological warfare, and the subject of which are speech technologies (speech strategies, tactics, techniques, and the linguistic means for their implementation), which are motivated by specific goals" [Skovorodnikov, Kopnina, 2016:43].

Semantic manipulation: ideologically-bound units

Linguistics of information and psychological warfare explores various strategies, tactics and methods of information and psychological warfare that are meant to be verbalized in political media discourse. Special importance should be attached to manifold methods of ideological influence and manipulation of public consciousness, among which semantic manipulation represents subject for particular scrutiny. This method, which became widespread in the late 20th century, implies "a careful selection of words that cause either positive or negative associations and thus affect the overall perception of information" [Panarin, 2012]. Obviously, such lexical units that have contextually determined negative or positive connotations and generate corresponding associations include, among others, ideologically-bound units (IBUs).

When discussing how the term IBU is treated in linguistics, one should mention the definitions worked out by T.B. Radbil, who believed that an IBU is "any lexical indication of spiritual values important to an individual, in which the main, objective meaning of the word becomes blurred, while purely evaluative, emotionally expressive connotations that are not based on the direct meaning of the word take the foreground" [Radbil, 1998:22], and by N.A. Kupina, who saw IBUs as none other than a "linguistic unit, the semantics of which covers the ideological denotation or overlaps with the semantics covering its non-ideological denotation" [Kupina, 2000:183].

A key feature of IBUs is their inherent semantic ambiguity. Among those who pointed out the “discrepancies between contextual meanings of several key words and phrases (of political discourse) and their referents” were H.G. Gadamer, N.S. Trubetskoy and A.P. Skovorodnikov [Gadamer, 1991; Trubetskoy 2003; Skovorodnikov, 2015; 2019]. For example, A.P. Skovorodnikov examines the “contradictory twofold evaluative connotation” of such lexical units as “elite”, “reform”, “modernization”, “optimization”, “democracy”, “tolerance”, and “political correctness” within media texts, coming to the conclusion that the discovered “semantic metamorphoses sometimes affect not only the connotative part of the semantics of the word, but also its denotative component” [Skovorodnikov, 2015:50]. He stresses the fact that the status of the emergent negative evaluative connotations, which are “not language-, but speech-related in their character”, can be defined as “limited discursive” [Skovorodnikov, 2015:55].

Thus, it can be postulated that an IBU is a verbalized concept characterized by semantic ambiguity, which means it exhibits a metaphorical nature, a high level of associativity, and a twofold evaluative connotation, whereby context determines whether the negative or positive connotation will prevail.

Research corpus and methodology

The present study focuses on tracing the changes of the evaluative connotation of the IBU "democracy" and singling out the interpreting techniques used to render this unit in simultaneous interpreting in media and diplomatic settings. The research corpus comprises video recordings of the Russian political media discourse samples, comprising 14 statements made by high-ranking Russian politicians during the period from 2004 to 2019, which include President Vladimir Putin’s Addresses to the Federal Assembly, V. Churkin’s remarks at the UN Security Council meetings, Sergey Lavrov’s Annual press conferences and Maria Zakharova’s press briefings. The official statements under analysis were interpreted from Russian (interpreters’ A language) into English (interpreter’s B language) by media interpreters employed by the television network Russia Today and staff interpreters recruited by the Foreign Ministry Linguistic Service. The research encompasses juxtaposing source speeches and interpretation utterances, which is crucial for this study

as one of its objectives is to reveal the recurrence of lexical and syntactic correspondences between source and target texts with special emphasis on the rendition of the IBU democracy and its evaluative connotation from Russian into English. Accordingly, the compiled corpus was subjected to a twofold investigation: discourse analysis as well as linguistic and pragmatic analysis.

The transformation of the evaluative connotation

Let us examine several examples of how the IBU "democracy" is used in Russian political media discourse as an instrument of semantic manipulation – that is, as a lexical unit evoking particular associations that program a certain perception of the information in the recipient.

We will analyze how the evaluative connotation of this lexical unit changed over time based on the speeches made by Russia's leading politicians. The following are excerpts from President Vladimir Putin's Addresses to the Federal Assembly in 2004[1] and 2005[2]:

"…Nashi tseli absolyutno yasny. Eto – vysokij uroven' zhizni v strane, zhizni – bezopasnoj, svobodnoj i komfortnoj. Eto ***- zrelaya demokratiya*** *i razvitoe grazhdanskoe obshhestvo"/"Our goals are absolutely clear – a high standard of living, a life that is safe, free and comfortable.* ***A mature democracy*** *and a developed civil society".*

"Glavnoj politiko-ideologicheskoj zadachej schitayu razvitie Rossii kak svobodnogo, ***demokraticheskogo gosudarstva****.[…] Mnogie togda dumali, mnogim togda kazalos', chto nasha* ***molodaya demokratiya*** *yavlyaetsya ne prodolzheniem rossijskoj gosudarstvennosti, a eyo okonchatel'nym krakhom.[…] Vystradannye i zavoevannye evropejskoj kul'turoj* ***idealy*** *svobody, prav cheloveka, spravedlivosti i* ***demokratii*** *v techenie mnogikh vekov yavlyalis' dlya nashego obshhestva opredelyayushhim tsennostnym orientirom. […] Ubezhden, dlya sovremennoj Rossii* ***tsennosti demokratii*** *ne menee vazhny, chem stremlenie k ekonomicheskomu uspekhu ili sotsial'nomu blagopoluchiyu lyudej."/"I consider the development of Russia as a free,* ***democratic state*** *to be the main political and ideological task […] At the time, it seemed to many people that our young democracy*

[1] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22494 (retrieved 10.10.2022)
[2] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931 (retrieved 10.10.2022)

*was not a continuation of Russian statehood, but its final collapse […] The **ideals** that European culture has suffered for and won – freedom, human rights, justice and **democracy** – have been a defining value orientation for our society for many centuries. […] I am convinced that for modern Russia the **values of democracy** are no less important than the desire for economic success or the social well-being of the people".*

Clearly, during these years, the phrases "**mature democracy**", "**democratic state**", "**young democracy**", "**ideals of democracy**", "**values of democracy**" were used with an expressly positive connotation, since the democratic development of the country was seen as a priority, and there had so far been no geopolitical shocks that would have cast doubt on the institute of democracy itself and its main advocate, the United States of America.

After a certain time period, the IBU "democracy" and its derivatives are used with a negative connotation more and more often. An example of this is an excerpt from the remarks of the now deceased Permanent Representative of the Russian Federation to the UN, V. Churkin, which he made on the 17th of April, 2014 in response to the report of the UN High Commissioner for Human Rights on the situation in Ukraine[1]:

*"…Vot pochemu-to nekotorye nashi zapadnye kollegi dumayut, chto esli kakoj-to perevorot vooruzhennyj, luchshe vooruzhennyj, to obyazatel'no **demokraty** pridut k vlasti. Vot obyazatel'no dolzhen byt', tak skazat', **Tomas Dzhefferson**, dolzhen vozglavlyat' vse ehto delo. […] Teper' vot lyudi eti, **psevdo-demokraty**, sdelali oni chto-nibud' dlya togo, chtoby **chto-to pokhozhee na demokratiyu** v samom Kieve-to vozniklo? […] I vot **eti demokraty**, ne **ustanoviv** nikakoj **demokratii** u sebya v Kieve, oni teper' demokratiyu […] putem posylki vooruzhennykh sil pytayutsya ustanovit' na Yugo-Vostoke Ukrainy."/"…For some reason, some of our Western colleagues think that if there's some sort of coup, better an armed one, democrats will inevitably come to power. That there should inevitably be a Thomas Jefferson, so to say, to lead the whole thing. […] Now, have these people, these pseudo-democrats, done anything for something democracy-like to emerge in Kiev? […] So, all these*

[1] URL: https://russian.rt.com/article/28105 (retrieved 10.10.2022)

democrats, having failed to impose democracy in Kiev, are trying to impose democracy on the South-East of Ukraine by sending armed forces there".

In this rather emotional fragment of the diplomat's speech, we can notice the use of the following words and phrases: **"demokraty", "psevdo-demokraty", "chto-to pokhozhee na demokratiyu", "vot eti demokraty",** and **"ustanovit' demokratiyu" ("democrats", "pseudo-democrats", "something democracy-like", "all those democrats", "impose democracy")**. It is undeniable that these units, within the context of the speech, are filled with irony and are meant to evoke negative connotations. In the Russian language, the IBU "democracy" has acquired a negative connotation that influences its perception. To this effect, V. Churkin also mentions Tomas Jefferson, the third President of the United States, as a symbol of the fight for independence, underlining the contrast between what democracy used to embody earlier and the current state of affairs.

We will further explore several utterances of the Russian foreign minister, Sergey Lavrov, from his annual press conference, which took place on the 17th of January, 2017[1]:

*"…**Eksport demokratii i tsennostej** privel k tomu, chto my nazyvaem '**arabskoj vesnoj**', posledstviya kotoroj my sejchas pozhinaem. […] Delajte vyvody i ne zabud'te, chto obyazatel'stvo ne vesti kakuyu-libo agitatsiyu s tsel'yu izmeneniya politicheskogo i sotsial'nogo stroya […] narushaetsya grubejshim obrazom, v tom chisle prinyatym paru let nazad v Kongresse SSHA zakonom o podderzhke Ukrainy, v kotorom Gosdepartamentu i spetssluzhbam pryamo predpisyvaetsya **nasazhdat'** v Rossii **demokratiyu** kak ee ponimayut amerikantsy"./"The **export of democracy and values** had led to what we call the "**Arab spring**", the consequences of which we are currently reaping. […] Draw your conclusions and don't forget that the obligation to refrain from any campaigning in order to change the political or social system […] is being egregiously violated, including through the law about supporting Ukraine that the US Congress passed a few years earlier, which openly mandates that the*

[1] URL:https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2599609 (retrieved 10.10.2022)

*State Department and intelligence agencies should **force** onto Russia **democracy** how it is understood by Americans".*

This example also exhibits the prevalence of negative connotations in such phrases as **"eksport demokratii i tsennostej"** ("**export of democracy and values")** and **"nasazhdat' demokratiyu" ("to force democracy").** Of particular interest is the use of the IBU **"arabskaya vesna"** (**"Arab spring"**), which also evokes negative associations. "Arab spring" refers to protests in several Arab countries, sparked by local socio-political crises all caused by the same factors: unemployment, poverty, social welfare issues, corruption, a clan system in the ruling classes [Khabrieva, Chirkin, 2021:12]. The protesters' main demand was for democratic reform. However, only seldom did the "Arab spring" have a favorable outcome for the country and its citizens. As is well-known, after Muammar Gaddafi was deposed and killed in Libya, chaos ensued, which led to tens of thousands of deaths, while the "spring" of 2011 in Syria resulted in many years of relentless war.

During her regular press briefings, Maria Zakharova, spokeswoman of the Russian Foreign Affairs Ministry, often dwells on the topic of democracy. Let us examine a small excerpt from one of her statements from the 28th of March, 2019[1]:

"*My vse prekrasno pomnim, ne tak mnogo let proshlo, kak i za kakoj korotkij srok prinimalis' resheniya, kotorye motivirovalis' budushhim, razlichnymi blagami, neobkhodimost'yu **vernut'** v Liviyu **demokratiyu** i svobodu. Vse eto delalas' v interesakh livijskogo naroda. Potom proizoshlo to, chto proizoshlo. […] Rech' idet o bol'shoj knige – okolo 500 stranits. Tam na kazhdoj stranitse po neskol'ko primerov vmeshatel'stva SSHA vo vnutrennie dela drugikh gosudarstv: kak oni **privnosyat demokratiyu**, vozvrashhayut lyudyam svobodu, menyayut finansovye potoki, chto oni delayut s ehnergeticheskim vzaimodejstviem i t.d."/"We all remember perfectly well, not many years have passed since, how quickly and in what way decisions were made that were motivated by the future, assorted benefits, the need to **return democracy** and freedom to Libya. All of this was done in the interest of the Libyan people. And then, what*

[1] URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3592727 (retrieved 10.10.2022)

happened, happened […] We are talking about a long book – about 500 pages. Every page has several examples of US meddling in the internal affairs of other countries: how they ***import democracy****, return the people their freedom, alter the financial streams, what they do with energy cooperation etc".*

It is beyond contention that the phrases **"vernut' demokratiyu" ("to return democracy")** and **"privnosit' demokratiyu" ("to import democracy")**, undeniably negatively connoted, showcase quite clearly that, in Russian political discourse, democracy has become more and more associated with the imposing of Western values, the erosion of existing conventions and political systems in a particular country, all the while becoming disassociated from the concepts of freedom, justice, and equality.

The examples cited above show that as geopolitical tensions increase, and the confrontation between Russia and the US becomes more heated, the IBU "democracy" and its derivatives acquire a more and more negative connotation in the Russian political discourse. The negative associations evoked by these lexical units inevitably contribute to forming a particular public opinion about the current state of affairs.

Interpreting techniques for rendering the IBU "democracy"

Undeniably, the information warfare represents a particular challenge for interpreters, especially simultaneous interpreters. The aforementioned speeches of S. Lavrov and M. Zakharova were translated into English simultaneously while on air in different contexts: media and diplomatic settings. It follows that in the first case, this was done by a media-interpreter employed by the "Russia Today" channel, in the second case – by a staff interpreter recruited by the Foreign Ministry Linguistic Service. Interestingly, when translating the ideologically bound unit **"demokratiya"** both interpreters tended to avoid its direct equivalent "***democracy***": ***"Eksport demokratii i tsennostej***" - "***export of (their own) values***", **"***nasazhdat' v Rossii demokratiyu"* **-** "***to obtrude their values on Russia***", "***vernut' v Liviyu demokratiyu i svobodu"* **- "to make freedom come back to Libya"**, "*… neskol'ko primerov vmeshatel'stva SSHA vo vnutrennie dela drugikh gosudarstv: kak oni* ***privnosyat demokratiyu****, vozvrashhayut lyudyam svobodu, menyayut finansovye potoki"* **-** *"…the U.S.*

mingling with the domestic affairs, and all the spheres are mentioned financial, economic spheres…". If we look at the transcripts of the speeches on the Ministry's official website, however, we will find the following ways of translating these phrases: **"*Eksport demokratii i tsennostej"* - "*export of democracy and values*", "*nasazhdat' demokratiyu*" – "*to impose democracy*", "*vernut' demokratiyu i svobodu"* - "*to restore democracy and freedom*", "*privnyesti demokratiyu"* - *"to import democracy".***

Therefore, it should be pointed out that that translators working with transcripts of the original speech (or those editing the transcript of the simultaneous interpretation) tend to retain the word "democracy" and render phrases in which it is used either word-for-word or using certain contextual equivalents, fully conveying the speaker's intentions, whereas interpreters employ reformulation or omit this IBU completely. We can assume that, in the aforementioned cases, the speech is translated for an English-speaking target audience – one that does not perceive the word "democracy" as having any negative associations and/or connotations. This is why, for simultaneous interpreters, reformulation seems to be the optimal solution in order to convey the overall meaning of the phrase. Furthermore, interpreters tend not to escalate an already tense political situation.

Conclusions

It is to be posited that ideologically-bound units are an integral linguistic component of information and psychological warfare. Due to their inherent semantic ambivalence and a high degree of associativity, ideologically-bound units become an effective tool of semantic manipulation, which can give a definitive advantage to one of the parties in the ideological struggle. Moreover, ideologically-bound units represent an undeniable challenge for simultaneous interpreters, who turn out to become immediate participants in the unfolding information and psychological war on a par with leading politicians who are supposed to voice the official position of the state.

Literature

1. Gadamer H.G. 1991. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The topicality of the beautiful]. – M.: Iskusstvo. (In Russ.)

2. Kupina N.A. 2000. *Jazykovoe stroitel'stvo: ot sistem ideologem k sisteme kul'turem* [Language formation: from the system of ideologemes to the system of culturemes]//Russkij jazyk segodnja. Vyp.1./RAN. In-t russ. jaz. im. V.V. Vinogradova [Otv. red. L.P. Krysin]. – M.: «Azbukovnik». (In Russ.)
3. Matvienko Ju.A. 2008. *Informacionno-psihologicheskaja vojna kak odna iz form razreshenija social'no-politicheskih protivorechij v sovremennom obshhestve* [Information and psychological warfare as one of the methods to resolve social and political controversies in modern society]//Informacionnye vojny. no. 4. pp. 2-8. (In Russ.)
4. Panarin I.N. 2012. *SMI, propaganda i informacionnye vojny* [The media, propaganda and information warfare]. M.: Pokolenie. URL: https://x-libri.ru/elib/panrn001/index.htm (accessed 10.10.2022). (In Russ.)
5. Polubichenko L.V., Mikhaylovskaya M.V. 2017. *Ustniy perevod v diskursivnom aspekte: globalniy vertikalniy context* [Discursive approach to interpreting: global vertical context]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 116-129. (In Russ.)
6. Pochepcov G.G. 2015. *Novyj instrument politiki* [A new tool of politics (manipulation of the public consciousness)]. – M.: Jeksmo, Alistrous. (In Russ.)
7. Radbil' T.B. 1998. *Mifologija jazyka Andreja Platonova* [The mythology of Andrei Platonov's discourse]: monografija – M.; N. Novgorod: Izd-vo NGPU. (In Russ.)
8. Skovorodnikov A.P. 2015. *O smyslovoj ambivalentnosti kljuchevyh slov sovremennogo rossijskogo politicheskogo diskursa (na materiale gazetnyh tekstov)* [On semantic ambivalence of key words of modern political discourse (the case study of newspaper texts]//Politicheskaja lingvistika. no. 2. pp. 50-56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-smyslovoy-ambivalentnosti-klyuchevyh-slov-sovremennogo-rossiyskogo-politicheskogo-diskursa-na-materiale-gazetnyh-tekstov (accessed 10.10.2022). (In Russ.)
9. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. 2016. *Lingvistika informacionno-psihologicheskoj vojny: k obosnovaniju i opredeleniju ponjatija* [Linguistics of information and psychological warfare: the justification and definition of the term] //Politicheskaja lingvistika. no. 1. pp. 42-50. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-informatsionno-psihologicheskoy-voyny-k-obosnovaniyu-i-opredeleniyu-ponyatiya (accessed 10.10.2022). (In Russ.)
10. Skovorodnikov A.P. 2019. *O nekotoryh nereshennyh voprosah teorii lingvojekologii* [On some unresolved issues of linguistic

ecology]//Politicheskaja lingvistika. no. 5. pp. 12-25. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-nereshennyh-voprosah-teorii-lingvoekologii (accessed 10.10.2022). (In Russ.)
11. Trubeckoj N.S. 2003. *Evropa i chelovechestvo* [Europe and humanity]//Russkij mir: sb. – M.: Jeksmo; SPb.: Terra Fantastica. pp. 663-737. (In Russ.)
12. Habrieva T.Ja., Chirkin V.E. 2021. *«Cvetnye revoljucii» i «arabskaja vesna» v konstitucionnom izmerenii: politologo-juridicheskoe issledovanie* [“Colour revolutions” and “Arab spring” from the perspective of Constitution: political and legal research]: monografija. – Moskva: IZiSP: Norma: INFRA-M. (In Russ.)

УДК 81.42

Финская Таисия Евгеньевна
Taisiya Finskaya

Языковые средства ведения кибервойны в современном французском медиадискурсе[1]

Linguistic means of cyber warfare in modern French media discourse

Аннотация. В *статье анализируется языковые средства репрезентации феномена кибервойны на примере президентских выборов во Франции. Анализ медиатекстов позволил сделать вывод о том, что ведение избирательной кампании в интернет-пространстве сопровождается употреблением ряда лексем, относящихся к семантическому полю война, а также выражающих резко негативную оценку, с помощью чего создается отрицательный образ кандидатов в глазах пользователей, что позволяет манипулировать мнением избирателей и влиять на их выбор. Наиболее частым языковым способом словообразования новых слов выступил способ префиксации. С помощью добавления префикса cyber многие слова, относящиеся к традиционному пониманию войны, были перенесены в семантическое поле кибервойны. При ведении кибервойны используются те же атрибуты и оружия, как и при традиционной войне, но часто враг скрывается за маской анонимности, что выводит кибервойну на высокий уровень опасности.*

Abstract*. the article analyzes the linguistic means of representing the phenomenon of cyber warfare on the example of the presidential elections in France. The analysis of media texts allowed us to conclude that the conduct of an election campaign in the Internet space is accompanied by the use of a number of lexemes related to the semantic field of war, as well as expressing a sharply negative assessment, with the help of which a negative image of candidates*

[1] Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН

is created in the eyes of users, which allows manipulating the opinion of voters and influencing their choice. The most frequent linguistic way of word formation of new words was the method of prefixation. By adding the prefix cyber, many words related to the traditional understanding of war were transferred to the semantic field of cyberwar. When conducting cyber warfare, the same attributes and weapons are used as in traditional warfare, but often the enemy hides behind a mask of anonymity, which brings cyber warfare to a high level of danger.

Ключевые слова: *медиадискурс, медиатекст, президентские выборы во Франции, кибервойна, кибермир*

Key words: *media discourse, media text, french presidential elections, cyberwar, cyberworld*

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем фактором, что различные конфликты, которые происходят в рамках одного социума или нескольких, разгораются на основе како-либо информации. Информация является как ключом решения конфликта, так и наоборот. Именно поэтому информационная война, или же кибервойна является важным ресурсом, способным управлять мнением другого индивида, или даже целой группой людей.

Новизна исследования заключается в том, что в настоящее время в связи с интернетизацией традиционная война может быть полностью заменена на информационную войну. Целью является проследить как во время президентских выборов во Франции с помощью кибератак кандидаты манипулировали мнением избирателей.

В настоящее время исследования медиадискурса все чаще привлекают внимание лингвистов. Среди прочих причин подобного интереса укажем тот факт, что массмедиа активно используются для убеждения людей при достижении конкретных целей, то есть СМИ «становятся не только носителями культуры, но и средством манипулирования сознанием и настроениями людей с помощью предметов этой культуры» [Желтухина, 2016: 293]. Язык СМИ имеет ряд особенностей, являясь именно «тем кодом, той универсальной знаковой системой, с помощью которой в индивидуальном и массовом сознании формируется картина окружающего мира» [Добросклонская, 2008: 22]. Медиатекст характеризуется нелинейностью и нацелен, как правило, на то, чтобы воздействовать на читателя посредством определенных языковых средств, в том числе эмотивно-

окрашенных единиц. В данной статье медиадискурс понимается как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Там же: 21]. Все тексты СМИ нами понимаются как составные элементы медиадискурса.

Языковая репрезентация понятия кибервойны в медиадискурсе

С появлением интернета практически вся жизнь, в том числе и жизнь существующих печатных изданий перенеслась в электронный формат. В последние годы усиливается интерес со стороны лингвистов к информационной войне в интернете с точки зрения изучения языковых средств, применяемых с целью манипулирования сознанием читателя. Проводя исследования в области данной проблематики, «необходимо соблюдать баланс между изучением функциональных особенностей языка интернета, его когнитивных характеристик и коммуникативного воздействия и взаимодействия» [Ахренова, 2013: 23]. К тому же подобные исследования позволяют отследить новые тенденции и явления в языке, так как «современный газетный текст вне зависимости от выбранного канала передачи отражает трансформации, относящиеся к социально-политической сфере общества, и является маркёром происходящих в языке изменений» [Ломакина, 2022: 73].

Термин *information war* / информационная война был введен в 1976 году Т. Роном. В то же время употребляется и термин *cyber war* / кибервойна, который обозначает ведение боевых действий в интернет-пространстве. Информационная война обычно связана с проблемами цифровой безопасности: от защиты персональных данных до государственных дел, новых правил для правоохранительных органов, а также изобилия хакеров и проблем, связанных с инфраструктурой будущего и др. Интернет-пространство и ИТ стали полем битвы, в котором смешиваются государственные и частные вопросы. На первый взгляд, кибервойна носит только риторический и метафорический характер, но в ней, как и в войне традиционной, существуют жертвы, вредоносное оружие, столкновения и поле боя.

Специфика кибервойны заключается в том, чтобы сосредоточиться там, где не действуют военные силы. Информационная война всегда относится к конкретному событию и призвана оказывать сильное эмоциональное воздействие на противника для успешной реализации своих задач [Baud, 2012]. Ярким примером такого события являются избирательные кампании. Часто для манипулирования мнением избирателей используются социальные сети, позволяющие всем людям участвовать в общественно-политической жизни страны, воздействовать на различные проекты в том числе национального уровня.

Для современной эпохи характерен тот факт, что практически любой человек может стать причастным к информационной войне, поскольку имеет доступ в интернет и может завести аккаунт в различных социальных сетях. С увеличением количества каналов связи и подключенного оборудования становится все проще и проще вносить беспорядок в избирательный процесс. «Человек, слепо доверяющий информации из Интернета, легко может стать объектом манипуляций, широко распространенных в ходе информационных баталий» [Емельяненко, 2016: 30]. Целями кибератак могут быть: размещение ложной информации, манипулирование общественным сознанием, вербовка сторонников, искусственное создание напряженных отношений между избирателями, подрыв авторитета отдельного индивида или целого государства [Акопов, 2011]. Администрации мировых держав пытаются решать проблему с кибератаками, запрещая и блокируя многие сайты, но это не всегда ведет к прекращению их деятельности, ведь существует много возможностей обойти блокировку.

В связи с вышесказанным нам представляется актуальным провести в обозначенном ракурсе анализ языковых средств на материале источников, освещающих президентские выборы во Франции, которые прошли в апреле 2022 года и по итогам которых президентом был переизбран Э. Макрон. Президентские кампании каждого из кандидатов на несколько месяцев стали главной темой в различных СМИ.

Материалом исследования послужили статьи о президентских выборах апреля 2022 года во Франции, взятые из франкоязычных блогов, журналов и газет. Кандидатов в президенты было 12: E. Macron, M. Le Pen, J-L. Mélanchon, N. Arthaud, N. Dupont-Aignan, A. Hidalgo, Y. Jadot, J. Lassalle, V. Pécresse, P. Poutou, F. Roussel, E. Zemmour. Всего было проанализировано 38 новостных статей из франкоязычных газет (*Le Monde, Le Figaro France24*), журналов (*numerama, liberation, ladepeche.fr*) и блогов *(scaleway, afmsp),* а также были изучены свыше тысячи комментариев к двум видео из видеохостинга *youtube, примеры, взятые из комментариев, приведены с авторской орфографией*[1]. .

Во всех проанализированных статьях встретились лексические единицы военной тематики с приставкой – cyber. Важно отметить наличие лексической единицы *cyberpaix* / кибермир в оппозиции единице *cyberguerre* / кибервойна, например, в заголовке: *En quête de* ***la cyberpaix****: gérer* ***la cyberguerre*** *par la coopération internationale* / в поисках кибермира: борьба с кибервойной посредством международного сотрудничества. Авторы данной статьи демонстрируют важность мира для интернет-пространства, подчеркивая, что для достижения данного состояния возможно даже обращение к международному сообществу.

Та же мысль подтверждается и в примерах, в которых используются другие лексические единицы, относящиеся к семантическому полю *война* также с приставкой *cyber*: *Dans le contexte de* ***la cybersécurité****, le besoin de coopération internationale entre les États, les organisations internationales et régionales et d'autres entités est souligné par la nature de plus en plus sophistiquée des* ***cybermenaces*** *qui évoluent sans frontières* / В контексте кибербезопасности необходимость международного сотрудничества между государствами, международными и региональными организациями и другими организациями подчеркивается все более изощренным характером киберугроз, которые беспрепятственно увеличиваются. Киберугрозы нарастают, приобретают новые формы и становятся настоящей

[1] URL: https://www.youtube.com/watch?v=SSauaiwAJ2E (дата обращения 01.12.2022)

проблемой на пути достижения кибермира. Угрозы в интернет-пространстве – это оружие, которым может завладеть любой интернет-пользователь, а анонимность подобных угроз является дополнительным препятствием к их устранению. Угрозы могут реализовываться на разном уровне: как на политической арене (*cybermenace / киберугроза*), так и в рамках одной социальной группы (*cyber-harcèlement* / кибертравля). Во французском медиадискурсе кибертравля осуществляется, в основном, с помощью телефонов, мессенджеров, форумов, онлайн-игр, чатов, электронной почты, социальных сетей, различных сайтов и др. Поле для такого рода запугиваний в интернет-пространстве безгранично.

Лексическая единица *cyber-harcèlement* / кибертравля часто употребляется наряду с *cyberviolence* / кибернасилие: ***La cyberviolence*** *et le* ***cyber-harcèlement*** *ont des conséquences graves sur le bien-être et la santé mentale des victimes mais aussi des agresseurs et des témoins* / Кибернасилие и кибертравля имеют серьезные последствия для благополучия и психического здоровья жертв, а также лиц, совершивших насилие и свидетелей. Кибертравля также является оружием в информационной войне и отражается, в первую очередь, на ментальном здоровье. Скрываясь за маской анонимности, кибернасильник не может быть пойман в короткие сроки, что позволяет держать его жертв в постоянном страхе.

Кроме того, кибервойна опасна массовым распространением и широкой оглаской угроз. В частности, кибертравлей можно назвать отношение к кандидату Э. Макрону в комментариях к видео с дебатами, так как пользователи писали в его адрес нелестные отзывы, с использованием лексем с негативной коннотацией, например: *Franchement je voulais voter Macron mais au vue de* ***son arrogance*** *et de* ***son mépris*** *je vais certainement changer d'avis il m'a convaincu qu'il allait être* ***pire*** *que ces cinq dernières années* / Честно, хотела голосовать за Макрона, но из-за его высокомерия и пренебрежительности я точно изменю свое мнение, он убедил меня в том, что будет еще хуже, чем было эти 5 лет. Лексема *pire* в данном примере является оппозицией лексемы *meilleure*, употребленной по отношению к кандидату M. Le Pen: *Marine a été clairement la* ***meilleure****, face à un Macron*

agressif *et* ***méprisant*** / Марин была явно лучшей, в сравнении с демонстрирующим агрессию и презрение Макроном. Лексемы *arrogance* / высокомерие, *mépris* / презрение, *méprisant* / презрительный, высокомерный *agressif* / агрессивный выражают отрицательную оценку, создавая в глазах читателей негативный образ кандидата. Использование данных лексем может быть выгодно конкурентам с целью манипулирования сознанием интернет-пользователей. Э. Макрона, на тот момент кандидата в президенты, представили как человека высокомерного, презирающего своих сограждан в отличие от M. Le Pen, в адрес которой употребляется лексема *meilleure* / лучшая, которая несет в себе положительную оценку, что противопоставляется предыдущему комментарию, где в адрес Э. Макрона употреблена лексическая единица с негативной коннотацией *pire* / худший.

В ряде статей встречаются единицы *cyberterrorisme* / кибертерроризм и *cybercriminalité* / киберпреступность. Кибертерроризм и кибератаки, упоминаемые в одном контексте, стали самой актуальной темой для обсуждения во время выборов, так как именно интернет-атаки могут повлиять на результат, что демонстрирует пример: *A quelques mois du scrutin, des pirates tentent déjà d'infiltrer les systèmes informatiques des protagonistes de la campagne, et mener des cyberattaques à caractère politique /* За несколько месяцев до выборов хакеры уже пытаются проникнуть в компьютерные системы избирательных кампаний кандидатов с целью проведения кибератак политического характера.

Заключение

Проведенный анализ показал, что ведение войны в интернете сопровождается такими же агрессивными средствами, как и при традиционной войне, что подтверждается использованием лексем, относящихся к семантическому полю понятия *война*, но с приставкой - *cyber*. Специфика состоит в том, что оружие кибервойны может безнаказанно применять любой пользователь, что позволяет считать информационную войну не менее опасной, чем войну в традиционном ее понимании. Травля и атаки в интернет-пространстве осуществляются с помощью использования лексических единиц, выражающих резко отрицательную оценку, с помощью которых создается отрицательный образ объекта нападок в глазах остальных

пользователей, что позволяет манипулировать мнением читателей и деморализовать противника.

Литература

1. Акопов Г.Л. Феномен информационных войн в сети «Интернет» и его воздействие на современную политику // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2011. №1. С. 86–102.
2. Ахренова Н.А. Теоретические основы интернет-лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10(28). – С. 22–26.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебное пособие // Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 263 с.
4. Емельяненко В.Д., Игнатенко В.Д. Информационные войны в интернете и ценностно-мировоззренческие основания духовного мира человека. – Тамбов: Грамота. – 2016. № 1 (103). С. 28–35.
5. Желтухина М.Р. Медиадискурс / Дискурс-Пи. – 2016. – № 3–4(24–25). – С. 292–296.
6. Ломакина О.В., Хохлов А.А. Варьирование крылатых единиц как способ расширения репрезентантов концепта (на материале газетных заголовков 2020–2022 гг.) / // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2022. – № 1(37). – С. 72–80.
7. Baud M. La cyberguerre n'aura pas lieu, mais il faut s'y préparer / Politique étrangère: 2012/2. P. 305–316.

References

1. Akopov G.L. Fenomen informacionny`x vojn v seti «Internet» i ego vozdejstvie na sovremennuyu politiku // Gosudarstvennoe i municipal`noe upravlenie. Ucheny`e zapiski. – 2011. №1. S. 86–102.
2. Axrenova N.A. Teoreticheskie osnovy` internet-lingvistiki // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. – 2013. – № 10(28). – S. 22–26.
3. Dobrosklonskaya T.G. Medialingvistika: sistemny`j podxod k izucheniyu yazy`ka SMI Medialingvistika: sistemny`j podxod k izucheniyu yazy`ka SMI (sovremennaya anglijskaya mediarech`): uchebnoe posobie // T.G. Dobrosklonskaya. – M.: Flinta: Nauka, 2008. – 263 s.

4. Emel`yanenko V.D., Ignatenko V.D. Informacionny`e vojny` v internete i cennostno-mirovozzrencheskie osnovaniya duxovnogo mira cheloveka. – Tambov: Gramota. – 2016. № 1 (103). C. 28–35.
5. Zheltuxina M.R. Mediadiskurs / Diskurs-Pi. – 2016. – № 3–4(24–25). – S. 292–296.
6. Lomakina O.V., Xoxlov A.A. Var`irovanie kry`laty`x edinicz kak sposob rasshireniya reprezentantov koncepta (na materiale gazetny`x zagolovkov 2020–2022 gg.) / // Ucheny`e zapiski nacional`nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki. – 2022. – № 1(37). – S. 72–80.
7. Baud M. La cyberguerre n'aura pas lieu, mais il faut s'y préparer / Politique étrangère: 2012/2. P. 305–316.

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 82-14

Жук Нина Васильевна
Nina Zhuk
Иванов Владимир Дмитриевич
Vladimir Ivanov

К вопросу о передачи эмотивности при переводе поэтического текста

On the question of transferring emotivity in the translation of a poetic text

Аннотация. *В статье авторы выражают мнение, что важнейшим средством обмена культурными ценностями, средством, помогающим сближению и взаимопониманию народов, являются переводы. И особое место в рамках художественного перевода авторы определяют переводу поэтического текста, как одного из инструментов коммуникации, имеющих наиболее сильное эмотивное воздействие на реципиента. Поэтический перевод требует живого отношения к тексту, чтобы не только понять содержание, но и почувствовать настроения автора текста, его эмоциональный настрой. Авторы отмечают, что способов выражения своего отношения к сказанному или к объективной реальности существует множество, и прежде всего эмотивы - особые языковые средства. Практическая ценность данной работы состоит в том, что анализ поэтического текста и выявление особенностей перевода поэтического текста, способствуют развитию переводческих навыков, так как выявление переводческих методов, т.е. переводческих трансформаций ярче и нагляднее представлено на основе, именно, поэтического текста. Актуальность данной темы в том, что поэтические произведения, особенно положенные на музыку, играют особую роль в передаче тех духовных ценностей, которыми богаты литературные произведения каждого народа, являются необходимой основой в воспитании нравственной личности современного общества. Звуковая сторона текста, особенно положенного на музыку, является одним из сильнейших средств воздействия на подсознательном уровне, следовательно, поэтический язык, как и естественный, способен выполнять коммуникативную функцию.*

Abstract. *In the article, the authors express the opinion that translations are the most important means of exchanging cultural values, a means of helping to bring peoples closer and mutual understanding. And the authors define a special place in the framework of literary translation for the translation of a poetic text as one of the communication tools that have the strongest emotional impact on the recipient. Poetic translation requires a lively attitude to the text in order not only to understand the content, but also to feel the mood of the author of the text, his emotional spirit. The authors note that there are many ways to express one's attitude to what has been said or to objective reality, and first of all these are emotives - special linguistic means. The practical value of this work lies in the fact that the analysis of the poetic text and the identification of the features of the translation of the poetic text contribute to the development of translation skills, since the identification of translation methods, i.e. translation transformations*

are more clearly and vividly presented on the basis of, namely, the poetic text. The relevance of this topic lies in the fact that poetic works, especially those set to music, play a special role in the transmission of those spiritual values that are rich in the literary works of each nation, are a necessary basis in the education of the moral personality of modern society. The sound side of the text, especially put to music, is one of the strongest means of influence at the subconscious level, therefore, poetic language, like natural language, is able to perform a communicative function.

Ключевые слова: *эмотивность, поэтический текст, художественная функциональность поэтического языка, средства воздействия, служебные части речи, междометия, модальные частицы, коммуникативная функция*

Keywords: *emotivity, poetic text, artistic functionality of poetic language, means of influence, service parts of speech, interjections, modal particles, communicative function*

Introduction

The necessary basis for the education of the moral personality of modern society are those spiritual values that literary works of each nation are rich in. Poetic works play a special role here. At the Shakespeare Convention in 1957 in Stratford, S. Ya. Marshak said: "Art has a magical ability to overcome the barriers of race, nationality and tradition, making people aware of their worldwide brotherhood. Scientific and technical achievements of some people win him respect and admiration, but the creation of art makes everyone love people". Kant, in his Critique of the Faculty of Judgment, wrote that "Of all the arts, poetry holds the first place". Poetry is recognized as a special kind of thinking. Poetry can be called the knowledge of the world with the help of images, symbols, and this imaginative way of thinking is characteristic of everyone.

There exists an experimental definition that poetry is the best words put in the best order. In a poetic text, due to its specific organization, the very mechanism of meaning formation is radically changing, both the paradigmatics and syntagmatics of speech, as well as its communicative orientation and function, are being changed. The size of a poetic line, rhythm, melody, rhymed consonance, intonation have a stronger emotional impact on the recipient than an identical utterance conveyed in the language of prose [Goncharenko, 2011: 109]. The sound side of the text, especially put to music, is one of the strongest means of influence on the subconscious level. Therefore, poetic language, like natural language, is able to perform a communicative function.

There are many works in modern linguistics that pay special attention to grammatical, lexical and syntactic means of expressing

emotivity in both Russian and English. **The aim** of this work is to identify and describe the emotive potential of the service parts of speech, in particular interjections and modal particles in a poetic text. **The objectives** of this article are: firstly, to find solutions to convey the emotive potential of the service parts of speech when translating from Russian into English; secondly, to identify and analyze the use of translation transformations acceptable for preserving the rhyme, rhythm and melody of the original poetic text. **The scientific novelty** of this publication lies in the fact that the possibility of translating a poetic text from Russian into English is analyzed with the possibility of preserving the emotivity and poetic structure of the original text. **The study seems relevant**, due to the lack of knowledge of the possibilities of translating a poetic text. The research material contained poems by Russian authors and their translation into English. The methodological basis of the study was the descriptive method, through which we analyzed the possibility of preserving the emotivity of interjections and modal particles when translating a poetic text from Russian into English.

Emotive elements of a poetic text and possibility of their preservation in the target language

Speaking about the importance of the existence and content of a poetic text, one can cite the opinion of the poet S.V. Vasiliev: "... when sometimes you wander through an autumn forest or a winter field, and the poems of Pushkin, Lermontov, Yesenin are whispered in your heart, you want to live and joy. The truth is, there is no benefit from this, but I want to live. And I'm not the only one" [Vasiliev, 2014].

Ya. Murazhkovsky wrote that the only permanent feature of poetic language is its "aesthetic" or "poetic" function... the purpose of poetic expression is aesthetic impact [Murazhkovsky, 1994: 240]. In the song of the famous writer and poet B.Sh. Okudzhava, we hear the following words: "But it is necessary to get into our soul and set it on fire... And the soul, that's for sure, if it is burned, it is more just, merciful and righteous!" The feature of language to express psychological (emotional) states and experiences of a person is realized through emotivity, which in its turn is realized through special linguistic means – emotives. The functions of emotives are to expression the author's emotions and to reach and influence an

audience in order to awaken certain feelings in the recipient [Shakhovsky, 2003: 208-209].

Emotives are most widely represented at the lexical level of the language. At the syntactic level, emotives are represented by parcellations, segmented constructions, ellipsis, exclamation sentences, various excretory constructions, etc. Repetition is emotive as "a deviation from a neutral variant, for which, as a rule, a single use of one or another element is sufficient."[Ostrinskaya, 2008: 77]. Intonation helps to reveal the emotive meaning of the word.

Poetic language is a special kind of verbal art, the main function of which is to influence the reader (or listener). The main visual means of poetic language is vocabulary - one of the main factors of poetic and stylistic influence on the recipient. But in addition to visual means, vocabulary has great expressive possibilities. The lexical system of the language is complex and multifaceted due to the various groups of words included in it. [Vershinina 2005: 62-68]. In order for people to understand each other or combine their efforts to achieve a common goal, in order to share the treasures of literary and spiritual heritage, communication is necessary, that can be carried out through translation.

Which emotives arouse the reader's interest and are interesting from a translation point of view. In addition to certain "keywords" in poetic works, there are means that can affect the recipient, both on conscious and subconscious levels, i.e. lexico-semantic, stylistic, morphosyntactic and intonation-sound means. Interjections are closely related to onomatopoeia, and act as signal words used to express demands, desires, incentives for action, as well as for a person's rapid response to various events in reality.

Onomatopoeia are characterized by sound design and sound motivation of lexical meaning. A special intonation conveys the greatest power of expression, an increase in tone. Russian folk songs and romances abound in interjections, revealing the versatility of feelings and emotions of the Russian soul. On the one hand, the translation of interjections in a poetic text is difficult, because the expressive significance of emotional interjections can be enhanced word-formatively. Many interjections originate from emotional exclamations and sounds. However, even those interjections that are

listed in dictionaries often have a non-standard phonetic appearance for a given language.

On the other hand, interjections can make the task easier for the translator, since interjections can function as sentence equivalents, therefore, the choice of these units can be varied to preserve the intonation pattern, rhyme and melody of the text. Interjections can function as modal components of a sentence, which implies the possibility of translating them using various modal means. Due to the secondary nature of its function, an interjection can expressively replace one or another significant word form [Zhuk, 2016: 54]. M.V. Lomonosov pointed out that the meaning of interjections is expressed not so much in sounds as in the "tone of speech", intonation, and this can be used while maintaining rhythm and rhyme when translating a poetic text:

«Ваше Величество Женщина»	***"Your Majesty Woman"***
Тьмою здесь все занавешено	*Curtains of dark makes home gloomy*
И тишина, как на дне…	*And the quiet's as beneath…*
Ваше Величество, Женщина,	***Oh, Your Majesty Woman,***
Да неужели – ко мне?	***Yeah, can you be here with me?***
Тусклое здесь электричество,	*Water (tickling) from roofs makes sad tuning,*
С крыши сочится вода,	*My dwelling at faint light looks calm,*
Женщина, Ваше Величество,	***Oh, Your Majesty Woman,***
Как Вы решились сюда?	*How have you ventured to come?*
О, Ваш приход – как пожарище,	***Oh, your coming is like conflagration***
Дымно и трудно дышать.	*Smoke has enveloped the world.*
Ну, заходите, пожалуйста,	***Oh, Your Majesty Woman,***
Что ж на пороге стоять.	***Why stay on the threshold!***
Кто Вы такая? Откуда Вы?	*Who are you? Where do you come from?*
Ах, я смешной человек.	***Oh, I'm ridiculous, eh ([ei])***
Просто Вы дверь перепутали,	***You've mixed up not only the front door,***
улицу, город и век.	

Ala sthe city, the street and the day.

(translated by Zhuk N.V.)

[Zhuk, 2016: 49-54].

In our version of the translation of the famous romance by B.Sh. Okudzhava, without analyzing various translation techniques, we consider ways of transmitting intonation-sound emotives, in particular interjections, and their emotional impact on the recipient [Zhuk, 2017: 102].

1. «да неужели – ко мне?» (the combination of interjection and the added modal verb "can" retains emotional expressiveness.

2. «Женщина, Ваше Величество» - (adding the interjection "Oh, Your Majesty Women," not only allows to keep the rhythm, size and melody of the line, but also preserves and conveys the emotiveness of the address).

3. «что ж на пороге стоять» - "Why stay on the threshold!" is an infinitive structure with a touch of modality and conveys the emotivity of the interjection "same").

4. «Ах, я смешной человек» - "Oh I’m ridiculous, eh ([ei])"– we save the interjection at the beginning of the line and, while preserving the rhyming and rhythmic pattern, add "eh").

5. «Просто Вы дверь перепутали» - (we replace the adverb "Just" with the interjection Alas, ([e'les]) expressing regret. (the combination of "the day" as figuratively poetic has the meaning of "century" in dictionaries).

It should also be noted that question-and-answer constructions and a rhetorical question («что ж на пороге стоять?!»"Why stay on the threshold" enhance the emotivity of the text and express the point of view of the author, who tries to take into account the interests of the addressee. As mentioned above, to enhance emotivity, along with interjections, modal particles are used, to convey various emotional and semantic shades, and contribute to the formation of completely new words and their forms.

The embedding of S. Yesenin's poem, the particle "yes" is easily preserved in translation.

Да, *теперь решено. Без возврата*	***Yes,*** *it solved. There is no returning*
Я покинул родные края	*I forever have left native lands*

Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Poplar trees wouldn't ring in the morning
With the winged leaves over heads.

(translated by Zhuk N.V.)
[Zhuk, 2016: 49-54]

Иосиф Бродский «Прощай»

Прощай, позабудь и не обессудь.
А письма сожги, как мост.
Да будет мужественным твой путь,
да будет он прям и прост.
Да будет во мгле для тебя гореть
звёздная мишура,
да будет надежда ладони греть
у твоего костра.
Да будут метели, снега, дожди
и бешеный рёв огня,
да будет удач у тебя впереди
больше, чем у меня.
Да будет могуч и прекрасен бой,
гремящий в твоей груди.
Я счастлив за тех, которым с тобой,
может быть, по пути.

I. Brodsky "Farewell"

Farewell, forgive and never mind.
All my letters burn away.
Let your way be as straight as a line,
Let you have a simple brave way.
Let frippery/trumpery of all stars
Shine in darkness for you.
Let your Hope warm her palms
Near your fire in the evening cool dew.
Let be blizzards, snowstorms and rains,
Let violent passion gurgle in your heart,
Let you have more luck ahead any days,
Than I have, and be happy and smart.
Let the battle rattling in your chest,
Be mighty, splendid and pure.
I'm glad for those the best,
Who may go on the way with you.

(translated by Zhuk N.V.)
[Zhuk, 2016: 49-54].

In the translation of the poem by I. Brodsky, it is completely possible to preserve the repetition of the amplifying and motivating modal particle "да будет".

In the song "Bells" by A. Kusikov, in two cases out of three modal particles are preserved in the translation text. When translating the line "Let the horses with a loose mane", a method of omission is used to preserve the rhythm, rhyme and melody of the original text.

Сердце ***будто*** *проснулось пугливо,*	***As if frightened*** *my heart is awakened,*
Пережитого стало мне жаль;	*I began to regret all my past;*
Пусть же кони *с распущенной гривой*	***I would like*** *far away to be taken,*
С бубенцами умчат меня вдаль.	*Horses' manes are loose free in the vast*
Пусть ямщик свою песню затянет,	***Let the coachman make*** *songs sound plangent*
Ветер будет ему подпевать;	*And the wind will join him in his song;*
Что прошло — никогда не настанет,	*The bygones have no chance for recurrence*
Так зачем же, зачем горевать!	*Why should someone regret so long!*

(translated by Zhuk N.V.)

[Zhuk, 2016: 49-54].

It is possible to preserve comparative particles in the following passages:

Н. Гумилёв «Храм Твой, Господи, в небесах»	***N. Gumilev "Your Temple, Lord in heaven"***
Точно *благовест Твой, весна*	***Like*** *bells of church, the prime*
По веселым идет полям,	*Steps across bright green leas and furrows*
А весною на крыльях сна	*On the wings of the dream every time*
Прилетают ангелы к нам.	*Angels take away our sorrows.*

(translated by Zhuk N.V.)

[Zhuk, 2016: 49-54].

Трофим (С. Трофимов) «Весенний блюз»
*Оттепель смазала контуры мира, **словно кистью дали***
Звуки текущие прямо с клавира будят раны земли.
Всё потаённое давнее
всплыло тёмной талой водой,
Но у меня есть ты - значит
Господь со мной

Trofim (S. Trofimov) "Spring Blues"
***Thaw, like** Dahli has made curdled up contures*
*Of the whole Universe**,***
Melodious sounds of flowing rondos
Bother wounds of the Earth.
All that was deeply concealed has been splashed out with the dark melted snow,
But I love you and God does know.
(translated by Zhuk N.V.)
[Zhuk, 2016: p. 49-54].

Б. Окуджава «Живописцы»
Живописцы, окуните ваши кисти
В суету дворов арбатских и в зарю,
Чтобы были ваши кисти словно листья.
***Словно листья, словно листья к ноябрю**.*

*Мостовая **пусть** качнется, как очнется!*
***Пусть** начнется, что еще не началось!*
Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтется...
***Пусть** начнется, что еще не началось!*

B. Okudzhava "Painters"
I say, artists, I would like you to remember
To put your brushes into the sunrise and the Art,
***Let** your brushes be **like foliage** in November*
In the mess of Moscow autumn in Arbat.

***Let** the roadway stagger when it wakes up,*
***Let** it happen what has never been before.*
And keep painting, I'll explain it to you later,
And you will be rewarded therefore.
(translated by Zhuk N.V.)
[Zhuk, 2016: 49-54].

In M. Matusovsky's song "Birch Sap", the excretory-restrictive particles "лишь" and "только" represent an emotive

repetition. When translating, due to the preservation of rhythm, rhyme and size in the second line, these two particles are replaced by the conjunction "And", which conveys their synonymous meaning. The emotive repetition of "The birches are crying, the birches are crying" is preserved completely:

Лишь только *подснежник распустится в срок*	***As only*** *the snowdrop appears in time*
Лишь только *приблизятся первые грозы,*	***And first*** *thunderstorms can be felt with the breeze,*
На белых стволах появляется сок	*The white trunks of birches start shedding sweet wine*
То плачут березы, то плачут березы.	*The tears of birch-trees, the tears of birch-trees****.***

(translated by Zhuk N.V.)

[Zhuk, 2016: 49-54].

In I. Shatrov's song "On the hills of Manchuria", in order to preserve the rhythm, rhyme, melody, the particle "вот" is omitted in the translation text, while the semantic utterance is not violated. The incentive particle "пусть" is not only preserved, but is used as a stylistic technique of repetition.

«Тихо вокруг»	***"Round is quiet"***
Сопки покрыты мглой.	*The hills are enveloped in haze*
Вот *из-за туч блеснула луна,*	***Behind from the clouds the***
Вот *из-за туч блеснула луна,*	***moon has shone***
	Repose is guarding graves.
Пусть *гаолян*	
Вам навевает сны,	***Let*** *kajalang*
Спите, герои русской земли,	*Call upon soldiers dreams,*
Отчизны родной сыны.	*On heroes who died for Liayang,*
	Let chants *be sung by winds.*

(translated by Zhuk N.V.)

[Zhuk, 2016: 49-54].

As mentioned above, syntactic repetition allows the author to focus the audience's attention on the most important points, in his opinion. In the lyrics of the song "On the hills of Manchuria", syntactic repetition conveys the pain and suffering of Russian women who lost loved ones in the war.

Плачет, *плачет мать родная,*	***Can't help crying*** *helpless mother,*
Плачет *молодая жена,*	***Can't help crying*** *young helpmate,*
Плачут *все, как один человек,*	***Can't help crying*** *all together,*
Злой рок и судьбу кляня.	*Cursing the evil fate*

(translated by Zhuk N.V.)

In the poem by A. Blok, syntactic repetition conveys the feeling of sadness and grief and despair of the author.

Я звал тебя, но ты не оглянулась,	***I had been calling you, you didn't condescend***
Я слезы лил, но ты не снизошла.	***I had been craving but you didn't even deign***
Ты в синий плащ печально завернулась,	*You wrapped in your blue cloak and looking sad*
В сырую ночь ты из дому ушла.	*You did go forth into the wet night rain.*

(translated by Zhuk N.V.)

In the translation of this romance "Autumn Rain" by E. Schwartz and B. Okudzhava, the syntactic repetition is completely preserved:

«Дождик осенний»	***"Autumn rain"***
Жаркий огонь полыхает в камине,	*In the fireplace by the flame woods are covered*
Тень, моя тень на холодной стене.	***Shadow, my shadow is on the cold wall.***
Жизнь моя связана с Вами отныне,	*Life is connected with your life henceforward,*
Дождик осенний, поплачь обо мне.	***Autumn rain, please, cry about my soul.***
Дождик осенний, поплачь обо мне.	***Autumn rain, please, cry about my soul.***
Сколько бы я не бродила по свету,	*No matter how long we roamed the world over,*
Тень, моя тень на холодной стене.	***Shadow, my shadow is on the cold wall.***

Нету без Вас мне спокойствия, нету,	*You are away, I am in spirit much lower*
Дождик осенний, поплачь обо мне.	***Autumn rain, please, cry about my soul.***
Дождик осенний, поплачь обо мне.	***Autumn rain, please, cry about my soul.***
Жизнь драгоценна, да выжить непросто,	*It's hard to survive though life- it's so precious,*
Тень, моя тень на холодной стене.	***Shadow, my shadow is on the cold wall.***
Короток путь от весны до погоста,	*The way from green years to grave's short and ferocious*
Дождик осенний, поплачь обо мне.	***Autumn rain, please, cry about my soul.***
Дождик осенний, поплачь обо мне	***Autumn rain, please, cry about my soul.***
Все мы в руках ненадежной фортуны	*We are in the power (hands) of rumous and fortune,*
Тень, моя тень на холодной стене.	***Shadow, my shadow is on the cold wall.***
Лютни уж нет, но звучат ее струны	*The lute is long gone, but the strings sound torturing,*
Дождик осенний, поплачь обо мне.	***Autumn rain, please, cry about my soul.***
Дождик осенний, поплачь обо мне.	***Autumn rain, please, cry about my soul.***

(translated by Zhuk N.V.)

In the translation of this romance, the syntactic repetition is completely preserved.

Conclusion

Thus, our analysis allows us to draw the following **conclusions:**

1. Any single text, especially a poetic one, has its own emotive code, i.e. "a system of emotivity signals of the text reflecting the general pathos of the work, its pragmatic charge and the emotional

attitude of the author to the described realities of the artistic world" [Ostrinskaya: 136].

2. A poetic text as an emotive text is a plexus of various elements of the emotivity of language.

3. Subjective modality, which provides the possibility of expressing evaluative meanings at the level of vocabulary, morphology and syntax, is implemented in speech.

4. There are many ways to express one's attitude to what has been said or to objective reality, therefore, it is possible to preserve modal means when translating from Russian into English in most cases (almost 77%-80%).

References

1. Goncharenko S.F. Poetic translation and translation of poetry: constants and variability // Translator's notebooks: scientific theory. sat. Issue 24 / edited by S.F Goncharenko. M.: MGLU, 2011. p.109.
2. Murazhkovsky Ya. Intentional and unintentional in art // Studies in Aesthetics and theory of art. Moscow, 1994. p.240.
3. Ostrinskaya N.N. Syntactic features of expressive means of a literary text // News of the Voronezh State Pedagogical University. un-ta. 2008. No. 7. p.77.
4. Shakhovsky V.I. Emotive language code and its implementation. Volgograd, 2003. pp. 208-209.
5. Vershinina E.V., Volkova A.A. Ilyushin and others. Introduction to Literary Studies / Edited by L.M. Krupchanov. — M., 2005. pp.62-68.
6. Zhuk N.V. The possibility of preserving modality when translating a poetic text from Russian into English. // Questions of modern science": collection. sci. monograph; / edited by N.R. Krasovskaya. – M.: Ed. Internauka, 2017. Vol. 16. p.102.
7. Zhuk N.V. Interjections in a poetic text and problems of their translation // Collection of scientific papers based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference "Global Science and Innovation" USA, Chicago, March 2016. pp.53-57.
8. Zhuk N.V. Problems of transferring article when translating poetic text from Russian into English Journal "Almanac of World Science" (collection) (ISSN 2412-8597, RSCI) "AR-Consult", 2016. pp.49-54.

Internet resources

1. https://godliteratury.ru›articles/2020/01/01/svet…sergey…Vasiliev S.E. Archive: No.27. 04.07.2014 It's not about yourself – it's about time.

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

УДК 81'37

Евграфова Юлия Александровна
Yulia Yevgrafova

Влог как нарратив личного опыта (на материале экранных текстов YouTube)

Vlog as a narrative of personal experience (a case study of YouTube screen texts)

Аннотация. *Данная работа посвящена изучению свойств нарративности влог, актуальность научного анализа которого обосновывается популярностью данного жанра и его целенаправленным использованием лидерами мнений для манипуляции зрителем. Объектом настоящего исследования являются гетерогенные экранные тексты YouTube. Предмет данного исследования составляют их нарратологические особенности. Цель данной работы – проанализировать особенности функционирования экранных текстов YouTube как нарратива. Методы, используемые в работе – сплошной выборки, функционально-прагматический и контекстуальный анализ. Автор приходит к выводу, что нехудожественные тексты влог являются нарративом личного опыта, имеющим зачатки нарративных структур художественных текстов: фокализацией и композиционно-структурной когезией. Кроме того, делается вывод, что помимо фокализации для влог характерна репрезентация реальности не через фильтр персонажа, а через само «действо» – монстрацию. Основной итог исследования состоит в том, что в гетерогенных экранных текстах YouTube жанра влог событийное поле и личный опыт автора организуются в повествовательную структуру, в которой в поликодовой-полимодальной форме автор излагает факты собственной жизни. Гетерогенные семиотические средства позволяют художественно осмыслить реальность и сделать ее продуктом массового потребления.*

Abstract. *This paper is devoted to the study of the narrative properties of vlogs, the relevance of scientific analysis of which is justified by the popularity of this genre and its purposeful use by influencers to manipulate the viewer. The object of this study is heterogeneous YouTube screen texts. The subject of this study is their narratological peculiarities. The aim of this paper is to analyze the peculiarities of YouTube screen texts functioning as narrative. The methods used in the work are the continuous sampling, functional-pragmatic and contextual analysis. The author concludes that nonfiction texts vlogs are a narrative of personal experience, having the rudiments of the narrative structures of fiction texts: focalization and compositional and structural cohesion. In addition, the author concludes that in addition to focalization, vlogs are characterized by the representation of reality not through the filter of the character, but through the "action" itself - monstration. The main result of the study is that in heterogeneous screen texts of YouTube genre vlog the event field and personal experience of the author are organized into a narrative structure, in which in polycode-polymodal form the author recounts the facts of his own life. Heterogeneous semiotic media allow to comprehend reality in an artistic way and make it a product of mass consumption.*

Ключевые слова: *экранный текст, поликодовый-полимодальный текст, нарратив, нарративные структуры, фокализация, монстрация, композиционно-структурная когезия*

Keywords: *screen text, polycode-polymodal text, narrative, narrative structures, focalization, monstration, compositional and structural cohesion*

Введение

Влог является одним из популярных жанров текста, распространённого в сети Интернет. Лидеры мнений используют его как инструмент влияния на общественное мнение. Это обуславливает **актуальность** обращения к научному анализу влог.

Влог рассматривается учёными в различных аспектах: как продукт медиа [Кириллов, Краев, 2022; Михайлова, 2021; Штандке 2020; Яблоновская, Езык, Мустафаева 2020], как средство обучения иностранным языкам [Akhmad, Shchukina, 2020; Малышева, 2021], в аспекте реализации языковой личности [Бузуева, Пелихов, 2021; Кожуховская, Тихенькая 2021; Янькова, Кирикова, 2021], и лингвопрагматики [Горшкова, 2020; Корабельская 2020; Медведева, 2021; Царенко, 2022].

Влог как нарратив ещё не рассматривался учёными-лингвистами и филологами, что составляет **новизну** исследования.

Цель данной работы выявить у нехудожественных текстов влог нарративные структуры, свойственные художественным текстам. Для достижения поставленной цели ставится **задача** проанализировать гетерогенные экранные тексты влог с позиции нарратологии. Использовались **методы** сплошной выборки, контекстуального и функционально-прагматического анализа. В качестве **материала** исследования

были выбраны влоги YouTube пользователей Семья в городе Life[1], KarolinaK[2], Hamimommy[3], Nami's life[4].

Теоретическая значимость состоит в том, что проводимое исследование обогащает теорию нарратологии материалом гетерогенных экранных текстов. **Практическая значимость** заключается в возможности использования полученных результатов для разработки методологического инструментария исследования влог с целью выявления признаков сознательной манипуляции их зрителем в нем.

Влог как изложение опыта

Влог в данной работе рассматривается как текст (в широком понимании, по Ю.М. Лотману), созданный гетерогенными единицами – визуальными (изображением в движении, статическим изображением, в том числе графическим начертанием текста) и аудиальными (музыка, шумы, речь), предназначенный для воспроизводения на экране.

Традиционно, влог создаётся путём монтажа из уже отснятого материала. Основной платформой распространения таких ретроспективных влогов является YouTube. С появлением социальной сети TikTok стала популярной форма ведения влог в режиме реального времени с помощью опции онлайн трансляции с дальнейшим её сохранением на странице пользователя. Современными блогерами используются обе разновидности влогов для создания нужного им контента.

Основная тематика влог – рассказ о пережитом, в случае ретроспективного влога, или переживаемом, в случае влога-онлайн трансляции, жизненном опыте. Во влог опыт обособляется и ряд событий, из которых он складывается,

[1] Семья в городе Life. Электронный ресурс. URL: https://youtube.com/c/%D0%93%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%81%D0%95%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B9%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9 (Дата обращения: 02.08.2022)

[2] KarolinaK. Электронный ресурс. URL: https://youtu.be/zoXspXkvPVc (Дата обращения: 10.08.2022)

[3] Hamimommy. Электронный ресурс. URL: https://youtu.be/Ja5o5F8HUNw (Дата обращения: 02.08.2022)

[4] Nami's life. Электронный ресурс. URL: https://www.youtube.com/channel/UC_RDtmUq7RISJ4mFKAhjzTg (Дата обращения: 02.09.2022)

облекается в легко воспринимаемую поликодовую-полимодальную форму. Происходит истолкование опыта, под которым подразумевается выбор фрагмента реальности и событийного поля для демонстрации, а также соположение его элементов в экранном пространстве. Причём для того, чтобы текст выглядел единым законченным целым, автору необходимо учитывать многообразие реальной действительности и выделять из неё части для демонстрации так, чтобы они были взаимозависимы и обладали связностью. Это приводит к тому, что тексты влог приобретают свою эстетику.

Эстетика влог

Влог, будучи «явлением коммуникативно-производственного порядка» (термин У. Эко), т.е. нехудожественным экранным текстом, имеет, тем не менее, ряд эстетических качеств, как и любое другое средство художественной коммуникации, например, юмористическая или бытовая зарисовка, мелодрама, драма, триллер, комедия и др.

Перечислим эти эстетические качества.

Во-первых, это особое «пространство». Оно складывается из параметров и интерфейса выбранной платформы, а также используемой камеры (чаще всего телефона), которая придаёт этому «пространству» определённую «глубину».

Во-вторых, это особое «время», детерминирующееся взаимосвязью со своим пространством. Оно может быть как ретроспективным (заранее отснятый и смонтированный влог), так и совпадающим с реальным временем (влог-онлайн трансляция).

В-третьих, это особый тип коммуникации, при котором адресаты сообщения (зрители) максимально изолированы друг от друга, находясь каждый перед своим экраном, и, одновременно, объединены в сообщество, каждый член которого имеет возможность задать вопрос в комментариях. В случае с влог-прямой трансляцией это придаёт ему спонтанности, делает «живым», зависящим от настроения коллективного адресата (зрителя).

Перечисленные выше эстетические качества учитываются пользователями при ведении влог в сети Интернет. Из подобного «диалога с материей» (термин формалистов)

рождается экранная речь, насыщенная определёнными нарративными структурами.

Нарративные структуры влог

При создании влога, даже в случае онлайн трансляции, реальность запечатлевается не импровизированно, а продуманно, с нужного ракурса, затем отснятый материал монтируется (при онлайн трасляции монтаж – это использование, например, масок). Это приводит к тому, что нехудожественные тексты влог сближаются с художественной проблематикой. Технические возможности позволяют менять модальность кадра, сужая или расширяя визуальное поле. Сознательный выбор демонстрируемого на экране позволяет расставлять акценты на важных для автора моментах. Влог становится повествованием о личном опыте, обладающим фокализацией и композиционно-структурной когезией.

1. Фокализация и монстрация

Влог не является зеркальным изображением реальности, он истолковывает её. Например, во влоге KarolinaK[1] автор влога, Каролина, рассказывает о разных аспектах своей жизни: 1) личных отношениях, 2) путешествиях, 3) еде, 4) распорядке дня, 5) книгах, 6) увлечениях. Во влоге другого пользователя Otena vlog[2] автором также рассказывается о своём личном опыте: 1) еде, 2) стиле, 3) увлечениях, 4) распорядке дня.

В обоих влогах события репрезентируются от лица персонажа-автора, коммуникация между текстом и рассказываемой историей (фокализация) осуществляется изнутри. Отличие их друг от друга заключается в способе оккуляризации. В публикациях пользователя Otena vlog зритель видит реальность непосредственно через глаза персонажа-автора так, как будто бы он сам выполнял все действия. В этом случае оккуляризация происходит изнутри. Во влоге же KarolinaK на экране запечатлён сам автор непосредственно в момент

[1] KarolinaK. Электронный ресурс. URL: https://youtu.be/zoXspXkvPVc (Дата обращения: 10.08.2022)

[2] Otena vlog. Электронный ресурс. URL: https://www.youtube.com/channel/UCojwGSXnua91h7uoEpVKDNA (Дата обращения: 02.09.2022)

совершения того или иного действия, оккуляризация в этом случае просиходит снаружи.

При помощи внешней оккуляризации реальность демонстрируется и во влогах Hamimommy[1] и Nami's life[2]. В обоих случаях центральное место занимает повествование о простых буднях. Зритель видит на экране некоего человека, очевидно автора, выполняющего некие действия, кадры сменяют друг друга в логической временн***о***й последовательности с минимальным монтажом и практически без каких-либо комментариев. Это пример нейтральной репрезентации событийного поля, когда фильтром является, не участник событий, а само действие в его реальной протяжённости – так называемой монстрации. Зритель извлекает всю информацию исходя из того, что непосредственно видит и слышит – реальность не преподносится через повествование, а демонстрируется.

В общем и целом, на сегодняшний день во влог обнаруживается как фокализация, так и монстрация. Разное направление фокуса камеры (оккуляризация) передаёт несколько визуальных образов одного и того же фрагмента реальности, которые являют собой один результат – внутреннюю фокализацию и монстрацию. Они являются инструментом создания связности текста не только на формальном, но и на содержательном уровне, обеспечивая композиционно-структурную когезию.

2. **Композиционно-структурная когезия**

Основу композиционно-структурной когезии составляют фабула и сюжет. Фабула – это событие, о котором рассказано. В неё включаются конститутивные элементы нарративности – время и место действия, агент (исполняющий или претерпевающий действие), само действие и событие (изменение наличной ситуации). Организация их в само рассказывание называется сюжетом.

[1] Hamimommy. Электронный ресурс. URL: https://youtu.be/Ja5o5F8HUNw (Дата обращения: 02.08.2022)

[2] Nami's life. Электронный ресурс. URL: https://www.youtube.com/channel/UC_RDtmUq7RISJ4mFKAhjzTg (Дата обращения: 02.09.2022)

Например, фабулу одного из выпусков влога пользователя KarolinaK «Один день из жизни в Москве» составляет время действия – 26 сентября 2020, место действия – Москва, агент – автор влога, Каролина, сами действия – пробуждение, гигиенические процедуры, выбор украшений, встреча в кафе, посещение магазина одежды, посещение Лужников, деловое мероприятие, пробежка, сон, само событие – один прожитый день. То, как эти конститутивные элементы нарративности складываются в логический и последовательный ретроспективный рассказ об одном дне из жизни автора в городе Москва, является сюжетом[1]. Фабула в данном случае сливается с сюжетом в единое нарративное целое. Тоже самое происходит и во влогах-онлайн трансляциях. В качестве примера рассмотрим один из выпусков влога Семья в городе Life, запись прямого эфира «Влог/Пишем/Уборка/Когда будет прямая трансляция/Покупка продуктов/Готовлю ужин»[2]. В нём фабулу составляет время действия – день, место действия – квартира, где проживает автор влога и её семья, агент, исполняющий действие – автор влога, агент, претерпевающий действие – Митя, её сын, сами действия – занятия с Митей, уборка, обед, беседа с подписчиками, беседа с Митей, покупка продуктов, приготовление ужина и событие – прожитый день. Фабула и сюжет здесь также совпадают.

Во влог-онлайн трансляции основная фабула – это демонстрация жизни в своей непосредственной протяжённости в определённый промежуток времени, выбранный автором. В нём также обнаруживаются все конституенты нарративности, слагающие фабулу: место, время, агент, действие и его последствия, что видно из проведённого выше примера.

В ретроспективном влоге события осмысливаются a posteriori, и единство фабулы создаётся после свершённого опыта. Во влог-онлайн трансляции события осмысляются в момент свершения опыта, и единство фабулы поддерживается в

[1] Один день из жизни в Москве. Электронный ресурс. URL: https://youtu.be/zoXspXkvPVc (Дата обращения: 02.08.2022)

[2] Влог/Пишем/Уборка/Когда будет прямая трансляция/Покупка продуктов/Готовлю ужин. Электронный ресурс. URL: https://youtu.be/blyUUdUM7PE (Дата обращения: 27.08.2022)

момент её развёртывания. Таким образом, для влог характерна чёткая фабульная структура, которая сливается с сюжетом в единое целое. Чёткая иерархия всех конститутивных элементов влога организовывает как ретроспективное событийное поле (ретроспективный влог), так и опыт в момент его свершения (влог-онлайн трансляция). Манипуляции с конститутивными элементами нарративности позволяет сконструировать в сознании зрителя определённое отношение к демонстрируемым событиям.

Выводы

Свойство нарративности переносится на широкий круг феноменов, в том числе и на такую сложную комплексную структуру, как тексты, предназначенные для актуализации на экране. В них объективно истинная реальность репрезентируется драматургически. Такие жанры экранного текста, как влог и онлайн трансляция, являются нарративом, т.е. изложенной историей, в которой события разворачиваются одновременно с повествованием. Они обладают композиционно-структурной когезией. Событийный ряд объективно истинной реальности отбирается автором, в результате чего его элементы сополагаются на экране, а сообщение передаётся опосредованно, при помощи фокализации, монстрации, сюжета, фабулы.

Проведённое исследование позволило выделить у влога как у нарратива следующие характеристики:

1) Влог может быть ретроспективным – его событийное поле основано на прошлом, а акцент делается на пережитом личном опыте автора. Или же повествовательное время влога совпадает с реальным временем.

2) Влог неполон и открыт для переписывания и дописывания.

3) В случае ретроспективного влога временн***а***я дистанция между повествуемом-Я и повествующим-Я даёт автору возможность выразить своё отношение к демонстрируемому личному опыту и «прошлому я».

4) Влог – это акт творчества. Отбор событийного поля для демонстрации предполагает структурирование повествования, что придаёт влогу элемент художественности.

5) У влога есть зачатки композиционно-структурной когезии. В нём фабула и сюжет сливаются в единое целое.

6) Во влоге обнаруживается отступление от традиционного изложения событий от первого лица. Монстрация используется авторами наравне с внутренней фокализацией для того, чтобы достичь объективности, сохранив, при этом свою идентичность.

Таким образом, влог является связным нехудожественным повествованием, в котором в поликодовой-полимодальной форме автор излагает факты собственной жизни.

Заключение

«Повествование» о своём личном опыте основывается на обособленных событиях, логику развития которых, с одной стороны, тяжело подчинить, и, с другой стороны, которые могут быть художественно осмыслены благодаря форме – жанру влог. Влог – это повествовательная передача того, что уже было пережито, повествовательно организованное событийное поле и личный опыт автора; это экранный нарратив, сконструированный гетерогенными семиотическими средствами, в котором реальность становится конструктом, воспроизводимым в масштабах массового потребления.

Развлечение зрителя является основной целью любого влог, даже при передаче информативных, нехудожественных сообщений, для чего в их создание вовлекаются разнообразные нарративные структуры. Они помогают смоделировать «реальную жизнь», беспорядочную, прерывистую и случайную.

Литература

1. Бузуева Д.Д., Пелихов Д.А. Специфика разговорного стиля в речи видеоблогеров // Язык. Культура. Медиакоммуникация. 2021. Т. 1. № 2. С. 78–82.
2. Горшкова Л.А. Коммуникативные особенности социального медиа YouTube в современном информационном пространстве // Медиасреда. 2020. № 2. С. 94–100.
3. Кириллов А.Г., Краев А.А. Видеоблог как визуальный медиатекст // Вестник Международного института рынка. 2022. № 1. С. 137–142.
4. Кожуховская Ю.В., Тихенькая Е.А. Языковой портрет тревел-блогера // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики:

педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодёжью. 2021. № 2. С. 54–59.
5. Корабельская В.В. Видеоблог как новый формат интернет-коммуникации // Учет и контроль. 2020. № 9 (59). С. 28–37.
6. Малышева Т.С. Развитие и контроль умений монологической речи на иностранном языке в формате видеоблога // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7–4 (109). С. 85–88.
7. Медведева Е.В. Специфика аудитории видеоблога и ее влияние на процесс ретиальной коммуникации // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 3. С. 261–272.
8. Михайлова Е.В. Практики медиатизации потребления в современном русскоязычном YouTube // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 1 (25). С. 66–75.
9. Царенко Н.М. Дискурсивный маркер как один из показателей презентационно-интерактивного общения (на примере русскоязычного бьюти-влога) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 146–154.
10. Штандке А.А. Современные формы фиксации реальности в формате видеохостинга // Вестник ВГИК. 2020. Т. 12. № 3 (45). С. 134–144.
11. Яблоновская Н.В., Езык А.В., Мустафаева Н.Д. Жанр интервью на платформе русскоязычного сегмента youtube: трансформации и медиатехнологии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2020. Т. 6. № 4. С. 225–238.
12. Янькова Н.А., Кирикова Ю.Е. Неологизмы английского языка в сфере блоггинга // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 47. С. 3106–3110.
13. Akhmad T.S., Shchukina I.V. Using modern blogs to enhance reading skills of high school students at the lessons of English // Modern European Researches. 2020. № 1. С. 12–25.

References

1. Buzueva, D.D., Pelihov, D.A. (2021): Specificity of conversational style in the speech of video bloggers. *Language. Culture. Media-communication*, 1, Vol. 2, 78–82. (In Russ.)
2. Gorshkova, L.A. (2020): Communicative features of social media YouTube in modern information space // *Media environment*, Vol. 2, 94–100. (In Russ.)

3. Kirillov, A.G., Kraev, A.A. (2022): Video blog as a visual media text. *Bulletin of the International Institute of Market*, Vol. 1, 137–142. (In Russ.)
4. Kozhuhovskaja, Ju.V., Tihen'kaja, E.A. (2021): Linguistic portrait of a travel-blogger. *Problems and prospects of modern humanitarianism: pedagogy, teaching methods, philology, organization of work with young people*, Vol. 2, 54–59. (In Russ.)
5. Korabel'skaja, V.V. (2020): Video-blog as a new format of Internet-communication. *Accounting and control*, Vol. 9 (59), 28–37. (In Russ.)
6. Malysheva, T.S. (2021): Development and control of the skills of monological speech in a foreign language in the format of a video blog. *International Research Journal*, Vol. 7–4 (109), 85–88. (In Russ.)
7. Medvedeva, E.V. (2021): Specificity of video blog audience and its influence on the process of retinal communication. *Medialingvistika*, 8, Vol. 3, 261–272. (In Russ.)
8. Mihajlova, E.V. (2021): Practices of media consumption in modern Russian-language YouTube. *Social and Humanitarian Knowledge*, 7, Vol. 1 (25), 66–75. (In Russ.)
9. Carenko, N.M. (2022): Discursive marker as one of the indicators of presentation-interactive communication (on the example of Russian-language beauty-vlog). *Verkhnevolzhsky philological bulletin*, Vol. 1 (28), 146–154. (In Russ.)
10. Shtandke, A.A. (2020): Modern forms of reality fixation in the format of video hosting // VGIK Vestnik, 12. Vol. 3 (45), 134–144. (In Russ.)
11. Jablonovskaja, N.V., Ezyk, A.V., Mustafaeva, N.D. (2020): Genre interview on the platform of the Russian segment of youtube: transformations and media technologies. *Scientific Notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, 6, Vol. 4, 225–238. (In Russ.)
12. Jan'kova, N.A., Kirikova, Ju.E. (2021): Neologisms of the English language in the sphere of blogging. *Innovations. Science. Education*, Vol. 47, 3106–3110. (In Russ.)
13. Akhmad, T.S., Shchukina, I.V. (2020): Using modern blogs to enhance reading skills of high school students at the lessons of English. *Modern European Researches*, Vol. 1, 12–25. (In Eng.)

УДК 81-114.2

Киосе Мария Ивановна
Maria Kiose

Лингвокреативность в юмористической и реалистической детской литературе: лексический уровень[1]

Linguistic creativity in humorous and realistic children's literature: lexical level

Аннотация. *Исследование нацелено на решение проблемы определения дискурсивных оснований лингвокреативности. Их установление позволяет разграничить дискурсивные проявления языка как требующие больших или меньших когнитивных усилий на восприятие и понимание, что обусловливает актуальность выполнения работы именно на материале дискурса детской литературы. Для решения проблемы разрабатывается метод дискурсивно-параметрического анализа, с применением которого устанавливаются показатели креативного потенциала юмористических и реалистических произведений детской литературы. Их контрастивное изучение проводится на лексическом уровне; в ходе анализа определяются различия в реализации стилистических тропов, новаций в использовании имени собственного и смен кода. Результаты исследования показали, что креативный потенциал разных текстов юмористического и реалистического подтипов дискурса действительно демонстрирует различия, проявляющиеся в активности новаций имени собственного и смен кода; однако такие различия не обнаружены в отношении использования стилистических тропов. Также определены две возможности реализации лингвокреативности, в аспекте интенциональности и конвенциональности: креативными могут считаться как тексты, демонстрирующие высокую активность средств лингвокреативности, так и тексты, демонстрирующие неконвенциональную для данного дискурса активность средств.*

Abstract. *The study explores the problem of linguistic creativity as mediated by the discourse type. As known, comprehension of creative language in discourse requires higher cognitive load, which explains the reason why we address the discourse of children's literature to collect the data. Methodologically, the research develops further the procedure of discourse parametric analysis which allows to identify the creative potential of humorous and realistic stories and novels in the children's literature. The lexical level of language which serves for their contrastive study allows to determine several linguistic means with the highest frequency; they are stylistic tropes, proper names, and code switching. The results manifest significant differences in the use of creative language in humorous and realistic discourse subtypes, which appear in the frequency of proper names and code switches, whereas in the use of stylistic tropes the differences are not observed. Additionally, the study reveals that linguistic creativity in discourse can be attested in terms of its intentionality and conventionality. The intentional use of linguistically creative means is observed in the higher frequency of creative language in texts or discourse, whereas their occasional use is manifested in non-entrenched (unconventional) language.*

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

***Ключевые слова**: лингвокреативность, дискурсивно-параметрический анализ, лексический уровень, детская литература.*

***Keywords**: linguistic creativity, discourse parametric analysis, lexical level, children's literature.*

Введение

Проблема исследования лингвистической креативности в дискурсе получила широкий резонанс в современной науке, что обусловлено значимостью теоретико-методологического разграничения нормы и вариативности, конвенции и творчества, а также обнаружения определенных показателей такого разграничения. Как известно, развиваются различные подходы к анализу лингвистической креативности. Так, лингвокреативность может определяться как способность человека, форма его (языкового) поведения по отношению к окружающему миру, как особая форма взаимодействия сознания и внешнего мира; как характеристика системы (языка, дискурса), создаваемой автором и интерпретируемой читателем. В настоящем исследовании применяется третий подход, в рамках которого основными объектами анализа становятся сами языковые явления [Agres et al. 2015; Carter 2016; Simpson 2019]. Одна из задач такого подхода – разграничение креативных и некреативных языковых употреблений в разных типах дискурса [Лингвокреативность 2021], при этом основной характеристикой креативного использования языкового знака является наличие преобразований или модификаций базовых форм языковых знаков [Зыкова 2017: 638]. Представляется очевидным, что степень лингвокреативности определяется типом дискурса – для некоторых его типов креативность будет являться основной «задачей» дискурса, для других – вспомогательной.

В этом смысле интересно обратиться к таким типам дискурса, где она играет вторичную роль, не соотносясь с основной прагматической интенцией дискурса; одним из них является дискурс детской литературы (далее – ДДЛ). Установление особенностей реализации лингвокреативности в дискурсе детской литературы позволяет разграничить дискурсивные проявления языка как требующие больших или меньших когнитивных усилий на восприятие и понимание. Задача исследования состоит в определении значимых различий

в лингвокреативном потенциале ряда лексических средств двух подтипов дискурса детской литературы, юмористического и реалистического. Для ее реализации применяется контрастивный анализ частотности реализации параметров лингвокреативности в двух подтипах дискурса. Гипотеза исследования заключается в том, что, во-первых, показатели параметров лингвокреативности будут отличаться в юмористическом и реалистическом подтипах ДДЛ, во-вторых, что креативный потенциал разных текстов одного подтипа дискурса будет демонстрировать различия, и в-третьих, что эти различия могут быть обусловлены иными наблюдаемыми характеристиками ДДЛ.

Метод и процедура исследования

Лингвокреативными мы будем считать такие дискурсы и тексты, которые демонстрируют атипичные проявления языковых средств выразительности для того или иного дискурса (или подтипа дискурса), либо для «представителя» этого дискурса (конкретного текста) на фоне всего дискурса (или его подтипа). Например, повышенная частотность (активность) метафор определенного типа в тексте на фоне средних показателей частотности рассматриваемых метафор в дискурсе в целом или дискурсе какого-то типа, например, в ДДЛ, может рассматриваться как средство лингвистической креативности, а сам текст с их использованием может считаться лингвокреативным. Такие средства получают описание на всех уровнях языка; для анализа их контрастивной активности ранее был разработан и апробирован метод дискурсивно-параметрического анализа [Зыкова, Киосе, 2020; Лингвокреативность, 2021], где в качестве параметров рассматриваются обобщенные языковые средства выразительности, которые могут быть обнаружены на фонологическом, морфологическом и иных уровнях и далее подвергнуты анализу на предмет значимых различий в их активности.

В исследовании мы обращаемся к языковым средствам выразительности лексического уровня, использование которых в некотором подтипе ДДЛ и отдельном тексте ДДЛ будет нетипичным в сравнении с усредненными показателями ДДЛ и показателями подтипа ДДЛ. При этом мы рассмотрим два

подтипа ДДЛ, юмористический и реалистический. Соответственно, больший креативный потенциал будут обнаруживать тот подтип или те тексты, показатели лингвокреативности которых сильнее отличаются от усредненных показателей по дискурсу в целом или по данному подтипу дискурса. Однако очевидно, что привлечь к анализу тексты, которые бы не отличались по иным дискурсивным характеристикам (например, типу дискурсивного события, составу участников, характеру адресации и др.) не представляется возможным. При этом такая ситуация позволяет предложить объяснения причин увеличения или снижения лингвокреативного потенциала некоторого текста юмористического или реалистического подтипа ДДЛ или самого подтипа. Различия в реализации лингвокреативности также могут быть обусловлены и иными наблюдаемыми характеристиками ДДЛ. Такими потенциально значимыми характеристиками ДДЛ в нашем случае будут время создания текстов (период середины XX века и начала XXI века) и их возрастная адресация (средний и старший школьный возраст).

Для дискурсивно-параметрического анализа отобраны 10 тематически и сюжетно завершенных начальных фрагментов произведений или завершенных произведений (коротких рассказов) юмористического подтипа ДДЛ (произведения Н. Апгарян, Ю. Сотника, В. Железникова, В. Медведева, Ю. Яковлева) и реалистического подтипа (произведения Д. Сабитовой, А. Жвалевского и Е. Пастернак, Л. Пантелеева, В. Крапивина, О. Раина). При этом рассматриваемые произведения принадлежат двум указанным выше периодам и ориентированы на разные возрастные группы читателей. Предположительно, показатели параметров лингвокреативности в двух подтипах дискурса будут демонстрировать вариативность, обусловленную этими характеристиками.

К числу средств лингвокреативности лексического уровня мы относим языковые средства выразительности, традиционно исследуемые в работах по лингвостилистике русского языка [Кожина, 1977; Кожевникова, 2009, Крысин, 2000, Москвин, 2007, Супрун, 2002 и др.]. Выбор средств лингвокреативности именно лексического уровня обусловлен

тем, что средства других уровней более подвержены либо влиянию определенных жанров (средства выразительности фонологического уровня – жанру поэтических текстов), либо формату повествования (средства выразительности синтаксического уровня – влиянию диалогического и монологического формата повествования). В ходе анализа использовалась методика ручного аннотирования текстовых фрагментов и последующий контрастивный анализ распределения активности (частотности) этих средств [Лингвокреативность, 2021]. При определении объема аннотируемого материала мы ориентировались на завершенность текстового эпизода и одновременно на сопоставимый по объему материал (15 – 20 тысяч знаков).

Результаты исследования

Предварительный анализ показал, что языковые средства выразительности имеют разную активность в произведениях и необходимо привлекать только те из них, которые используются достаточно часто, так как анализ единичных употреблений не позволит считать полученные контрастивные данные репрезентативными. Среди наиболее активных средств оказалось использование стилистических тропов, ономастических новаций в именах собственных и смена кода, например, смена коммуникативного регистра, стиля, жанра, языка. Наиболее частотным стилистическим тропом является, конечно, лингвистическая метафора разного типа [Москвин, 2007] – субстантивная, например, в Какая-то *фыфра* обскакала на полкилометра… (Л. Пантелеев), глагольная в Перестань *терзать* пылесос (В. Крапивин), или фразовая в Слушай, а если отработать? Ты ведь, говорят, *берешь в рабство*? (О. Раин). Ономастические новации проявляются в использовании ников персонажей, например, в То, что *Ястреб* написал мне, *Синичке*, это было просто как гром среди ясного неба (А. Жвалевский и Е. Пастернак). Новации в использовании имени собственного проявляются и во введении фонологических или морфологических модификаций имени, например, в У *Ба* не забалуешь (Н. Апгарян). Также это могут быть аллюзивные использования имен собственных для именования участников события, как, например, номинация *Марк Порций Катон*

Старший для означивания мальчика – персонажа рассказа в – Понятно, – ответил *Марк Порций Катон Старший*. – А Воробьев стекло не выбивал (Ю. Яковлев). Смена кода обнаруживается, например, в смене коммуникативных ролей участников в Боря уставился на неё, сдвинув светлые, чуть заметные брови: – Слушайте, *Раиса Петровна*! (Ю. Сотник), где Боря обращается к младшей сестренке, называя ее полным именем с использованием отчества, с иронией «примеряя» ей коммуникативную роль взрослого. Отметим, что в одной и той же лексической единице могут быть реализованы несколько языковых средств выразительности. Так, в примере, приведенном выше, Слушайте, *Раиса Петровна*!, смена кода сопровождается новацией имени собственного. В ходе аннотирования такие случаи были рассмотрены как демонстрирующие оба типа средств (более подробно о случаях использования перечисленных единиц лексического уровня см. в [Лингвокреативность, 2021]).

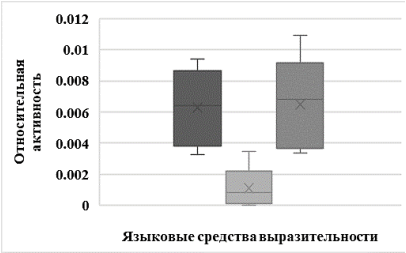
Приведем полученные данные по активности указанных средств выразительности. Так, в произведениях юмористического подтипа ДДЛ среднее количество тропов составило 0.00627 случаев на знак текста (такой способ позволяет учитывать вариативность привлекаемого к анализу объема фрагментов), а в произведениях реалистического подтипа ДДЛ это 0.00504 случаев на знак, при этом SD в юмористических произведениях составило 0.002, а SD в реалистических произведениях – 0.0011. Это означает, что, с одной стороны, активность тропов выше в юмористических произведениях, но и вариативность в их активности выше. Самую высокую активность тропы имеют в рассказе «Разноцветная история» В. Железникова (1960 г.), а самую низкую – в рассказе «Райкины пленники» Ю. Сотника (1956 г.); таким образом, время создания текстов не повлияло на активность данного средства языковой выразительности. Произведения с разной возрастной адресацией могут демонстрировать различную активность тропов; фрагмент повести «Манюня» Н. Апгарян (2010 г.) демонстрирует их низкую активность (0.0044), а фрагмент повести «Слева от солнца» О. Раина (2008 г.) – высокую (0.0076). Можно сделать вывод, что активность тропов в большей степени определяется

иными текстовыми характеристиками, например, особенностями сюжета, превалированием диалогической или нарративной формы повествования и др.

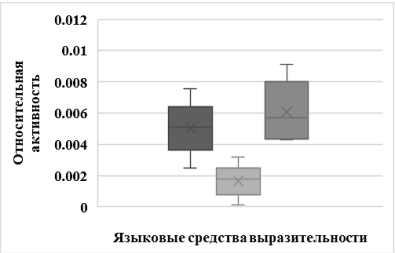
Далее рассмотрим данные по ономастическим новациям в использовании имен собственных. В произведениях юмористического подтипа ДДЛ среднее количество новаций такого типа составило 0.0011 случаев на знак текста, а в произведениях реалистического подтипа ДДЛ это 0.00166 случаев на знак; SD в юмористических произведениях составило 0.00131, а SD в реалистических произведениях – 0.00073. Это означает, что новации с использованием имени собственного характерны в целом именно для реалистических произведений, при более высокой их активности в данном подтипе ДДЛ SD также ниже. Укажем, что активность новаций в меньшей степени зависит от времени создания текстов и от их адресации.

Приведем данные по использованию разных типов смены кода. Так, в произведениях юмористического подтипа ДДЛ среднее количество смен кода составило 0.03244 случая на знак текста, а в реалистических произведениях это 0.00608 случаев на знак, при этом SD в юмористических произведениях составило 0.002247, а SD в реалистических произведениях – 0.00154. Таким образом, смена кода намного более частотна для произведений юмористического подтипа, хотя и вариативность в ее активности выше. Контрастивный анализ активности смен кода в произведениях разного времени создания и разной адресации не показал различий.

На Рис. 1 приведем относительные показатели активности языковых средств выразительности в двух рассматриваемых подтипах ДДЛ.



1а. Юмористический подтип ДДЛ



1б. Реалистический подтип ДДЛ

Рис. 1. Активность языковых средств выразительности в юмористическом и реалистическом подтипах ДДЛ: стилистические тропы, новации в использовании имени собственного, смены кода

Как видно из диаграмм, в целом показатели языковых средств выразительности в юмористическом подтипе ДДЛ выше, при этом наблюдается больший разброс показателей, что свидетельствует о более высокой вариативности в использовании языковых средств. Это может быть результатом значимого воздействия других характеристик ДДЛ, среди которых – не только названные нами выше (время создания произведения и его возрастная адресация), но и иные, определяемые другими «измерениями» дискурса, например, типом события и составом участников, форматом коммуникации. Однако, как показал анализ, они оказываются более значимыми именно в юмористическом подтипе ДДЛ. Предположительно, это объясняется тем, что степень проявления комического в юмористическом дискурсе демонстрирует варьирование – демонстрация комического может быть основной коммуникативной интенцией автора, но может быть и вспомогательной, проявляющейся в отдельных фрагментах, например, в диалоговых или, напротив, в авторском нарративе или в нарративе от лица участника события.

Оценивая креативный потенциал языковых средств выразительности в ДДЛ, можно констатировать, что в

анализируемых произведениях он выше в отношении стилистических тропов и смен кода в юмористическом подтипе ДДЛ и в отношении новаций в имени собственного в реалистическом подтипе ДДЛ. Однако, если рассматривать его в подтипах ДДЛ, то нетипичным и, соответственно, лингвокреативным будет частотное использование традиционно нечастотных для некоторого подтипа ДДЛ средств. Таким образом, лингвокреативность будет определяться по-разному в двух ее вариантах – в аспекте интенциональности и в этом случае больший креативный потенциал имеют использования наиболее активных средств, и в аспекте конвенциональности, в этом случае креативными будут случаи «неожиданного» использования этих средств. Различие между двумя указанными вариантами лингвокреативности состоит в том, что в первом случае речь идет о креативном потенциале дискурса или его подтипа, а во втором – о креативном потенциале текста как «представителя» некоторого подтипа дискурса.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что дискурсивно-параметрический анализ показал, что языковые средства выразительности могут выступать показателями лингвистической креативности в дискурсе. Креативный потенциал разных текстов одного подтипа дискурса, юмористического и реалистического, действительно демонстрирует различия, проявляющиеся в активности новаций имени собственного и смен кода; однако такие различия не обнаружены в отношении использования стилистических тропов. Время создания произведения и его возрастная адресация в меньшей степени определяют вариативность в использовании языковых средств выразительности – это свидетельствует о том, что дискурсивные подтипы могут быть ранжированы как имеющие разную степень лингвокреативности в аспекте интенциональности. В нашем случае, жанр произведения (юмористический и реалистический) оказывает большее воздействие на активность средств языковой выразительности, чем время создания и адресация. При этом вопрос о том, какие текстовые проявления можно считать креативными, может быть решен двояко: либо в дискурсе в целом (тогда креативными будут

тексты, демонстрирующие высокую активность средств – лингвокреативность в аспекте интенциональности), либо в конкретном тексте (тогда креативными будут те тексты, демонстрирующие неконвенциональную для данного дискурса активность средств – лингвокреативность в аспекте конвенциональности).

Литература

1. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.
2. Зыкова И.В., Киосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: Кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 2, 2020. С. 26–40.
3. Кожина Н.М. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977.
4. Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы / Сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова; Под общ. ред. З. Ю. Петровой. М.: Знак, 2009.
5. Крысин Л.П. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000. С. 61–64.
6. Лингвокреативность 2021 – Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности / под ред. И.В. Зыковой. М.: Р-Валент, 2021.
7. Москвин В.П. Русская метафора: очерк семиотической теории. М.: URSS, 2007.
8. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000.
9. Agres K. et al. Conceptualising Creativity: From Distributional semantics to conceptual spaces. Proceedings of the 6th International Conference on Computational Creativity. Park City: UT, 2015. URL: https://computationalcreativity.net/iccc2015
10. Carter R. Language and Creativity. The Art of Common Talk. 2nd ed. New York: Routledge, 2016.
11. Simpson P. (ed.) (2019) Style, Rhetoric and Creativity in Language. Amsterdam: John Benjamins, 2019.

References

1. Zykova I.V. Metajazyk lingvokul'turologii: konstanty i varianty. M.: Gnozis, 2017.
2. Zykova I.V., Kiose M.I. Parametrizacija lingvisticheskoj kreativnosti v mezhdiskursivnom aspekte: Kinodiskurs vs. diskurs detskoj literatury // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. Vyp. 2, 2020. S. 26–40.
3. Kozhina N.M. Stilistika russkogo jazyka. M.: Prosveshhenie, 1977.
4. Kozhevnikova N.A. Izbrannye raboty po jazyku hudozhestvennoj literatury / Sost. E. V. Krasil'nikova, E. Ju. Kukushkina, Z. Ju. Petrova; Pod obshh. red. Z. Ju. Petrovoj. M.: Znak, 2009.
5. Krysin L.P. Kodovye perekljuchenija kak komponent rechevogo povedenija cheloveka // Rechevoe obshhenie: specializirovannyj vestnik. Vyp. 3 (11). Krasnojarsk, 2000. S. 61–64.
6. Lingvokreativnost' 2021 – Lingvokreativnost' v diskursah raznyh tipov: Predely i vozmozhnosti / pod red. I.V. Zykovoj. M.: R-Valent, 2021.
7. Moskvin V.P. Russkaja metafora: ocherk semioticheskoj teorii. M.: URSS, 2007.
8. Suprun V.I. Onomasticheskoe pole russkogo jazyka i ego hudozhestvenno-jesteticheskij potencial. Volgograd: Peremena, 2000.
9. Agres K. et al. Conceptualising Creativity: From Distributional semantics to conceptual spaces. Proceedings of the 6th International Conference on Computational Creativity. Park City: UT, 2015. URL: https://computationalcreativity.net/iccc2015
10. Carter R. Language and Creativity. The Art of Common Talk. 2nd ed. New York: Routledge, 2016.
11. Simpson P. (ed.) (2019) Style, Rhetoric and Creativity in Language. Amsterdam: John Benjamins, 2019.

УДК 81'272

Маюк Елена Павловна
Elena Maiuc
Демиденко Кристина Дмитриевна
Krystsina Dzemidzenka

Семантико-функциональный потенциал хэштеговых конструкций

Semantic and functional potential of hashtag structures

Аннотация. *В современных условиях многоканальности огромное значение придается поиску результативных способов оптимизации коммуникации с потребителем. Активное развитие сферы виртуального общения имеет своим результатом обязательное наличие аккаунтов в социальных сетях. Этот сегмент интернет-дискурса представляет собой современную многофункциональную рекламную площадку, которая способна обеспечить огромный охват целевой аудитории и организовать постоянный контакт с ней в режиме реального времени. Продвижение личности, продукта, идеи, услуги в социальных сетях с эффективным использованием специфического инструментария, коим является хэштег, выступает основной частью формирования популярности объекта. Ввиду этого, актуальным становится исследование особенностей построения хэштеговых конструкций с целью их продуктивного применения в ходе продвижения интернет-аккаунта в социальных сетях.*

В результате проведенного исследования выявлены тематические группы и их процентное соотношение в лексической организации публичных страниц новостной тематики; определены доминирующие функции хэштеговых конструкций и частота их реализации в аккаунтах известных личностей: хэштеги-геопозиции, используемые с целью выделения места, с которым связаны какие-либо эмоции или воспоминания (30 %); хэштеги-девизы, которые направлены на демонстрацию жизненных ценностей или настроения артистов (21 %).

Abstract. *In modern conditions of multi-channeling, great importance is attached to finding effective ways to optimize communication with the consumer. The active development of virtual communication results in the obligatory presence of accounts in social networks. This segment of the Internet discourse is a modern multifunctional advertising platform that is able to provide a huge coverage of the target audience and organize constant contact with it in real time. Promotion of a person, product, idea, service in social networks with the effective use of such a specific tool as a hashtag is the main part of the formation of the popularity of an object. Thus, it becomes relevant to study the features of building hashtag structures with the aim of their productive use in the course of promoting an Internet account in social networks.*

As a result of the study, thematic groups and their percentage in the lexical organization of public pages that cover news topics were identified; the dominant functions of hashtag structures and the frequency of their implementation in the accounts of famous personalities were determined: hashtags-geopositions are used to highlight the place with which any emotions or memories are associated (30%); hashtags-slogans are aimed at demonstrating the life values or mood of the artists (21%).

Ключевые слова: *хэштег, Интернет-дискурс, социальная сеть, тематическая группа, продвижение личности*

Key words: *hashtag, Internet discourse, social network, topic group, personality promotion*

Введение

В последние годы средой общения все чаще выступает виртуальное пространство. В ходе развития виртуальной коммуникации появляются хэштеговые конструкции, которые в скором времени начали активно использоваться в целях категоризации информации в социальных сетях. В этих условиях тема анализа структурно-семантических особенностей хэштеговых конструкций публичных страниц разной тематики, как составного элемента социальных сетей, является актуальной.

Цель исследования заключается в выявлении специфики функционирования резюмирующих стратегий хэштеговых конструкций в социальных сетях. Указанная цель определила необходимость решения следующих задач:

1) установить структурные и семантические специфику хэштеговых конструкций;

3) определить относительный показатель наличия хэштеговых конструкций в социальной сети «Instagram»;

4) выявить прагматические функции хэштеговых конструкций.

Объектом работы является паблик как жанр персонального Интернет-дискурса. Предмет исследования – функции резюмирующих стратегий хэштеговых конструкций публичных страниц в социальной сети.

По причине высокой популярности российских артистов и их большой аудиторией, а также известностью социальных сетей. В качестве фактического материала был использован контент публичных страниц российских артистов в социальной сети, таких как:

1. Ольга Бузова (23,2 млн. подписчиков);
2. Максим Галкин (9,2 млн. подписчиков)[1];
3. Ксения Собчак (8,8 млн. подписчиков);
4. Филипп Киркоров (5,2 млн. подписчиков);
5. Игорь Крутой (1,1 млн. подписчиков).

[1] Внесен в список инагентов по решению Минюста РФ

Общий объем контента составил 400 текстов.

Для достижения цели использовался комплекс исследовательских методов: описательный, сравнительно-сопоставительный, компонентный анализ, приемы статистической обработки языкового материала.

Научная новизна нашего исследования заключается в установлении структурных и семантических характеристик хэштеговых конструкций с их количественными показателями в пабликах социальной сети «Instagram»; выявлении функционального потенциала языковых средств.

Теоретическая значимость научной работы заключается в том, что материалы и выводы исследования могут быть использованы для развития типологии текстов посредством разработки единых критериев, позволяющих систематизировать не только существующие в настоящее время типы электронных текстов, но и те, которые будут актуализироваться в будущем. Теоретическая значимость исследования обусловлено также тем, что результаты могут получить применение при разработке теоретических курсов по теории коммуникации, теории и практике межкультурной коммуникации, интернет-лингвистике.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применения его результатов при создании спецкурсов по проблемам виртуальной коммуникации, теории речевых жанров. Ряд выводов работы открывает новые возможности в профессиональной подготовке бизнес-консультантов, бизнес-тренеров, PR-менеджеров, SMM–специалистов или маркетологов. Полученные результаты могут применяться с целью создания эффективных хэштеговых конструкций, направленных на формирование положительного имиджа субъекта или компании, а также для анализа и улучшения уже существующих аккаунтов

Основная часть

В поле зрения при изучении виртуальной языковой структуры в социальной сети попадает креолизованный текст, состоящий из визуального компонента (фотографии, картинки или видео) и гипертекста [Лутовинова, 2015]. Гипертекст публикаций социальной сети, как правило, состоит из подписи к фотографии, которая может включать непосредственно сам текст

публикации, невербальные средства (эмотиконы), ссылки на других пользователей (@) и хэштеги (#).

Хэштег или хештег (от англ. «знак «решетки» и метка») – это графический знак, слово, фраза, предложение, написанные без пробелов, которые следуют за обязательным символом решетки (#), автоматически выделенные голубым цветом. Хэштеги выделяются из текса и сразу же привлекают внимание аудитории. С помощью такого вида текстов автор акцентирует внимание подписчиков на важных для него деталях, фразах, идеях и т.д. Обычно хэштеги являются частью текста публикации, но могут представлять собой и самостоятельное сообщение. По определению зарубежных исследователей, хэштег представляет собой коммуникационные метки для выражения главной темы текста [Kemp 2018].

С точки зрения тематической принадлежности, можно выделить более 20 групп хэштегов. К ним относятся такие подгруппы, как путешествия (#москва, #казань, #море), хобби (#игрушки, #конструктор), музыка (#музыка, #концерт, #бездел), танцы (#dance, #танцынальду), мероприятия (#человекгода, #Eurovision), праздники (#23февраля, #деньпобеды, #деньматери), спорт (#фитнес, #йога, #велик), мода и косметика (#mixit, #косметичкаСобчак) и др. Данная группа хэштегов отражает многообразие тем для публикаций и обсуждений, которыми интересуются Интернет-пользователи. Количество групп тематически не ограничено.

Изучая тематическую направленность хэштеговых конструкций в социальной сети, на примере выбранных пользователей, мы выявили тенденцию использования следующих тематических групп: тематическая группа «путешествия, места», тематическая группа «концерты, съемки», тематическая группа «реклама», тематическая группа «праздники», тематическая группа «хобби». Выбор тематической группы зачастую зависел от фотографии публикации и от сферы интересов и деятельности. Например, Максим Галкин использовал следующую цепочку хэштегов #конструктор, #игрушки, которые относятся к тематической группе «хобби» при публикации фотографии, где он играет с сыном, в другой публикации Максим употребил хэштег #КупиНаАли, который в

свою очередь относиться к тематической группе «реклама» в целях повышения продаж на AliExpress.

Динамика употребления тематических групп представлена в Диаграмме «Частота использования тематических групп хэштеговых конструкций».

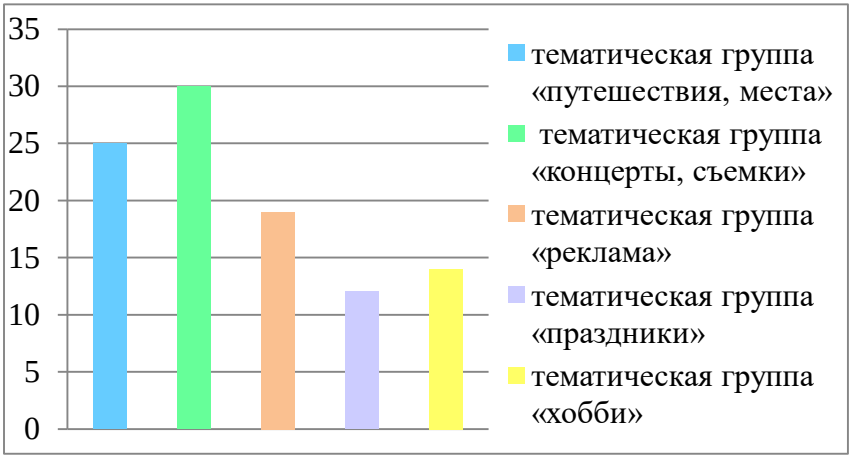


Диаграмма – Частота использования тематических групп хэштеговых конструкций

С точки зрения функции, выполняемой в тексте, можно выделить следующие группы хэштегов.

Во-первых, хэштеги-геопозиции. К ним относятся метки различных мест, которые сопровождают публикации. Встречаются хэштеги, передающие точное название местности (например, #москва, #казань). Цель их постановки - показать, где сделана фотография. Другой разновидностью являются хэштеги «обобщающего» значения, такие как: #ОсторожноСобчак, #ВечернийУргант, #гумкаток2020, #ШАХМАТЫ и др. Цель их использования − выделение места, с которым связаны какие-либо эмоции или воспоминания. На эмоциональном фоне происходит объединение людей по интересам и общение. Можно отметить, что данная группа имеет самую высокую частоту использования – 30 %.

Вторая группа – это хэштеги-девизы. Данные хэштеги могут показывать жизненные ценности пользователей или

отражать их настроение (#людиневерили, #моилюдивсегдасомной, #спортжизнь, #всяжизньвпереди). Чаще всего такие хэштеги представляют собой словосочетания или предложения. Например, хэштег #ялюблютебядослез обозначает, что пользователь любит свою дорогую жену.

Третья группа – хэштеги-самопрезентации. Для подчеркивания своих достоинств или выделения качеств виртуальной языковой личности участники используют множество тактик самопрезентации, реализуемых посредством хэштегов. Цель хэштегирования в подобных публикациях – показать себя с выгодной стороны или же донести другим людям свою точку зрения на определенные события. Особой популярностью в последнее время пользуются уникальные хэштеги-презентации. Они являются своеобразным брендом, созданным для того, чтобы выделить человека или событие среди подобных. Например: «Уроки мудрости от мамы <…> #мама #сестра #мудрость» Пользователи придумывают оригинальный хэштег, под которым делаются публикации, связанные, к примеру, с их детьми, для того чтобы выделить своего ребенка среди детей тысяч «инста-мам». Часто используются словосочетания имени и отчества или ласковое обращение: #гарригалки, #елизаветагалкина, #дети. Кроме того, можно встретить хэштеги, построенные на основе метафоры по сходству. Например: «Когда ты без укладки и макияжа, страшная, но счастливая слушаешь «Технологию» #женщинаколтун».

Четвертая группа – хэштеги-размышления. В нее включаются публикации с хэштегами, передающими, во-первых, эмоции и чувства (например, #ялюблюсвоихдрузей, #всебудетхорошо). Во-вторых, хэштеги, выражающие философские мысли (например, #вжизниразбывает65, #людименяются). А также наблюдения (#вотилетопришло, #летамало), пожелания (#живитекрасиво, #тренируйсвоюмудрость), риторические размышления (#чтоещенужнодлясчастья), ощущения (#любимыезрители, #просторад) и др.

Пятую группу составляют хэштеги-отклики. К ним относятся хэштеги, включающие одно-два слова и являющиеся

меткой какого-либо события, происшествия или катастрофы. Хэштеги-отклики не требуют дополнительных разъяснений. Пользователи интуитивно понимают все то многообразие значений, которое вкладывается в данный хэштег. Очень часто публикации подобного рода содержат фотографию (как реальную, так и картинку-символ), минимальную подпись (например, «Нет слов» / «Мы с вами» и т. п.) и хэштег. Такой креолизованный текст обретает смысл именно благодаря хэштегу. Так, например, картинка с бело-красно-белым оттенком и подпись к ней «Жыве» может подойти к реакции на любое происшествие, поэтому пользователи дополняют их хэштегами, помогающими понять, о чем идет речь. Например, фразы «Выборы2020», «ЖывеБеларусь», обрамленные символом решетки, заменяют множество слов сочувствия и поддержки.

Наконец, в отдельную группу можно выделить хэштеги-цитаты. Это изречения известных людей, строчки из популярных песен или фильмов, рекламы, цитаты из литературных произведений и популярных Интернет-мемов. Например, #jetaime, #евровидение, #дмитрийхворостовский, #ОсторожноСобчак, #ялюблютебядослез, #ГолубаяЛуна. Хэштеги-цитаты могут составлять самостоятельную подпись к личной фотографии пользователя, так или иначе ассоциирующейся с темой поста. Известные изречения помогают виртуальной языковой личности быть в тренде, украшать свои публикации, искать единомышленников [Патрушева 2018].

В ходе нашего исследования, анализируя функциональный потенциал хэштеговых конструкций в социальной сети, мы выявили следующую динамику употребления хэштегов: самая высокая частота употребления хэштеги-геопозиции – 30 %, хэштеги-девизы – 21 %, хэштеги-размышления – 14 %, хэштеги-цитаты – 13 %, хэштеги-отклики – 12 %, самая низкая частота использования составили хэштеги-самопрезентации – 10 %.

Заключение

Таким образом, поставленная нами цель исследования достигнута. Результаты анализа свидетельствуют о том, что оформление профилей в большей степени нацелено на тщательный отбор хэштеговых конструкций при создании и

употреблении в тексте. Это проявляется в использовании различных тематических групп (путешествия, музыка, праздники, спорт, мода и косметика, цитаты, реклама и др.), функций, выполняемых в тексте (хэштеги-геопозиции, хэштеги-девизы, хэштеги-самопрезентации, хэштеги-размышления, хэштеги-отклики, хэштеги-цитаты) при публикации записей.

Представленность элементов тематических групп в лексической организации публичных страниц новостной тематики характеризуется следующими показателями: тематическая группа «путешествия, места» – 25 %, тематическая группа «концерты, съемки» – 30 %, тематическая группа «реклама» – 19 %, тематическая группа «праздники» – 12 %, тематическая группа «хобби» 14 %. Выбор тематической группы зачастую зависит от фотографии публикации и от сферы интересов и деятельности. В нашем случае, основными двумя группами являются хэштеговые конструкции тематики «концерты, сьемки» и «путешествия, места».

Частота употребления функционального потенциала хэштеговых конструкций выглядит следующим образом: хэштеги-геопозиции – 30 %, хэштеги-девизы – 21 %, хэштеги-самопрезентации – 10 %, хэштеги-размышления – 14 %, хэштеги-отклики – 12 %, хэштеги-цитаты – 13 %.

Использование функционального потенциала хэштеговых конструкций зависит от цели адресанта. Основными являются две функции: хэштеги-геопозиции, которые используются с целью выделения места, с которым связаны какие-либо эмоции или воспоминания; хэштеги-девизы, которые направлены на демонстрацию жизненных ценностей или настроения артистов.

Результаты анализа использования хэштеговых конструкций в публикациях, в социальной сети Instagram могут найти применение в любой сфере деятельности, они могут быть полезны как в повседневной жизни, так и в трудовой деятельности. Но при этом, хэштеги остаются самым полезным инструментом для SMM–специалиста или маркетолога. Выбрав правильные теги, можно привлечь внимание широкой аудитории и потенциальных клиентов, также повысить популярность за счет лайков и подписок.

Литература

1. Лутовинова, О. В. Языковая игра в интернет-коммуникации / О. В. Лутовинова // Изв. ВГПУ. – 2015. – № 2. – С. 104–111.
2. Патрушева, Л. С. Хештегирование как новый коммуникативный процесс / Л. С. Патрушева // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. «История и филология». – Ижевск, 2018. –Т. 28, №3. – С. 471–475.
3. Kemp, S. Digital in 2018: world's internet users pass the 4 billion mark [Electronic resource] // We Are Social. – URL: https://wearesocial.com/uk/blog/2018/01/global-digital-report-2018/ (Date of access: 17.09.2021).

References

1. Lutovinova, O. V. Language game in Internet communications / O. V. Lutovinova // Izv. VGPU. – 2015. – № 2. – S. 104–111.
2. Patrusheva, L. S. Hashtagging as a new communication process / L. S. Patrusheva // Vestn. Udmurt. un-ta. Ser. «Istorija i filologija». – Izhevsk, 2018. –T. 28, №3. – S. 471–475.
3. Kemp, S. Digital in 2018: world's internet users pass the 4 billion mark [Electronic resource] // We Are Social. – URL: https://wearesocial.com/uk/blog/2018/01/global-digital-report-2018/ (Date of access: 17.09.2021).

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ.

УДК 811.134.2

Карповская Наталья Валерьевна
Natalia Karpovskaya
Давтянц Ирина Игоревна
Irina Davtyants

Формирование образа «чужого» в контексте проблематики международной миграции: когнитивно-прагматический потенциал лексических единиц (на материале СМИ Мексики)

Image of “The Other/Alien” in the context of international migration: cognitive-pragmatic potential of lexical items (based on the mass media of Mexico)

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию специфики формирования образа «чужого» в контексте проблематики международной миграции, представляющей собой один из глобальных вызовов современного мира. Актуальность работы обусловлена как необходимостью изучения вопросов, непосредственно связанных с проблемами миграции, так и важностью определения той роли, которую играют в осмыслении и восприятии данного явления средства массовой информации. Материалом исследования послужили СМИ, пользовательский контент и социальные сети Мексики, отражающие неоднозначное отношение мексиканцев к потоку мигрантов из США, представляющему собой новый вид миграции, с которым столкнулась Мексика в последние два года из-за антиковидных ограничений. Цель исследования заключается в выявлении когнитивно-прагматического потенциала (КПП) лексических прагматических маркеров, позволяющих авторам статей, комментариев и постов не только точнее передать восприятие ими тех или иных явлений и событий, но и добиться определенного прагматического эффекта воздействия на реципиентов в плане формирования общественного мнения по отношению к тому, о чем говорится в сообщении. Для достижения поставленной цели предлагается авторский подход к анализу исследуемых единиц, определяются те аспекты, на которые следует обратить особое внимание. Анализ фактологического материала, осуществленный в рамках данного исследования, позволяет сделать вывод о том, что выявление прагматических маркеров и раскрытие их КПП способствует определению путей и средств формирования образа чужого в национальном сознании, а также раскрытию наиболее значимых и наиболее проблемных аспектов жизни общества и определению индекса его социальной напряженности.*

Abstract. *This article considers the analysis of the specifics of the image of "the Other/Alien" in the context of the problems of international migration - one of the global challenges of the modern world. The relevance of the work is due to both the need to study issues directly related to the problems of migration, and the importance of estimating mass media factor in understanding and view of this phenomenon. The research is focused on the mass media articles, user content and social networks of Mexico which reflect the ambiguous attitude of*

Mexicans to the flow of migrants from the United States - a new type of migration that Mexico has faced in the last two years due to anti-covid restrictions. The aim of the study is to identify the cognitive-pragmatic potential (CPP) of lexical pragmatic markers that allow authors of articles, comments and posts not only to accurately express their perception of certain phenomena and events, but also to achieve a certain pragmatic effect of influencing recipients. Thus, shaping public opinion about what is said in the message. To achieve this goal the author-developed approach to the analysis of the studied units is proposed, and the aspects that should be paid special attention to are determined. The study of the findings leads to the conclusion that the identification of pragmatic markers and the consideration of their CPP contributes to the better understanding of the ways and means of shaping the image of an alien in the national consciousness, as well as the revelation of the most significant and most problematic aspects of society life and the estimation of the index of social tension.

Ключевые слова: *миграция, свой-чужой, когнитивно-прагматический потенциал, лексические прагматические маркеры*

Key words: *migration, opposition "own-alien", cognitive-pragmatic potential, lexical pragmatic markers, lexical pragmatic indicators*

Введение

Среди глобальных вызовов современного мира особое внимание исследователей различных областей социально-гуманитарного знания привлекает к себе проблема миграции, которая в свете событий последних лет стала как никогда острой и приобрела новые специфические черты. К регионам, где данная ситуация приняла хронический характер, относится и Латинская Америка. Большой поток нелегальных мигрантов из Центральной и Южной Америки, вынужденных покинуть свои страны из-за экономических и политических проблем, стал причиной кризиса на границе между Мексикой и США, что находит широкое отражение как на страницах СМИ, так и в материале пользовательского контента. При этом, если направление потока мигрантов в США стало уже довольно привычным для обеих сторон, то новый вид миграции, с которым столкнулась Мексика в последние два года, появился во многом благодаря антиковидным ограничениям, введенным в различных странах, в частности, в США. Именно эти ограничения определили переход специалистов отдельных сфер деятельности на дистанционную форму работы, позволив им выполнять свой функционал из любой точки мира, и придали импульс беспрецедентной по своим масштабам миграции граждан США в Мексику.

Проблему усугубили поднявшиеся цены на рынке недвижимости в США и чрезвычайно высокие расходы на

медицинские услуги, электроэнергию и предметы первой необходимости. Все больше американцев, прежде всего пенсионеров и IT специалистов, переезжают на постоянное место жительства или на некоторое время в менее дорогую, по их мнению, соседнюю страну. В Мексике они могут позволить себе снять или купить большую квартиру, дом, проживать в фешенебельном районе, ходить в лучшие рестораны, наслаждаясь более мягким климатом и многочисленными пляжами. Многие из них сначала приезжают в качестве туристов, но в итоге принимают решение остаться навсегда, как правило, без оформления соответствующих документов, нелегально, чему во многом способствует ситуация с возможностью проживания в стране до 6 месяцев без получения визы. С одной стороны, такой приток обеспеченных, по меркам Мексики, иностранцев, а вместе с ними и столь ценной валюты, несомненно, способствует развитию экономики страны, однако, с другой стороны, этот процесс провоцирует стремительный рост цен в отдельных регионах страны, главным образом в столице и на курортах.

Неоднозначное отношение мексиканцев к такому потоку «чужаков» с Севера активно обсуждается в СМИ и в социальных сетях, где с высокой частотностью используется эмоционально-оценочная лексика, обладающая высоким когнитивно-прагматическим потенциалом (далее по тексту КПП), позволяющим автору статьи газеты, журнала и пользователю чата полнее передать восприятие ими тех или иных явлений и событий. Реализация КПП указанных языковых единиц, нередко выступающих в роли лексических прагматических маркеров (далее – ЛПМ), способствует и формированию у реципиентов соответствующего отношения к тому, о чем говорится в сообщении.

Понятие лексических прагматических маркеров и методология выявления их когнитивно-прагматического потенциала

В последние годы к исследованию прагматических маркеров обращаются многие отечественные и зарубежные ученые, что связано с пониманием той роли, которую играет выбор лексических единиц в передаче намерений говорящего и в достижении эффекта воздействия на реципиента. Однако, как

справедливо указывает П. Фурко, у современных авторов данное понятие трактуется по-разному, выступая обобщающим для широкого ряда лингвистических единиц [Furko, 2017: 2]. Например, Д. Шиффрин, Е.Ю. Викторова, О.В. Обвинцева и др. рассматривают их в качестве дискурсивных маркеров, выполняющих в тексте организационные и регулятивные функции. В то же время, целям настоящей работы в большей мере отвечает иной подход, в котором акцент делается на том, что ЛПМ эксплицируют отношение говорящего к тому, о чем идет речь [Горло, 2013; Мурашова, 2015]. Будучи «прагмемами, обладающими высоким прагматическим потенциалом», данные маркеры, по мнению И.И. Давтянц, «призваны маркировать фокус высказывания», способствуя «достижению определенного прагматического эффекта» [Давтянц, 2022: 67]. Стоит отметить, что функционирование ЛПМ в речи часто характеризуется появлением различных имплицитных смыслов, понимание которых без контекста и знания национального культурного кода значительно затруднено.

С целью определения той роли, которую играют ЛПМ в том или ином высказывании, а также для выявления их КПП, предлагается опираться на подход, разработанный авторами настоящей статьи к исследованию лексических маркеров конфликтогенности [Карповская, Абкадырова, Давтянц, 2022: 14-25], обращая в процессе анализа особое внимание на следующие аспекты:

– участников коммуникации (как сферу адресанта – отправителя высказывания, так и сферу адресата – интерпретатора высказывания);

– интерперсональную сферу (отношения между коммуникантами; мотивы, цели, ценности, стратегии; форму общения);

– контекстуальную сферу (ситуацию общения, национальную специфику; условия взаимодействия: среду, предполагаемые фоновые знания и др.);

– психологические особенности и эмоциональное состояние коммуникантов (эмоционально-оценочную окраску ЛПМ; коннотации и имлицитные смыслы; способы взаимодействия: стиль, тональность, модальность);

– частотность использования ЛПМ в тексте и их градуируемость («степень выраженности признака, качества, состояния и т.д., то есть определение того насколько выше-ниже нормы маркер будет находится на коллективно-субъективной шкале.... За ординарное на этой шкале, как правило, принимается коллективно-субъективное представление о нейтральном, исходном, обычном») [там же: 19].

При исследовании КПП языковых единиц представляется целесообразным исходить из понимания данного феномена как возможности «актуализации в речи наряду с категориальными значениями, присущими языковым единицам как элементам языковой системы и языковой картины мира, тех импликатур, которые могут проявиться при взаимодействии языка с речевой средой», способствуя «не только формированию того или иного восприятия, осмысления, познания действительности, но и достижению определенного прагматического эффекта» [Карповская, 2015: с. 499].

Бинарная семантическая оппозиция *«свой–чужой»* в контексте границы между Мексикой и США

ЛПМ, активно функционирующие в статьях мексиканских СМИ, посвященных проблемам миграции, в полной мере способствуют созданию образа «чужого» в сознании жителей Мексики, что видится вполне закономерным и не вызывает удивления. Когда два народа живут бок о бок (а в случае с Мексикой и США общая граница составляет более 3000 км), неизбежно возникает вопрос о национальной идентичности в контексте бинарной семантической оппозиции «свой–чужой». В этой связи особый интерес представляет работа Клаудио Ломнитца, антрополога, профессора Колумбийского университета (США), *"Please don't feed the gringos: the Us-Mexico divide"*, опубликованная в журнале *«Literal: Voces latinoamericanas»*, где отношения между Мексикой и США сравниваются с отношениями между известными мультипликационными персонажами: Томом и Джери, где Том – это власти США, пытающиеся на границе поймать юркого и изобретательного Джери (мексиканских мигрантов): *«El pobre gatito frustrado se fue a comprar una doble barda marca ACME, con*

todo y torres con sensores, para que ya no lo burlen los ratones. Una misión imposible.» [Lomnitz, 2017: URL]

Используемые в статье ЛПМ не оставляют сомнений в том, что К. Ломнитц симпатизирует именно мышонку, который не боится кота, потратившего значительную сумму денег на возведение пограничной стены для защиты от непрошенных гостей, т.е. мышей *(ratones)*. В приведенном выше фрагменте автор подчеркивает, что это не просто стена: она двойная *(una doble barda)*, с башнями и датчиками движения *(con todo y torres con sensores)*.

Примечательны и другие маркеры данного отрывка, КПП которых способствует реализации прагматической установки адресанта. Так, использование лексемы *gato* (кот) с суффиксом субъективной оценки *(-ito)* помогает придать высказыванию эмоциональную, нарочито сочувствующую окраску, за которой имплицитно проявляется саркастическое отношение к «большому коту» на фоне такого маленького животного, как мышонок *(un animal más pequeñito),* о чем идет речь выше по тексту. Передаче авторского отношения к построенной стене и действиям США на границе, а также усилению саркастического оттенка высказывания способствует и препозиция прилагательного *pobre*, которое в положении перед существительным как правило означает «бедный» в значении «несчастный». Однако связь переносного значения слова с его прямым значением (бедный, т.е. бедняк) углубляет иронию в отношении богатой мировой державы. Что касается интенсификата *frustrado*, то характеристика кота как *неудачника* усиливает не только степень негативной характеристики действий могущественного соседа латиноамериканских стран, но и придает особую окраску его осуждению, т.к. все его действия бесполезны. Мысль о бесполезности любых преград подчеркивается и используемым в конце абзаца кратким назывным предложением *«Una misión imposible»*, содержащим аллюзию на американский шпионский боевик 1996 года «Mission: Impossible» режиссера Брайана де Пальма, что также передает веру ученого в силу характера мексиканцев.

Развивая свою мысль о различиях между мексиканской культурой и культурой англоговорящих стран, которая является

чужой для местного населения, профессор К. Ломнитц использует субстантивированные прилагательные *mexicano* и *anglo*, которые выступают в данном случае в роли ЛПМ и несут дополнительные имплицитные смыслы, раскрытию которых способствует другой маркер *la frontera racial* – расовая граница (граница между расами), ср.: *«…cerca de* ***la frontera racial*** *entre* ***lo mexicano y lo anglo****…»* [там же]. При таком окружении *мексиканское* начинает восприниматься как *латиноамериканское*, противостоящее англоязычному миру, т.к. метафора *la frontera racial* призвана подчеркнуть не национальные, а именно расовые различия. Следует отметить, что под *lo anglo* подразумевается как культура жителей США, их обычаи и мировоззрение, так и английский язык.

Интересно, что само название работы *"Please don't feed the gringos: the US –Mexico divide"* изначально ориентирует читателей на негативное отношение к *чужакам американцам*. Опубликованная в двух версиях статья (на английском и на испанском языках) имеет только одно английское название, в котором сразу привлекает к себе внимание характерное мексиканское слово *gringo*, использующееся в разговорной речи мексиканцев по отношению к неносителям испанского языка – иностранцам, чужакам с белой кожей, но прежде всего именно к жителям США, ср.: *«adj. coloq. Extranjero, especialmente de habla inglesa, y en general hablante de una lengua que no sea la española»* [RAE: URL].

Анализ реализации КПП лексических единиц, используемых мексиканцами для обозначения иностранцев

Стоит заметить, что в словаре Королевской академии испанского языка (RAE) не указывается на негативное значение данного слова. Однако оно, как правило, используется в речи мексиканцев именно с уничижительным оттенком, ср.: 1. *Así son los "****gringos****" que viven en México*[1]

2. *…los* ***gringos*** *que viajan y estan abiertos a otras culturas que no sean la suya son una* ***minoría****…*[2]

[1] https://laopinion.com/2016/08/05/asi-son-los-gringos-que-viven-en-mexico/

[2] https://www.reddit.com/r/mexico/comments/2j6ard/que_opinan_los_gringos_de_nosotros_realmente/

3. *Los **gringos** del sur son **cabrones**.*[1]

Первое из приведенных выше высказываний нечто иное как название публикации в газете *«La Opinión»,* сформулированное таким образом, что читатель сразу понимает: *гринго* – они «такие», они чужаки в Мексике, и ничего хорошего от них ждать не приходится. Что же касается двух других цитат, приведенных из чатов, на которых мексиканцы обсуждают североамериканцев, то в первом случае участник чата указывает на то, что лишь очень небольшое число *гринго* открыты восприятию других культур, а в последнем содержится оскорбительная характеристика представителей США, живущих на Юге.

Как показывает анализ фактологического материала, ЛПМ *gringo*, будучи культурно-специфичной национально-окрашенной лексемой, отражающей отношение мексиканцев к представителям чуждой им североамериканской культуры, активно реализует свой высокий КПП в речи, маркируя фокус высказывания и внося в него различные негативные коннотации и имплицитные смыслы. Подобную роль в процессе коммуникации, но при обозначении канадцев, играет ЛПМ *canuck*, ср.:

*Todos los **gringos** y **Canucks** están tomando las mejores areas de México…*[2]

Данная лексема заимствована из английского языка. В толковом Оксфордском словаре ей дается следующее определение: *«…a person from Canada, especially somebody whose first language is French (This term can be considered offensive)»* [Oxford Learner's dictionaries: URL]. В то же время, указанная единица не зафиксирована в RAE, а частотность ее реализации значительно ниже, чем у *gringo*. Для обозначения иностранцев мексиканцы используют и другие маркеры. В частности, при желании подчеркнуть их чуждость и инородность, вместо нейтрального и широко употребительного прилагательного *extranjero* в их речи появляется *foráneo*:

[1]https://www.reddit.com/r/mexico/comments/2j24w0/qu%C3%A9_opinan_los_mexicanos_en_m%C3%A9xico_de_los/

[2] https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_gringos/

...lo que hace que sitios como Ciudad de México sean atractivos para los ***foráneos***[1]

Согласно RAE данная лексическая единица обозначает не только *forastero* (рус.: пришлый, приезжий, поселенец, чужеземец, чужак), но и *extraño* (рус.: странный, инородный, чуждый) [RAE: URL], что и определило особенности ее использования: скорее в контексте отношения адресанта к *иному, другому,* чем к *враждебному* или *вызывающему негативные эмоции*.

Ряд отрицательных смыслов и коннотаций характерен и для ЛПМ *pocho:*

1. *En Tijuana ya tenemos ese problema, debido a la pandemia muchos* ***gringos*** *y* ***pochos*** *se vinieron a Tijuana a vivir…*[2]

2. *…Y muchos de nosotros odiamos llamarnos "Mexican-American" preferimos "Mexican". Pero no somos mexicanos, para ustedes de este foro es ovio eso pero para los* ***pochos*** *no. ... hablamos Spanglish ... las invitaciones son en español pero los chavos no las saben leerlas.*[3]

Данный маркер передает отношение мексиканцев к чужакам особого типа: соотечественникам, которые жили в США, переняли американский образ жизни, а потом вернулись в Мексику: *«adj.Méx. Dicho de un mexicano: Que adopta costumbres o modales de los estadounidenses.»* [RAE: URL] Иногда он относится и к тем, кто продолжает жить в США. Если обратиться к другим значениям этого слова, то становится очевидным, что все они связаны с отрицательным отношением к чему-либо: *«1. adj. Dicho de un alimento, especialmente de la fruta: Podrida o dañada. 2. adj. coloq. Dicho de una persona: Que no se encuentra bien de salud. 3. adj. Marchito o ajado. U. t. en sent. fig.»* [RAE: URL], что способствует появлению различных коннотаций и имплицитных смыслов в процессе коммуникации. При этом среди самых активных импликатур, появляющихся при реализации КПП этого маркера в речи – намек на плохое владение испанским языком и использование Spanglish, что

[1] https://www.nytimes.com/es/2021/01/03/espanol/america-latina/mexico-coronavirus-viajes.html

[2] https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_gringos/

[3] https://www.reddit.com/r/mexico/comments/8sy88g/pensamientos_de_un_pocho/

воспринимается как смена культурного кода, указывающая на чужака.

Почти с такой же частотностью, как лексема gringo, в соцсетях используется имя *Karen* (Ка́рен**)**. Так презрительно называют определенный тип белой женщины, американки, которая злоупотребляет своими привилегиями и вызывает раздражение. Интересен тот факт, что если в середине прошлого века имя Карен было одним из самых популярных в США, то сегодня всё говорит о том, что скоро оно может совсем исчезнуть из-за того негативного образа, который за ним закрепился. Несмотря на то, что этот стереотип трудно признать новым, пандемия и политика Трампа вернули его в широкое употребление. В настоящее время ЛПМ *Karen* используется мексиканскими участниками чатов тогда, когда речь идет о женщинах сторонницах идеологии Трампа, при описании правления которого в мексиканских СМИ с высокой частотностью используются такие слова, как *racismo, presión, peligro, odio, xenofobia* и др.:

En Tijuana hay una cantidad inmensa de ***Karen's y trumpistas****, con todo y sus ideologías* ***pendejas****…*[1]

Помимо *Karen* и *trumpistas,* обладающих высоким КПП, способствующим передаче отношения отправителя речи к тем, о ком идет речь, в данном фрагменте для характеристики их идеологии используется еще один эмоционально окрашенный прагматический маркер – прилагательное *pendejo: «adj. coloq. Tonto, estúpido»* [RAE: URL]. Следует отметить, что он активно реализуется в чатах мексиканцев в отношении любых чужаков, что нередко приводит к понижению тональности высказывания.

Помимо языковых единиц, обладающих высоким КПП, в соцсетях и прессе для обозначения граждан США, проживающих в Мексике, используются вполне нейтральные и политкорректные, которые не относятся к ЛПМ, среди них: *estadounidenses, visitantes estadounidenses, migrantes estadounidenses, ciudadanos de EEUU, norteamericanos, americanos, extranjeros*. Однако, в определенных контекстах они

[1] https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_gringos/

могут реализовывать всевозможные имплицитные смыслы. Например, о принципиальном различии подходов к понятиям *estadounidenses* и *americanos*, говорят следующие посты:

– *Si nacieron en EU son **americanos**, no mexicanos.*

– ***Estadounidenses**.*[1]

С помощью противопоставления ЛПМ *estadounidenses* и *americanos* автор поста проводит мысль о том, что нельзя жителей США позиционировать как американцев, имплицитно реализуя идею о том, что лексема *американцы* применительна только к коренным народам Америки.

Роль лексических маркеров в свете освещения проблем, связанных с миграцией жителей США в Мексику

В мексиканских СМИ и социальных сетях образ *чужого* находит свое выражение и через призму различных проблем, касающихся миграции северных соседей в их страну, среди которых по частотности обращения можно выделить следующие: рост цен, жилищная сфера, угроза национальной идентичности, отношение к мигрантам в США и Мексике и другие. В настоящей работе остановимся на трех из них, исходя из степени активности их обсуждения.

1. Рост цен

Последствия американизации сильно сказываются на жизни обычных мексиканцев. Среди положительных выделяются, как правило, улучшение инфраструктуры и вливание денег в развитие местного туристического бизнеса. При этом обычно используются достаточно нейтральные лексические единицы, с невысокой степенью проявленности положительного признака/оценки, что говорит об отсутствии сильных эмоций по данному поводу, скорее удовлетворение данным фактом, как должным. Например:

*Estos son dólares para la economía Mexicana…**Es un positivo**!*[2]

Широкое распространение и оживленное обсуждение в мексиканских СМИ получила другая идея: о том, что восприятие иностранцами, в частности, гражданами США, Мексики как

[1]https://www.reddit.com/r/mexico/comments/2j24w0/qu%C3%A9_opinan_los_mexicanos_en_m%C3%A9xico_de_los/

[2] https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_gringos/

страны, где все очень дешево, не соответствует действительности: *«…una urbe* ***barata para ojos extranjeros****…»*[1] По крайне мере, она не является таковой для самих мексиканцев. Интересно, что данные посты, как правило, содержат *#mexicoissocheap* и критикуют потребительский подход, которому следуют люди, имеющие много денег, т.е. иностранцы – *un público específico*, которые не задумываются о последствиях своей готовности платить за все втридорога. В этой связи стоит упомянуть о том резонансе, который произвел в мексиканском обществе, казалось бы, невинный твит, опубликованный одним из американцев в июле 2022 года: *«Hazte un favor y trabaja a distancia en Ciudad de México, es realmente mágico.»* – «Сделайте себе одолжение и работайте удаленно в Мехико, это действительно волшебно» (перевод наш).[2]

Он получил множество комментариев, где один из самых нейтральных ответов гласит: *«Por favor, no lo hagas… Esta ciudad es cada día* ***más cara*** *en parte* ***por gente como tú****, y no te das cuenta* ***ni te importa****»* [там же] – «Пожалуйста, не делай этого… Этот город с каждым днем становится все **более дорогим** из-за **таких людей**, **как ты**, а ты даже этого не понимаешь, и **тебе все равно**» (перевод наш). А чуть позже в некоторых районах столицы Мексики появились листовки на английском: *«New to the city? Working remotely? You're a f*cking plague and locals f*cking hate you. Leave»* [там же], так как они были адресованы тем, для кого Мексика – это лишь курорт, для пребывания на котором не нужно даже учить язык. И это несправедливо, считают мексиканцы, ср.: *«Es* ***injusto****», dijo. «Si vamos a Estados Unidos, se espera que hablemos inglés»*[3].

2. Жилищная проблема

Одной из крупнейших проблем, которая тесно связана с ростом цен, является высокая стоимость жилья. Из-за того, что приезжие граждане США обладают более высокой

[1] https://www.infobae.com/america/mexico/2022/02/17/que-es-la-gentrificacion-y-por-que-provoco-un-debate-sobre-las-colonias-roma-y-condesa/

[2] https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando

[3] https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando

покупательской способностью, коренные жители этих мест вынуждены покидать свои дома и переезжать на окраину города, так как не могут платить столько, сколько готовы платить приезжие иностранцы. К наиболее частотным прагматическим маркерам при описании цен на недвижимость относится *increíble* (немыслимый, невообразимый), который имеет яркую эмоциональную окраску и высокую степень проявленности признака, указывающую на эмоциональное состояние отправителя речи. Рассмотрим следующий пост: *«**Nuestros hogares**… ahora albergan a **nómadas digitales**…»*[1]

ЛПМ *hogar*, обладает высоким прагматическим потенциалом, передавая отношение мексиканцев к своему дому: для них это семейный очаг, который они вынуждены покинуть. Согласно RAE лексема *hogar* означает: *«Familia, grupo de personas emparentadas que viven juntas»* [RAE: URL]. Но для *nómadas digitales – цифровых кочевников* (так называют в Мексике IT специалистов, которые приезжают в страну на какое-то время) эти дома не представляют никакой ценности. КПП маркера *nómadas digitales* позволяет передать безразличие новых хозяев к тому, что их окружает. Они живут в своем мире, здесь они всего лишь потребители, они кочевники, а ведь эти дома дают им приют (*albergan*), чужие очаги (*hogares*) дают им тепло. ЛПМ *nuestros* (наши) призван ввести импликатуру, указывающую на захватнический характер того, что происходит, т.к. истинные хозяева этих мест вынуждены их покинуть.

Последствия упомянутого вида миграции нашло специфическое отражение в языке. Все чаще для описания происходящего используется новый термин ***gentrificación***: *«Urb. Proceso de renovación de una zona urbana, generalmente popular o deteriorada, que implica el desplazamiento de su población original por parte de otra de un mayor poder adquisitivo»* [RAE: URL], который означает процесс обновления городского района, как правило, популярного или находящегося в упадке, через вытеснение его первоначального населения другим с более высокой покупательной способностью. При описании данной

[1] https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando

проблемы с высокой частотностью используются интенсификаты: *lamentablemente, mucho más caro, el grave problema, en la boca de todos, etc.*, подчеркивающие безысходность, в которой оказывается коренное население страны.

Представляет интерес и высокочастотный ЛПМ ***burbujas inmobiliarias***. Именно так называют агентства недвижимости, которые специально раздувают цены при продаже или сдаче в аренду жилплощади обеспеченным иностранцам:
*…la Ciudad de México se han generado "**burbujas inmobiliarias**", mismas que han provocado que los costos sigan aumentado por encima del valor y la inflación, dicho en otras palabras, que los precios sean superiores -más allá de la plusvalía- a su valor real*[1].

Цены не имеют никакого отношения к реальной стоимости и в этом виноваты иностранцы, чужие, делают вывод читатели. На специфику реализации КПП данной единицы, как и на ее восприятие, безусловно влияет прямое значение слова *burbuja* (пузырь): *«Glóbulo de aire u otro gas que se forma en el interior de algún líquido y sale a la superficie»* RAE [RAE: URL].

3. Угроза национальной идентичности

Граждан США, постоянно проживающих в Мексике, уже так много, что они образуют целые конклавы, эта ситуация сравнивается в СМИ с империалистическим захватом. Этот процесс сопровождается тем, что английский язык в некоторых регионах Мексики, и особенно в столице, начинает вытеснять испанский: *«…es **una locura** llegar a lugares y ya **no encontrar mexicanos**… **el inglés** se convierta en **el idioma oficial** de ciertas **colonias**…»*[2]

Американцы не только претендуют на земли Мексики, пишут пользователи в своих комментариях, они унижают ее народ на его собственной земле: *«…veo a más y más **extranjeros pendejos**, pero ya se viene con ganas la **invasión**. Los youtuberos, y los tiktokeros fomentan esas mamadas y no tardan en llegar las*

[1] https://www.infobae.com/america/mexico/2022/02/08/de-6-mil-a-90-mil-pesos-como-los-altos-costos-de-las-rentas-reflejan-la-desigualdad-en-cdmx/

[2] https://www.infobae.com/america/mexico/2022/06/07/el-mensaje-sobre-los-extranjeros-en-la-colonia-roma-que-desato-un-debate-en-tiktok/

***pinches Karens** a **humillarnos en nuestras propias tierras**»*[1] Касаясь данной проблематики, авторы постов в социальных сетях прибегают к лексемам, обладающим высоким КПП за счет того, что они напрямую связаны с прошлым Мексики как колонии: *colonia, imperialism, invasión, etc.* Эти ЛПМ наряду с возмущением людей передают и их намерение отстоять свою национальную идентичность: *«la movilidad de la era tecnológica, y que está obligando a México a **enfrentarse** a **su propia** historia y a **su identidad**»*[2]

Эмоциональная насыщенность ЛПМ, тональность высказываний, использование лексических ресурсов, относящихся как к высокому, так и к низкому стилю речи, их высокий КПП, способствуют не только реализации прагматической установки авторов на неприятие данной ситуации, но и обнажает их усталость, страхи и безысходность, провоцируя на все более резкие высказывания по отношению к «чужакам». Неслучайно, при указании на число американцев, приезжающих в Мексику, в пользовательском контенте чаще всего используется лексема *avalancha*, ибо *снежная лавина* сносит все на своем пути.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, следует признать, что в современных СМИ Мексики и в мексиканских социальных сетях широко представлены языковые единицы, представляющие собой ЛПМ социальной напряженности, реализация КПП которых способствует созданию негативного образа «чужого», а именно богатого американца, который может купить ваш дом, землю ваших предков, уничтожить ваш язык и разрушить национальную идентичность вашего народа.

Выявление, систематизация и анализ указанных ЛПМ может способствовать установлению путей и средств формирования образа *чужого* в национальном сознании, а также определению индекса социальной напряженности и раскрытию

[1] https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_gringos/

[2] https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando

наиболее значимых и наиболее проблемных аспектов жизни социума.

Литература

1. Викторова Е.Ю. Дискурсивы в зарубежной лингвистике // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – Вып. 3. – С. 1-10.
2. Горло Е. А. К вопросу о лексических прагматических маркерах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 75-78.
3. Давтянц И.И. Конфликтный текст и его особенности на примере предвыборных агитационных речей Д. Трампа (весна 2022) // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – Ростов-на-Дону, 2022. №1 (2). – 202 с. – с. 66-69.
4. Карповская Н. В. Когнитивно-прагматический потенциал интенсификатов в свете процесса метафоризации (переводческий аспект проблемы) // Древняя и Новая Романия. – СПбГУ, 2015. – № 16. – С. 497–506.
5. Карповская Н. В., Абкадырова И. Р., Давтянц И. И. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтогенности и их когнитивнопрагматическом потенциале // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – Ростов-на-Дону, 2022. №1 (2). – 202 с. – с. 14-25.
6. Мурашова Е. А. Лексические прагматические маркеры темпорального позиционирования // Язык и культура. 2015. №2 (30). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-pragmaticheskie-markery-temporalnogo-pozitsionirovaniya (дата обращения: 25.11.2022)
7. Обвинцева О. В. Прагматические маркеры в англоязычном предвыборном дискурсе (на примере выступлений кандидатов на пост лидера Консервативной партии Великобритании) / О. В. Обвинцева, Д. В. Питолин, Т. О. Обвинцева // Научный диалог. – 2020. – № 1. – С. 124–140.
8. Diccionario de la lengua española // Real Academia Española – Режим доступа: URL: https://dle.rae.es/ (дата обращения: 15.11.2022)
9. Furko P. Manipulative uses of pragmatic markers in political discourse // Palgrave Communications. – 2017. – Vol. 3 (17054) – С. DOI: 10.1057/palcomms.2017.54
10. Lomnitz C. Please don’t feed the gringos: the US-Mexico divide – Режим доступа: URL: https://literalmagazine.com/please-dont-feed-the-gringos-the-us-mexico-divide/(дата обращения: 15.11.2022)

11. Oxford Learner’s dictionaries – Режим доступа: URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения: 15.11.2022)
12. Schiffrin, D. Discourse markers. Studies in Interactional Sociolinguistics; 5. - Cambridge: Cambridge University Press. – 1987. – 364 c.

References

1. Viktorova Ye.YU. Diskursivy v zarubezhnoy lingvistike [Discourse markers in foreign linguistics]// Saratov University: Philology. Journalism. – 2015 (3). – pp. 1–10. (in Russian).
2. Gorlo Ev. A. K voprosu o leksicheskikh pragmaticheskikh markerakh [on question of lexical pragmatic markers] // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory and practice] – Tambov: Gramota, 2013. № 7 (25). – pp. 75–78 (in Russian).
3. Davtyants I.I. Konfliktnyy tekst i yego osobennosti na primere predvybornykh agitatsionnykh rechey D. Trampa (vesna 2022) [D.Trump’s pre-election agitation speeches as an example of the peculiarities of the conflicting discourse]// Byulleten' gumanitarnykh issledovaniy v mezhdistsiplinarnom nauchnom prostranstve [Bulletin of Humanitarian Studies in Interdisciplinary Research Area]. – Rostov-on-Don, 2022. №1 (2). – 202 pp. – pp. 66-69 (in Russian).
4. Karpovskaya N.V. Kognitivno-pragmaticheskiy potentsial intensifikatov v svete protsessa metaforizatsii (perevodcheskiy aspekt problemy) [Cognitive-pragmatic potential of the intensifiers in the light of the metaphorization process (the translation aspect of the problem)]// Drevnyaya i Novaya Romaniya. – SPbU, 2015. – № 16. – pp. 497–506. (in Russian).
5. Karpovskaya N. V., Abkadyrova I. R., Davtyants I. I. O konfliktnom diskurse, leksicheskikh markerakh konfliktogennosti i ikh kognitivnopragmaticheskom potentsiale [About conflicting discourse, lexical indicators of the conflict-provoking speech and their cognitive-pragmatic potential] // Byulleten' gumanitarnykh issledovaniy v mezhdistsiplinarnom nauchnom prostranstve [Bulletin of Humanitarian Studies in Interdisciplinary Research Area]. - Rostov-on-Don, 2022. №1 (2). – 202 pp. – pp. 14-25. (in Russian).
6. Murashova Ye.A. Leksicheskiye pragmaticheskiye markery temporal'nogo pozitsionirovaniya [LEXICAL PRAGMATICAL MARKERS OF TEMPORAL POSITIONING] // Language and Culture. 2015. №2 (30). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-

pragmaticheskie-markery-temporalnogo-pozitsionirovaniya (date of reference: 25.11.2022)
7. Obvintseva O. V. Pragmaticheskiye markery v angloyazychnom predvybornom diskurse (na primere vystupleniy kandidatov na post lidera Konservativnoy partii Velikobritanii) [Pragmatic Markers in the English-Language Election Discourse (on the Example of Speeches by Candidates for the Post of Leader of the Conservative Party of Great Britain)]/ O. V. Obvintseva, D. V. Pitolin, T. O. Obvintseva // Nauchnyi dialog, 1: 124-140.
8. Diccionario de la lengua española // Real Academia Española – Режим доступа: URL: https://dle.rae.es/ (date of reference: 15.11.2022)
9. Furko P. Manipulative uses of pragmatic markers in political discourse // Palgrave Communications. – 2017. – Vol. 3 (17054) – pp. DOI: 10.1057/palcomms.2017.54
10. Lomnitz C. Please don't feed the gringos: the US-Mexico divide – Режим доступа: URL: https://literalmagazine.com/please-dont-feed-the-gringos-the-us-mexico-divide/(дата обращения: 15.11.2022)
11. Oxford Learner's dictionaries – Режим доступа: URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (date of reference: 15.11.2022)
12. Schiffrin, D. Discourse markers. Studies in Interactional Sociolinguistics; 5. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1987. – 364 pp.

УДК 324, 329.1/.6, 327

Каскова Маргарита Евгеньевна
Margarita Kaskova
Большакова Елизавета Константиновна
Elizaveta Bolshakova

Итальянские СМИ как источник информации для понимания реалий политического «ландшафта» Италии[1]

Italian media as a source of information for understanding the realities of the political "landscape" of Italy

Аннотация. *Предметом данной статьи является опыт внедрения в образовательный процесс в рамках программы ИИЯ РУДН «Зарубежное регионоведение: Европейский регион» результатов прагмалингвистического исследования политического дискурса предвыборной кампании 2018 года в Италии. Авторы рассматривают итальянские СМИ как источник информации для понимания реалий политического «ландшафта» страны изучаемого языка. Для знакомства с политическими партиями, лидерами коалиций были выбраны 75 примеров политической рекламы участников выборов 4 марта 2018 года. Авторы проанализировали коммуникативную стратегию общения итальянских политиков, рассмотрели речевые тактики, а также коммуникативные неудачи и удачи в реализации коммуникативных стратегий в предвыборных материалах. Изучение способов вербального речевого воздействия в рекламе позволяет продемонстрировать скрытые механизмы коммуникации рекламного адресанта с реципиентом, понять коммуникативную стратегию общения итальянских*

Abstract. *The subject of the article is the experience of implementing pragma-linguistic research of the political discourse during the 2018 pre-election campaign in Italy. The research is implemented in the frame of the Institute of Foreign Languages of the People's Friendship University of Russia programme "Foreign studies: European region". The authors regard the Italian mass media as the source of information for understanding the realia of the political "landscape" of the country and the language under study. To get better acquainted with the political parties and coalition leaders there were chosen 75 examples of political advertising applied by the participants of the election that took place on March 4,2018. The authors have analysed the communicative strategy of Italian politicians, studied their speech tactics, as well as communicative merits and drawbacks in the realisation of the communicative strategies in the pre-election material. The study of the verbal ways of influence in advertising allows to demonstrate hidden mechanisms of communicating between the advertising addresser and the recipient, to deeper understand the communicative strategy of Italian politicians.*

Ключевые слова: *итальянские СМИ, предвыборная кампания, политический дискурс, коммуникативные стратегии*

Keywords: *Italian media, election campaign, political discourse, communication strategies*

[1] Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Введение

Изучение стратегий и тактик речевого поведения постоянно находится в центре внимания лингвистики, психологии, политологии и социальных наук. Вопрос о коммуникативных стратегиях итальянской политической рекламы является одним из самых интересных, поскольку политический «ландшафт» Италии довольно разнообразен и представителен. Кроме того, Италия переживает череду правительственных кризисов, так как результаты предвыборной кампании 2018 года не подтвердили абсолютное большинство голосов для правоцентристской коалиции, что привело к отставке правительства *M. Draghi* и внеочередным выборам 25 сентября 2022 года [Гуселетов, 2018]. Всё большее влияние рекламы в современном обществе диктует необходимость её более углублённого исследования для понимания реалий политического «ландшафта» страны изучаемого языка. Изучение способов вербального речевого воздействия в рекламе позволяет продемонстрировать скрытые механизмы коммуникации рекламного адресанта с реципиентом, понять коммуникативную стратегию общения итальянских политиков. Этим обуслевлена а**ктуальность** исследования, а также причины внедрения ее результатов в обучение по программе «Зарубежное регионоведение: Европейский регион» (итальянский язык) ИИЯ РУДН.

Научная новизна обусловлена отсутствием исчерпывающего лингвистического исследования современного итальянского политического рекламного дискурса с точки зрения коммуникативных стратегий и тактик, актуализирующих феномен речевого воздействия.

Объектом исследования является современный итальянский политический рекламный дискурс, его коммуникативные стратегии и тактики. Были проанализированы образцы речевого поведения в итальянской политической рекламной сфере, распространяемые в предвыборный период в поддержку кандидатов в президенты основных политических партий и объединений Италии: *Matteo Renzi (PD e centrosinistra), Luigi di Maio (M5S), Pietro Grasso (Liberi e Uguali), Berlusconi, Salvini*

Для коммуникации, как стратегического процесса, важен оптимальный выбор ресурсов языка, следовательно, **цель нашего исследования** заключалась в изучении коммуникативных стратегий и тактик, которые выбираются для создания современного итальянского политического рекламного текста и его дальнейшего воздействия на восприятие реципиентом.

Несомненна практическая значимость проведенного лингвистического исследования, поскольку его результаты были внедрены в образовательный процесс в рамках программы ИИЯ РУДН «Зарубежное регионоведение: Европейский регион» в 2021-2022 учебном году для студентов-регионоведов, изучающих итальянский язык. Данная программа основана на уникальной образовательной концепции и направлена на подготовку специалистов в области международных отношений, обладающих фундаментальными знаниями в области мировой экономики, мировой политики, и сочетающих навыки аналитиков и практиков. Именно на получение таких навыков и нацелена образовательная программа «Зарубежное регионоведение: Европейский регион», реализуемая в ИИЯ РУДН. Помимо традиционных для данной специальности истории, теории международных отношений, международной безопасности, а также двух иностранных языков, студенты программы «Зарубежное регионоведение: Европейский регион» комплексно изучают весь блок основных экономических дисциплин, а также весь спектр вопросов, связанных с ролью СМИ, информации в международных отношениях и технологиями ее применения.

Основная часть

Результаты изучения публикаций итальянских СМИ в период всеобщих парламентских выборах в Италии 4-го марта 2018 года были внедрены в образовательный процесс с целью ознакомления студентов-регионоведов с реалиями политического «ландшафта» Италии, т.е. представительства партий и движений в парламенте, знакомства с политическими лидерами итальянской республики.

Нами было выбрано данное политическое событие по следующим причинам:

1. предвыборная кампания — это максимальное информационное воздействие на граждан,
2. формирование электорального поведения,
3. идеи направляются к избирателям для того, чтобы удовлетворить их потенциальные нужды,
4. раскрываются стратегические планы и тактические задачи участников.

Политологи Д.Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К.В. Филиппов в своем словаре-справочнике по политологии дают следующее определение данному феномену: «Предвыборная кампания — система агитационных мероприятий, проводимых политическими партиями и независимыми кандидатами с целью обеспечить себе максимальную поддержку избирателей на предстоящих выборах. В ней участвуют различного рода группы поддержки, общественные организации, средства массовой информации и т.д.» [Погорелый, Фесенко, Филиппов, 2010].

Исходя из определений выше, предвыборная кампания представляет собой двустороннее явление. С одной стороны, предвыборная кампания обеспечивает возможность политической активности граждан, выражаемой в выборе того или иного кандидата по итогам его предвыборной кампании непосредственно на избирательном участке. С другой стороны, предвыборная кампания — это информационное воздействие на электорат, с целью получения максимального числа голосов. Подобное «информационное воздействие» осуществляется через коммуникативные каналы (СМИ, личные встречи, слухи), а также предполагает выработку коммуникативной стратегии в интернет-пространстве. Как указывает М. Э. Рябова, «Интернет-пространство и его потенциал креативных возможностей, включающих всевозможные чаты, социальные сети, мессенджеры и другие медийные инструменты, изменили мышление человека, расширив языковую вариативность» [Рябова, 2022: 88].

Проанализировав имеющиеся определения, в нашей работе мы будем придерживаться следующего обозначения термина «коммуникативная стратегия», которое предлагает А. А. Горячев: «*Речевая стратегия* – это планирование и реализация

основных целей речевого воздействия в том направлении, которое необходимо говорящему. *Коммуникативная стратегия* рассматривается как использование речевой стратегии совместно с экстралингвистическими компонентами» [Горячев, 2009: 79].

Коммуникативная стратегия общения реализуется в речевых тактиках. *Речевая тактика* способствует воплощению стратегии, а также развертыванию её речевого жанра, обычно это одно или несколько действий.

Основываясь на утверждении Е.И. Шейгал, что тематическое определение цели «борьба за власть» выделяет политический дискурс, как системообразующий критерий [Шейгал, 1997], перейдём к рассмотрению коммуникативных неудач и удач в реализации коммуникативных стратегий в предвыборных материалах итальянских политиков.

Суть тактики «создания своего круга» заключается в том, что, представляя себя определённому кругу избирателей, политический лидер партии часто внушает мысль о том, что о тех, кто его выберет, он обязательно позаботится, то есть пытается быть для них «своим». Ценности и интересы «своей» группы считаются истинными и при этом само социальное сообщество регулирует поведение и устанавливает правила и законы для «своей» группы [Доценко, 1997]. Таким образом, базой для управления социума даже посредством речевого воздействия является его же манипулятивная природа, что отражается в категории «свой круг» — одной из основных семантических категорий персуазивной коммуникации. Согласно наблюдениям, семиотическая категория «свой круг» — это одна из основных когнитивных категорий в политическом рекламном дискурсе [Китайгородская, Розанова, 1995]. Очерчивая «свой круг», отделяя «своих», «наших» от «чужих», автор манипулирует сознанием адресата – именно гибкость, удобство и простота управления характеризуют продуктивность этой категории. Как показывает действительность после выборов, чаще всего эта тактика относится к манипулятивной категории, поскольку личина «своего» для политика – это способ маскировки. Например, Лига Севера (La Lega Nord - LN) для своей кампании выбрала патриотический слоган *Prima gli italiani* – здесь уже явно очерчен круг «своих» — итальянцев. Свой круг

выделяется также в следующем сообщении: *Per noi lo Stato ha il dovere di occuparsi prima dei suoi cittadini e solo in seguito dei cittadini di altre nazioni.*

Левая федерация политических партий Италии Liberi e Uguali (LeU) в качестве избирательного слогана выбирает *Per i molti non per i pochi*, причисляя избирателей данной партии ко многим, то есть к «своим», а не к малым, то есть к тем, которые проголосуют за других представителей.

Берлускони опирается на несколько простых концепций, кратко изложенных на самых классических плакатах формата 6×3 белыми буквами на синем фоне: *Onestà, esperienza, saggezza*. Именно честность со «своими», доверие «своих» опытным и мудрым лежат в основе данного слогана. Слева на плакате логотип Forza Italia с триколором и ниже надпись: *Berlusconi presidente*. Это способ подчеркнуть отличительные элементы кандидата, «который знает, что делать для своего народа» и самое главное, что он честен и опытен.

Сравнивая свою партию в выигрышном для себя аспекте с другими политическими соперниками, авторы рекламных политических текстов часто прибегают к имплицитному сравнению – «они-то нет». Тактика выгодного сравнения с политическими партиями и движениями наблюдается в текстах, при создании которых авторы опираются на тактику эксклюзивности и гипертрофирования «я-темы», таким образом, «Свой» круг противопоставляется «чужому», то есть политическим конкурентам.

Сюда же можно отнести факт начала предвыборной кампании M5s, которая официально началась 27 ноября 2017, когда *Beppe Grillo* в своём блоге объявил о туре *Luigi Di Maio* по всей Италии под названием *«Rally per andare al governo*». В каждом итальянском городе севера и юга партия M5s появлялась с доверительными слоганами, причисляя себя к кругу «своих» избирателей:

Nessuno deve rimanere indietro;
Tutti a casa;
Apriremo il Parlamento come una scatoletta di tonno.

Из выше приведенного анализа становится очевидным использование стратегия манипуляции в италоязычном

политическом дискурсе. В приводимых ниже примерах можно увидеть тактику обещаний, подмены понятий, апелляции к чувствам, приёмы запугивания, подтасовки фактов.

Самая распространенная стратегия – *тактика обещаний.* Обещания относятся к манипулятивным коммуникативным средствам, а не к тем, которые реализуют стратегию самопрезентации и строятся на директивных лозунгах, используя перформативы-обещания в сочетании с призывами, которые относятся напрямую к слушающему (дейктики 2-го лица). Слоганы M5s прекрасно демонстрируют эти призывы, реализующие тактику обещаний: *Partecipa, scegli, cambia.* И тематические сообщения Демократической партии*: Vota la scienza, Vota la Cultura, Vota il Lavoro, Vota l'Europa, Vota i diritti, Vota l`ambiente.* Помимо примеров Демократической партии с использованием повелительного наклонения 2-го лица единственного числа, в рекламных кампаниях M5S Luigi di Maio, а также в правоцентристские партиях Berlusconi, Salvini и Meloni используют междометие «stop» и частицу «no» для динамичности высказывания:

Luigi di Maio (Movimento 5 stelle):

Stop a pensioni d'oro, vitalizi, privilegi, sprechi della politica e opere inutili;

Stop al bisness dell`immigrazione;

Stop alla giungla delle leggi, meno burocrazia per imprese e cittadini.

Berlusconi, Salvini и Meloni (Centrodestra):

Stop invasione;

Stop ai clandestini, espellerli dall'Italia;

No alle politiche di austerità;

No a sconti di pena per reati di particolare violenza e efferatezza.

Создатели предвыборных слоганов прибегают к *тактике подмены понятий*. Обычно в этом случае используются синтаксический параллелизм и анафоры. Лидер демократической партии Matteo Renzi, совмещая одновременно в слоганах кампании тактику обещаний и тактику подмены понятий предлагает*: Scegli il Pd: Vota la scienza, Vota la Cultura, Vota il Lavoro, Vota l'Europa, Vota I diritti, Vota l`ambiente.* (Выбирай

Демократическую партию —> я пойду и проголосую за PD —> за партию Matteo Renzi —> а стало быть, за него самого).

Чтобы привлечь избирателей на свою сторону, политические лидеры используют *тактику апелляции к чувствам*. Слоган правой политической партия Италии Fratelli d'Italia призывает к объединению: *Unire è l'auspicio*; *Il voto che unisce l'Italia*. Тема объединения, идея национального государства, как некого духовного единства, волнует практически любого итальянца.

Тактика запугивания используется в том случае, когда кандидаты пытаются убедить электоратов в возможных или даже неизбежных негативных последствиях, если они проголосуют за другие партии. Присутствуют риторические вопросы и ответы:

Schiavi dell'Europa? No, grazie;

Meno buonismo più giustizia;

No Ius Soli.

Если не Лига Севера, то не будет бесплатных детских садов, не будет справедливости, защиты народа, его прав, свобод и т.п.

Редко используется в политическом рекламном дискурсе *тактика подтасовки фактов*, так как считается малоэффективной. Подрывая репутацию соперников, провоцирует нежелательные ответные действия и конфликты.

Было выявлено, что информационная канва предвыборных рекламных текстов кандидатов состоит из репрезентативов и комиссивов. Термином «репрезентатив» Дж. Серль в своей классификации обозначает те иллокутивные типы, которые ориентированы от действительности к высказыванию, при этом у говорящего сохраняется соответствующее мнение. [Серль 1986]. В зависимости от того, несёт ли говорящий ответственность за то, что его сообщение является истинным, предполагает ли он что-то или выражает чужое мнение, речевые акты делятся на четыре типа:

1) констативы используются для указания на положение дел в прошлом и для фиксирования положения дел в настоящем:

Berlusconi (CD Forza Italia): *Noi vogliamo meno vincoli - questa non e' l'Europa immaginata dai fondatori come il nostro De Gasperi, e neppure da noi giovani di allora;*

Matteo Renzi (PD): *Un milione di posti di lavoro. L'attuale legislatura potrebbe concludersi con un aumento di un milione di posti di lavoro rispetto a quando lui è salito al governo, nel febbraio del 2014.*

2) суппозитивы предполагают уже существующее до высказывания некое положение дел:

Matteo Renzi (PD): *Se restiamo lì, non possiamo pretendere ad una dimensione diversa, più universale*;

Pietro Grasso (Liberi e Uguali): *Il cambiamento e la discontinuità rispetto alle politiche degli ultimi anni costituiscono l'elemento fondamentale di questa visione, che ambisce a radicarsi in maniera stabile nella società italiana.*

3) дедуктивы прогнозируют будущее положение дел:

Matteo Renzi (PD)*: Noi pensiamo all'Italia che vuole creare lavoro, non assistenzialismo. L'Italia dei diritti, del sociale, della cultura;*

Luigi di Maio (M5S)*: Puntiamo su: innovazione, energie rinnovabili, manutenzione del territorio, contrasto al dissesto idrogeologico, adeguamento sismico, banda ultra larga, mobilità elettrica*;

4) эвидентивы фиксируют определённое положение дел с точки зрения говорящего:

Berlusconi (centrodestra, Forza Italia): *Flat tax, ma anche misure per aggredire subito la povertà e la disoccupazione come il reddito di dignità e l'aumento immediato delle pensioni a 1000 euro per tutti, comprese le casalinghe che non hanno mai potuto versare contributi;*

Luigi Di Maio (M5S): *In Italia ci sono oltre 10 milioni di poveri e la misura che proponiamo da anni per affrontare seriamente questo problema e' il reddito di cittadinanza;*

Matteo Salvini (Lega Nord): *Vorrei che ci liberassimo da una sorta di senso di colpa. Noi non abbiamo il dovere morale di accogliere in Italia tutte le persone che stanno peggio.*

На рассмотренных примерах видно, что при убеждении в искренности своих намерений используется и эксплицитная, и имплицитная комиссивная интенция, то есть интенции обещания. Цель иллокутивных актов класса комиссивов – в некоторой степени возложить на автора сообщения обязательство следовать

определённой линии поведения или совершить некоторое будущее действие.

Информативная интенция на грамматическом уровне актуализируется за счёт использования глаголов 2-го лица множественного числа в Presente в роли ближайшего будущего времени: *riprendiamo; restituiamo; facciamo incontrare; garantiamo; eliminiamo; combattiamo; stabiliamo; crediamo; vogliamo; colmiamo; proponiamo; rilanciamo; diamo; aumentiamo.* Персуазивная интенция представлена лексическими интенсификаторами с положительной коннотацией, которая ожидается обществом: *un sostegno economico; formazione continua; abbassare le tasse e le tariffe; colmiamo il divario tra Nord e Sud; crediamo nella politica come forma alta di servizio; stabiliamo un salario minimo; combattiamo le mafie.* Авторы прибегают к глаголам одного семантического типа (*garantire, dare, volere, proporre*).

Таким образом, италоязычная политическая реклама характеризуется следующими факторами:

1) В италоязычных политических рекламных слоганах широко применяются стратегия самопрезентации и манипуляции, из которых выделяются тактика сравнения (лидера с движением, партией или социальной группой) и тактика создания «своего круга»;

2) Стратегия манипуляции, исходя из проанализированного материала, реализуется за счёт коммуникативных тактик: запугивания, подтасовки фактов, подмены понятий апелляция к чувствам, тактика обещаний и тактика создания «своего» круга;

3) Преобладают речевые акты директивов, репрезентативов и комиссивов, за счёт чего реализуются коммуникативные удачи и неудачи кандидатов.

В литературе уже указывалось, что средства воздействия на общество, которые используются для достижения целей, в повседневной политической практике могут быть обозначены как конструкт, создаваемый в тесной связи с дискурсивным полем» [Рябова, Вашунина 2019: 66]. Прагмалингвистический анализ дискурса, который включает в себя понятия успешной и неуспешной коммуникации, помогает оптимизировать процессы

речевого воздействия и показывает, что любой информационный канал нацелен на диалог со слушающими. Умение правильно управлять своими языковыми процессами содействует участникам предвыборных кампаний в достижении успешной реализации их коммуникативной деятельности.

Заключение

Внедрение в образовательный процесс результатов лингвистического исследования итальянской политической рекламы обсуждалось преподавателями ИИЯ РУДН на лингвометодических семинарах. Было отмечено, что, изучение политического устройства Италии, представительства партий и объединений в парламенте, а также политических устремлений лидеров итальянской республики через прагмалингвистический анализ политического дискурса способствует формированию у учащихся понимания реалий политического «ландшафта» страны изучаемого языка.

В беседах со студентами-регионоведами проявился их несомненный интерес к истории Италии, к специфике ее парламентской организации, которая заключается в отказе в 1946 году от избрания президента прямым голосованием из опасения давать слишком широкие полномочия президенту, учитывая фашистское прошлое страны. Учащиеся отметили, что слоганам и рекламным сообщениям свойственна лаконичность, они предельно классические по своей форме, наблюдается лёгкая небрежность в иллюстрациях – практически каждая мелочь продумывается при создании дружелюбной атмосферы.

Актуальность результатам лингвистического исследования добавил новый политический кризис в Италии, повлекший за собой отставку правительства *M. Draghi* и

Литература

Гринберг Т. Э. «Политические технологии». М.: Аспект Пресс, 2005. 317.

2. Горячев А. А. Стратегии создания рекламного образа // Коммуникативные исследования 2009: Виды коммуникации. Обучение общению: Продолжающееся научное издание / Науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2010.
3. Гуселетов Б. П. Итоги парламентских выборов в Италии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2018. №1, С. 55-69.
4. Доценко Е. Л. Психология манипуляции феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997.
5. Каскова М. Е., Устинова О. В. Особенности перевода эргонимов в медиатекстах // М.: РУДН, 2020, С. 133-136 (ч. 1). EDN: TJOSSE
6. Каскова М. Е. Феномен новой грамотности, «новые тексты» и язык современных СМИ // М.: РУДН, 2017, С. 176-182. EDN: YRFDTF
7. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. “Свое” — “Чужое” в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. 1995. № 1.
8. Морозова Е. Г. «Электоральный менеджмент». Учебное пособие. М.: РЦОИТ, 2002. 232 с.
9. Недяк И. Л. «Политический маркетинг. Основы теории». 2008 г. М.: «Весь Мир». 352 с.
10. Погорелый Д. Е., Фесенко В. Ю., Филиппов К. В. «Политология: Словарь-справочник». Ростов н/Д: Феникс, 2010. 318 с.
11. Рябова, М. Э. Экспрессивность медийного языка молодежи в контексте перевода / М. Э. Рябова // Организационная психолингвистика. – 2022. – № 3(19). – С. 87-100. – EDN LWJKQY.
12. Рябова, М. Э. в. Прагматика современных текстов массовой коммуникации: лингвистический аспект / М. Э. в. Рябова, И. В. Вашунина. – Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. – 142 с. – ISBN 978-5-209-09126-4. – EDN WUVBPD.
13. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? [Текст] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986.
14. Шейгал Е.И. Структура и границы политического дискурса / Е.И. Шейгал // Филология – Philologica. – Краснодар, 1997.
15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.raso.ru/ (дата обращения: 26.09.2022).
16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Парламентские_выборы_в_Италии_(2022) (дата обращения: 10.09.2022).
17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.governo.it/it/la-presidenza-del-consiglio-dei-ministri (дата обращения: 03.11.2022).

References

1. Grinberg T. E. "Political technologies". M.: Aspect Press, 2005. 317.
2. Goryachev A. A. Strategies for creating an advertising image // Communicative research 2009: Types of communication. Teaching communication: An Ongoing scientific publication / Scientific ed. by I. A. Sternin. - Voronezh: Istoki, 2010.
3. Guseletov B. P. Results of parliamentary elections in Italy // Scientific and Analytical Bulletin of IE RAS, 2018. No. 1, pp. 55-69.
4. Dotsenko E. L. Psychology of manipulation phenomena, mechanisms and protection. Moscow: Chero, Publishing House of Moscow State University, 1997.
5. Kaskova M. E., Ustinova O. V. Features of translation of ergonyms in media texts // Moscow: RUDN, 2020, pp. 133-136 (part 1). EDN: TJOSSE
6. Kaskova M. E. The phenomenon of new literacy, "new texts" and the language of modern media // Moscow: RUDN, 2017, pp. 176-182. EDN: YRFDTF
7. Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. "Own" — "Alien" in the communicative space of the rally // Rusistika segodnya. 1995. № 1.
8. Morozova E. G. "Electoral management". Textbook. Moscow: RCOIT, 2002. 232 p.
9. Nedyak I. L. "Political marketing. Fundamentals of theory". 2008 M.: "The Whole World". 352 p.
10. Pogorely D. E., Fesenko V. Yu., Filippov K. V. "Political Science: Dictionary-reference". Rostov n/A: Phoenix, 2010. 318 p.
11. Ryabova, M. E. Expressiveness of the media language of youth in the context of translation / M. E. Ryabova // Organizational psycholinguistics. – 2022. – № 3(19). – Pp. 87-100. – EDN LWJKQY.
12. Ryabova, M. E. V. Pragmatics of modern texts of mass communication: linguistic aspect / M. E. v. Ryabova, I. V. Vashunina. – Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2019. – 142 p. – ISBN 978-5-209-09126-4. – EDN WUVBPD.
13. Searle, J. R. What is a speech act? [Text] / J. R. Searle // New in foreign linguistics: Vol. 17. Theory of speech acts. – M.: Progress, 1986.
14. Sheigal E.I. Structure and boundaries of political discourse / E.I. Sheigal // Philology – Philologica. – Krasnodar, 1997.
15. [Electronic resource]. Access mode: http://www.raso.ru / (accessed: 26.09.2022).
16. [Electronic resource]. Access mode: https://ru.wikipedia.org/wiki/Parliamentary election_initalia(2022) (accessed: 10/09/2022).

17. [Electronic resource]. Access mode: https://www.governo.it/it/la-presidenza-del-consiglio-dei-ministri (accessed: 03.11.2022).

УДК 336.201.1

Орлянская Татьяна Георгиевна
Tatyana Orlyanskaya

Вопросы безэквивалентности японских ключевых слов GAMBARU и KATA

Issues of Inequivalence of the Japanese Key Words GAMBARU and KATA

Аннотация. *Работа посвящена анализу ключевых понятий японской культуры на материале двух частотных слов gambaru и kata с точки зрения их лексической безэквивалентности в русском и английском языках. Первое слово наиболее часто переводится как «стараться, прикладывать усилия, делать всё от себя возможное, держаться, не сдаваться» и является своеобразным девизом жизни японцев. Повелительное наклонение имеет форму gambatte. Именно эта ключевая установка позволяет японцам идти по жизни, выполняя многочисленные обязанности перед собой и обществом и достигая поставленных целей, что нередко вызывает восхищение всего мирового сообщества. Слово gambatte заключает в себе квинтэссенцию японской философии жизни.*

Сформированная веками и укоренившаяся в глубине сознания японцев приверженность форме, норме и регламентации жизни, выраженная во втором анализируемом японском слове ката, является цементирующей основой японского национального самосознания и важным фактором понимания своеобразия японской идентичности.

Анализируемые слова-понятия относятся к лексемам фоновых знаний и не имеют прямого эквивалента ни в русском, ни в английском языках.

Abstract. *The given paper dwells upon the analysis of the frequently used keywords of the Japanese culture gambaru and kata from the angle of their inequivalence in Russian and English. The first word is most frequently translated as 'to do one's best, try hard, work hard, hold on, not give up'. It is an eternal motto of all Japanese people using it throughout their lives. The imperative of the verb in question is gambatte. This particular key message helps people to progress in life fulfilling numerous duties and obligations towards the society and themselves in order to achieve impressive goals, frequently earning the respect and admiration of the world as a result. Gambatte is the essence of the Japanese philosophy of life.*

Centuries-old and deep-rooted in the Japanese consciousness commitment to form, norm and life regulation, expressed in Japanese in the keyword KATA, functions as an integrating framework of the Japanese consciousness and a key factor of penetrating into the specificity of the Japanese identity.

Both keywords belong to the level of background knowledge and do not have any direct equivalent in Russian or English.

***Ключевые слова**: ключевые слова, японская культура, японская языковая картина мира, японская культурная картина мира, базовые ценности японской культуры, гамбару, ката*

***Key words**: key words, Japanese culture, Japanese language worldview, Japanese cultural worldview, core values of the Japanese culture, gambaru, kata*

Введение

Статья является продолжением цикла публикаций, посвященных анализу ключевых слов японской культуры, характеризующих определённый образ мышления и жизни японцев и позволяющих судить о базовых ценностях японцев, важных для успешной межкультурной коммуникации.

Новизна работы заключается в исследовании материала на примере двух частотных японских слов-понятий gambaru и kata с точки зрения их безэквивалентности в сопоставляемых русском и английском языках.

Теоретической основой являются труды таких учёных, как Виноградов В.С., Верещагин Е.М., Костомаров В.Н., Стернина М.А., Тер-Минасова С.Г., Бойе Лафайет Де Менте и др. Методы исследования: описательный, сопоставительный, анализа.

Актуальность определяется всё возрастающей значимостью межкультурной коммуникации в условиях глобального мира и глобальных потрясений, в которой вопросы эквивалентности и безэквивалентности слов и их значений занимают особое место и необходимы для достижения эффективной коммуникации.

Целью исследования является определение места двух частотных японских слов-понятий в системе безэквивалентных лексем. Для реализации поставленной цели важной задачей представляется обзор разных видов безэквивалентности. Предмет исследования – описание, перевод и анализ использования двух ключевых слов японской культуры *gambaru* и *kata* в различных коммуникативных ситуациях.

Исследование будет практически значимым для широкого круга специалистов в области языковой и межкультурной коммуникации, политологов, переводчиков, преподавателей и студентов, связанных с японским языком и

культурой, а также всех, заинтересованных в изучении японского языка и понимании японской идентичности.

Основная часть

«Японское чудо» стремительного восстановления японской экономики и страны в целом после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки и поражения во Второй мировой войне удивило мир и породило вопрос о причинах, истоках и факторах этого чуда. В настоящее время многочисленные факты быстрого восстановления японских городов после таких регулярных стихийных бедствий, как землетрясения, цунами, тайфуны и оползни, недавней аварии на атомной станции также свидетельствуют о заложенной в японской ментальности организующей общество силе духа и основе, позволяющей объединять и направлять общество к единой, победной цели. Анализ ключевых слов и понятий безусловно обогащает необходимыми фоновыми знаниями, позволяющими проникнуть в суть японской культуры и ментальности и найти ответы на многие вопросы.

Заслуженный профессор МГУ, основатель специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Тер-Минасова С.Г. в своих книгах пишет о том, что «пресловутая эквивалентность, да ещё и полная может существовать иногда только на уровне реального мира». «Эквивалентные» слова различны и по объёму семантики, и по употреблению в речи, и по стилистическим коннотациям, и по возможностям лексической сочетаемости [Тер-Минасова, 2004: 80].

Вопросы безэквивалентности и связанных с ней лакун в других языках также требуют внимания для данного исследования. Так, например, авторы Англо-русского словаря безэквивалентной лексики в предисловии пишут, что «под межъязыковыми лакунами традиционно понимается отсутствие какой-либо лексической единицы в одном языке при её наличии в другом языке. Авторы придерживаются мнения, что лакунами можно считать единицы, не имеющие в другом языке однословного наименования или наименования в виде устойчивого словосочетания» [Махонина, Стернина, 2005: 4].

Безэквивалентная лексика – это слова, план содержания которых нельзя сопоставить с каким-либо иноязычным словом,

поэтому они являются непереводимыми [Верещагин, Костомаров, 2005: 67]. Для перевода данных лексических единиц используются различные трансформации. Самым распространённым видом является транскрипция (транслитерация), когда элементы речи передаются какой-либо системой знаков. При калькировании создаётся новое слово путём буквального перевода иноязычного слова или его частей. Конкретизация (гипонимическая трансформация) и генерализация (гиперонимическая трансформация) – это замена слова с более широким значением на слово с более узким значением и наоборот. Уподобление предполагает подбор к иноязычному слову наиболее подходящего по значению слова. Описательный перевод – замена исходного слова описывающим словосочетанием, которое может также сочетаться с транскрипцией [Виноградов, 2001: 61-62].

Слова, обозначающие предметы или явления действительности, присущие только одной языковой группе, относятся к предметным реалиям. Они неразрывно связаны с культурой конкретного народа, являются частотными и общеупотребительными, но обычно являются инородными для других народов и безэквивалентными. К ним относятся топографические названия, имена, предметы домашнего быта и обихода, звания и обращения, меры и деньги, слова, имеющие отношение к искусству [Секретова, 2016].

Выделяются также этнографические реалии, относящиеся к быту Японии, например, уже хорошо известные во всём мире кимоно, театры кабуки, но и бунраку, сасими и сумо. Вместе с тем существует большое количество других безэквивалентных лексем, вызывающих затруднения при переводе и коммуникации, ввиду отсутствия прямых эквивалентов в других языках, передающих все стороны значения таких слов. К ним относятся названия традиционной японской гостиницы рёкан, японского матраса футон, минеральных источников онсен, японской прихожей генкан, японских праздников обон, танабата и прочих чисто японских реалий.

Японские ключевые слова-понятия в большинстве своём также относятся к лексемам уровня фоновых знаний, для

правильного понимания, использования и перевода которых недостаточно словарной статьи переводных словарей и требуется лингвокультурологический комментарий. С этой целью важно рассмотреть значимое для японской культуры слово *gambaru,* а также производную форму императива *gambatte,* являющуюся своеобразным девизом жизни любого японца. С этой установкой японцы рождаются и умирают, активно её применяя на протяжении всей жизни. *Gambaru* с разными дериватами не имеют одного прямого эквивалента ни в русском, ни в английском языке и чаще всего в зависимости от контекста переводятся как «старайся, трудись, прикладывай усилия, не сдавайся, держись и делай всё от тебя зависящее». Производным понятием является эталон японца *gambariyasan* (настойчивый в достижении цели, старательный человек). *Gambarimasu* может переводиться как «я буду стараться, буду делать всё от меня возможное». Императив *gambatte* представляет собой квинтэссенцию японской философии жизни. Этот лозунг функционирует и как слово поддержки, и как поощрение человека в трудной ситуации. Некоторые его формы используются и как обещание человека стараться для выполнения какой-то задачи в будущем, и как знак преданности коллективу, семье или иной группе. В любой ситуации, требующей усилий, человек слышит *gambatte* и отвечает *gambarimasu*. Иностранцы также мгновенно понимают значимость этого заклинания и начинают использовать его по несколько раз в день в разных ситуациях, получая одобрение со стороны японцев. Ребёнок идёт в школу с этим напутствием. Школьники и студенты дают обещание прикладывать усилия и говорят *gambarimasu*. Спортсмены, музыканты, актёры тоже живут с этим словом-заклинанием. Получивший продвижение по службе служащий перед расставанием с коллегами слышит от них это напутствие и в ответ даёт обещание прикладывать усилия и делать всё возможное, произнося *gambarimasu* (будущее время).

Википедия предлагает следующую трактовку. ***Ganbaru*** (lit. 'stand firm'), also romanized as ***gambaru***, is a ubiquitous Japanese word which roughly means to slog on tenaciously through tough times. The word *ganbaru* is often translated to mean "doing one's

best", but in practice, it means doing more than one's best. The word emphasizes "working with perseverance" or "toughing it out". *Ganbaru* means "to commit oneself fully to a task and to bring that task to an end". It can be translated to mean persistence, tenacity, doggedness, and hard work. The term has a unique importance in Japanese culture… After the 1995 Kobe earthquake, the slogan "*Gambaro Kobe*" was used to encourage the people of the disaster region as they worked to rebuild their city and their lives. After the 2011 Tōhoku earthquake and tsunami, *gambaru* was one of the most commonly heard expressions. [1]

В статье «Железный дух «гамбару»» на сайте онлайн школы японского языка Дарьи Мойнич пишется о том, что ни в одном другом языке мира нет выражения, похожего на «гамбару». Даже у соседствующих с японцами наций – китайцев и корейцев – нет ничего похожего, несмотря на то, что «гамбару», как и многие другие выражения, пишется китайскими иероглифами, попавшими в Японию через Корею. Ни в Корее, ни в самом Китае нет слова, полностью отражающего значение «гамбару» у японцев, т.е. «гамбару» — это чисто японское изобретение, плод общественных устоев и моральных норм, бытовавших у древних японцев. И всё-таки сводить широкий термин «гамбару» только к работе нельзя, поскольку, по сути, он гораздо глубже – это несокрушимая сила духа, дающая возможность не сдаваться и совершать подвиги.[2] Слово *gambaru* с его производными в полной мере отражает дух трудолюбивого и целеустремлённого японского народа и во многом объясняет механизм исполнения ими задуманного с высокими результатами.

В переводной с английского языка статье «Вперёд! Сделай всё, что можешь! Никогда не сдавайся!» с сайта tofugu.com отмечается, что “сделай всё, на что ты способен!” — это, безусловно, самый распространённый перевод формы повелительного наклонения gambatte. Далее представлен целый ряд других вариантов перевода: Покажи, на что ты способен!

[1] Ganbaru. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ganbaru (дата обращения 13.10.22)
[2] Железный дух «гамбари». URL: http://nihon-go.ru/zheleznyiy-duh-gambari/ (дата обращения 13.10.22)

Выложись на полную! Ты можешь с этим справиться! Будь упорным! Продолжай пытаться! Так держать! Продолжай в том же духе! Не прохлаждайся! Продолжай бороться! Продолжай работать над собой! Сделай рывок! Держись! Не сдавайся! Мужайся! Здесь не о чем беспокоиться. Не бойся. Прояви смелость. Никогда не говори “никогда”. Попытка — не пытка. Взбодрись! Сделай это! Вперёд! Давай! Дерзай! [1] Важно отметить, что и этот список переводов не является исчерпывающим и окончательным. И русскоговорящие, и англоговорящие исследователи используют транслитерацию для передачи значения данного безэквивалентного японского слова-понятия.

Это в полной мере относится и к японскому ключевому слову *kata.* Поскольку в первом и исконно японском веровании синтоизме доминирует организующая социум ритуально-культовая составляющая, то в средневековой Японии у каждого рода был человек, отвечающий за ежедневное исполнение синтоистских ритуалов. Некоторые исследователи японского языка и японской культуры считают, что именно это положило начало формированию традиции регламентации и формализации не только социальных норм поведения, но и всей жизни японцев в целом. Большое значение в этом процессе сыграло и историческое этническое единство японского общества. Американский исследователь Б. Лафайет де Мент в своей книге «Behind the Japanese Bow» пишет о том, что чётко определённая форма или техника выполнения того или иного действия, по-японски *ката*, сформированная на заре японской цивилизации и практикуемая столетиями, является ключом к разгадке идентичности японской культуры. По его мнению, в древности японцы утвердились во мнении, что форма является реальностью сама по себе и превосходит содержание: «Doing things the right way was often more important than doing the right things!» [Boye Lafayette De Mente 1993: 2]. Для японцев существовал

[1] Вперёд! Сделай всё, что можешь! Никогда не сдавайся! URL: http://nihon-go.ru/ganbaru-vperyod-sdelay-vsyo-chto-mozhesh-nikogda-ne-sdavaysya/ https://www.tofugu.com/japanese/ganbaru/ (дата обращения 13.10.22)

внутренний порядок (человек) и естественный, или природный (микрокосм), взаимодействующие между собой при помощи правильного порядка, или формы, выполнения действий – *ката.* Исследователь приводит мнение японского профессора мифологии Казуо Мацумура: «Japan has no genuine philosophy as such, only form». Именно значение «форма» является исходным и узким для данного слова.

Для выражения безысходности в японском языке существует и активно используется устойчивое и часто употребимое выражение *Shikata ga nai,* которое переводится как «нет способа/формы сделать» и означает «ничего не поделаешь». Японский опыт показывает, что научиться можно всему при условии правильной (без отклонения от нормы) и многолетней тренировки. Это основа и разгадка совершенства известных на весь мир разновидностей японского традиционного искусства и боевых искусств – каллиграфии, икебаны, чайной церемонии, театров кабуки и но, каратэ, сумо, кендо, дзюдо и айкидо. Стилизованы, ритуализированы и церемониальны и образ мышления, и образ жизни и речь японцев. Определены все проявления жизни японцев: использование палочек для еды, угол наклона для приветствия, порядок написания иероглифов, проведение мероприятий, манера общения и поведения, очерёдность приёма ванны членами семьи, организация бюджета и т.д. [Орлянская, 2009: 53]. Об этом же пишет и Б. Лафайет Де Мент: «The same obsession with form and process is repeated endlessly in every area of private and public life in Japan» [Boye Lafayette De Mente, 1993: 59]. По его мнению, регламентированная форма жизнедеятельности японцев хоть и будет меняться, но не искоренится: «It is obvious that the *kata*-ized behavioral conditioning of the Japanese is diminishing rapidly, and it will continue to decrease. But its influence is such that it will be a significant factor in both the character and personality of the Japanese for the foreseeable future» [Boye Lafayette De Mente, 1997: 18].

Отличное от требуемого поведения или исполнения чего-либо ненадлежащим образом может приравниваться к нарушению норм поведения в обществе. Именно это отличает японцев от других народов и не позволяет представителям других наций стать частью данного общества. Это во многом может

объяснять и место Японии на мировой арене. Жить по-японски означает точно знать или чувствовать, как поступить и что сказать в разных ситуациях в соответствии с общепринятыми нормами морали и этики окружающих. Этому учатся с рождения и на протяжении всей жизни. На бытовом уровне незнание многочисленных особенностей японского образа жизни и менталитета может ограничиться лишь незначительной курьёзной ситуацией, однако в профессиональном или деловом общении такое непонимание друг друга представителями разных культур может привести к полному прекращению отношений или их длительному разрыву.

Бойе Лафайет Де Мент в своей книге «Behind the Japanese Bow. An In-Depth Guide to Understanding and Predicting Japanese Behaviour», полностью посвящённой исследованию исключительно данного слова, пишет о том, что слово kata является одним из наиболее употребимых и важных слов в японском языке. Оно означает способ выполнения того или иного действия с особым акцентом на форме и порядке его выполнения. Он также перечисляет примеры наиболее частотных использований данного слова: yomi kata – способ чтения, tabe kata – способ потребления пищи, kaki kata – способ/манера написания, kangae kata – способ мышления, iki kata – образ жизни. Он также отмечает наличие десятков других kata в японском языке: «In fact, there is hardly an area of Japanese thought or behavior that is not directly influenced by one or more kata» [Boye Lafayette De Mente 1993: 1]. Значимость данного ключевого слова японской культуры и его безэквивалентность в русском и английском языках наглядно подтверждаются и содержанием вышеуказанной книги: 1. The Kata Factor 2. The Kata-ization of Japan (The Mother Kata, Shikata of the Samurai, Shikata of the Sword, The Shikata of Sumo, The Shikata of Poetry, The Kata-ized Mind, etc.) 3. Kata in Japan Today (The Shikata of Being Japanese, Kata in Politics, etc.) 4. Kata in Business (The Kata of Rank, Dealing with Consensus Kata, Seeing Kata in Action, etc.) … 6. Can Japan Survive without Kata? (The Dwindling Kata, etc.).

Культивированное веками, надлежащее и единственно правильное, «катаизированное» выполнение того или иного действия или предписания и, как следствие, единственно

правильное поведение в разных ситуациях для японцев не просто принятые нормы механического исполнения. Это своеобразная философия жизни по-японски, сопряженная с морально-этическими нормами общества. Именно это «скрытое знание» и отличает японцев от представителей других национальностей [Орлянская, 2021: 85].

Заключение

Таким образом, проведённый анализ значений, употреблений в различных коммуникативных ситуациях и переводов японских слов-понятий gambaru и kata, имеющих исключительную значимость для японской идентичности, позволяет сделать следующие выводы:

1. оба анализируемых слова являются безэквивалентными
2. широкий спектр значений и переводов данных слов-понятий, а также несравнимо более распространённая сфера их использования в японском языке позволяют судить об отсутствии прямых эквивалентов слов gambaru и kata в русском и английском языках
3. оба слова обладают огромной значимостью для японского общества и являются краеугольными для понимания японской культуры и ментальности
4. оба слова принадлежат к уровню фоновых знаний и требуют обязательного дополнительного лингвокультурологического комментирования, поскольку для правильного перевода или понимания слов gambaru с его производными и kata соответствующих статей в переводных словарях может быть недостаточно
5. и в русском, и в английском языках для перевода проанализированных слов используется транслитерация ввиду отсутствия аналогичных слов-понятий в сопоставляемых языках, нередко в сопровождении с описательным переводом для точной передачи конкретного значения в определённом контексте.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Н. Язык и культура. М.: Индрик. 2005. С. 67
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО. 2001. С. 61-62
3. Махонина А.А., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Существительное. – Воронеж: Истоки. 2005. С. 4 [Электронный ресурс]. – URL: http//www.vsu.ru > pdf > dict > lac > eng-rus-susch (дата обращения: 15.10.2022 г.)
4. Орлянская Т.Г. Истоки своеобразия японской культуры // Вест. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 53
5. Орлянская Т.Г. Регламентирующая основа японской ментальности КАТА // Вестник Моск. Унив-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 85
6. Секретова Е.А. Вопросы лексической эквивалентности в японском и русском языках (на материале учебных текстов): Слово в японском языке. – Санкт-Петербург. 2016. [Электронный ресурс]. –
7. URL:https://dspace.spbu.ru › bitstream › (дата обращения: 15.10.2022 г.)
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во Московского университета. 2004. С. 80
9. Boye Lafayette De Mente. The Japanese Have a Word for It. USA. Passport Books, 1997. P. 18
10. Boye Lafayette De Mente. Behind the Japanese Bow. An In-Depth Guide to Understanding and Predicting Japanese Behaviour. USA. Passport Books, 1993. P. 2

References

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.N. Yazyk i kul’tura [Language and Culture] M.: Indrik. 2005. P.67 (In Russ.)
2. Vinogradov V.S. Vvedeniye v perevodovedeniye (obshchiye i leksicheskiye voprosy) [Inroduction to translation studies (general and linguistic issues)] M.: Izdatel’stvo instituta obshchego i srednego obrazovaniya RAO. 2001. P.61- 62 (In Russ.)
3. Mahonina A.A., Sternina M.A. Anglo-russkiy slovar’ bezykvivalentnoi leksiki. Sushchestvitel’noye [English-Russian dictionary of inequivalent lexis. Noun] Voronezh: Istoki. 2005. P.4 – URL: http//www.vsu.ru > pdf > dict > lac > eng-rus-susch (accessed: 15.10.2022) (In Russ.)
4. Orlyanskaya T.G. Istoki svoeobraziya yaponskoi kul’tury [Origins of the Japanese culture identity] Moscow State University Bulletin. Series 19.

Linguistics and Intercultural Communication. 2005. № 4. P. 53 (In Russ.)
5. Orlyanskaya T.G. Reglamentiruyushchaya osnova yaponskoy mental'nosti KATA [Regulatory basis of the Japanese mentality KATA] Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2021. №1. P. 85 (In Russ.)
6. Sekretova E.A. Voprosy leksicheskoy ekvivalentnosti v yaponskom i russkom yazykah (na materiale uchebnyh tekstov): Slovo v yaponskom yazyke [Lexical equivalence in the Japanese and Russian Languages (on the material of teaching materials)] Sankt-Peterburg. 2016. - URL: http//www.vsu.ru > pdf > dict > lac > eng-rus-susch (accessed: 15.10.2022) (In Russ.)
7. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and Intercultural Communication] M.: Izdatel'stvo moskovskogo universiteta. 2004. P.80 (In Russ.)
8. Boye Lafayette De Mente. The Japanese Have a Word for It. USA. Passport Books. 1997. P. 18
9. Boye Lafayette De Mente. Behind the Japanese Bow. An In-Depth Guide to Understanding and Predicting Japanese Behaviour. USA. Passport Books. 1993. P. 2

УДК 811.134.2

Чеснокова Ольга Станиславовна
Olga Chesnokova
Котеняткина Ирина Борисовна
Irina Kotenyatkina

Лингвокультурологический анализ гимна Мексики

Linguacultural analysis of Mexican Anthem

Аннотация. *Лингвокультурологический анализ государственных гимнов выявляет спектр прецедентных феноменов национальной концептосферы и выбор риторических приемов, создающих целостное эстетическое послание гимна, универсально призванного консолидировать культурную память, передавать и воспитывать чувство идентичности и этнической гордости. Задача данной статьи – систематизировать исторические условия возникновения гимна крупнейшей испаноязычной страны – Мексики, провести его комплексный лингвокультурологический анализ, выявить ассоциативно-прецедентные феномены текста, лексико-*

семантические, грамматические, прагматические средства, образующие его риторику. Основные методы исследования — семантический, интерпретационный, лингвокультурологический анализ, культурологическое комментирование, при этом мы рассматриваем гимн Мексики как целостный знак мексиканской лингвокультуры. В статье показано, как интеграция смыслов, их коннотаций, лексико-семантических средств, прецедентных феноменов, морфологических, синтаксических средств создает комплексное эстетическое и идеологическое послание гимна Мексики, помещает его в мексиканскую культуру с присущими мексиканцам ценностями национально-освободительного движения как одной из доминант их национальной идентичности.

***Abstract**. Linguistic and cultural analysis of national anthems reveals the scope of precedent phenomena of the national conceptosphere and the choice of rhetorical devices that create a holistic aesthetic message of the anthem, designed to consolidate cultural memory, convey and fostering a sense of identity and ethnic pride. The aim of this article is to systematize the historical conditions for the emergence of the anthem of the largest Spanish-speaking country - Mexico, to conduct a multilateral linguistic and cultural analysis of the Mexican anthem as an integral sign of Mexican culture, to systematize its associative precedent phenomena, lexico-semantic, grammatical, pragmatic means that form its rhetoric. The main research methods are semantic, interpretive, linguistic and cultural analysis, cultural commentary. The authors highlight how the integration of meanings, their connotations, lexical and semantic means, as well as precedent phenomena, morphological, syntactic means create a complex aesthetic and ideological message of the Mexican anthem, puts it in Mexican culture with the values of the national liberation movement proper to Mexicans as one of the dominants of their national identity.*

***Ключевые слова:** гимн, Мексика, языковые средства, риторика, лингвокультурологический анализ*

***Key words:** anthem, Mexico, linguistic means, rhetoric, linguacultural analyze*

Введение

Тексты государственных гимнов представляют ценный материал для осмысления национальной идентичности, национальной риторической традиции и культурной памяти [Бушуев, 2019; Воркачев, 2019; 2020; Ощепкова, 2019; Хроменков, 2015]. Государственный гимн выполняет в национальной концептосфере роль орудия убеждения, влияния и манипулирования. **Актуальность** исследования государственных гимнов соответствует антропоцентрической ориентации современной лингвистики, а выявление и характеристика языковых особенностей текстов гимнов проливает свет на эталонное проявление национальной идентичности. **Новизна** предлагаемого в данной статье подхода состоит в **гипотезе**, что в тексте гимна находят отражение социальные, политические и культурные характеристики его участников, а также основные концепты, на которых строится картина мира народа, этноса, человека, что будет рассмотрено на материале гимна Мексиканских Соединенных Штатов. Мексика

– крупнейшая испаноязычная страна [El español en el mundo, 2020: 17], колыбель древнейших цивилизаций ацтеков, ольмеков, тольтеков, страна синкретичной культуры, отраженной в языковой картине мира мексиканцев [Чеснокова, 2020], важный актор современных международных отношений. **Цель** данной статьи – провести комплексный лингвокультурологический анализ текста гимна Мексики, систематизировать его ассоциативно-прецедентные феномены, лексико-семантические, грамматические, прагматические средства, образующие его риторику. Основные методы исследования — семантический, интерпретационный, лингвокультурологический анализ, культурологическое комментирование, при этом мы рассматриваем гимн Мексики как целостный знак мексиканской лингвокультуры, когда лингвокультура понимается как «воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура» [Ковшова, Гудков, 2017: 93].

Исторические условия создания гимна Мексики как прецедентный фон его риторики

Официальное название страны – Мексиканские Соединенные Штаты (Estados Unidos Mexicanos). Мексика получила независимость от Испании в 1821 году в результате войны за независимость, начавшуюся 16 сентября 1810 года, когда в селении Долорес местный священник Мигель Идальго ударил в колокол и обратился к согражданам с призывом к вооруженному восстанию за освобождение от Испании, что вошло в историю как «клич Долорес» *grito de Dolores* и отмечается в Мексике как день провозглашения независимости, официально признанной в 1821 году. Священник Мигель Идальго (Miguel Hidalgo; 1753-1811) – национальный герой страны, руководитель борьбы мексиканского народа за независимость в 1810-1811 гг. считается мексиканцами «Отцом Отечества» (*El Padre de la Patria*). Именно он был первым лидером движения за независимость от Испании с 1810 г. по 1821 г., почти ровно через триста лет после падения ацтекского города Теночтитлан в 1521 году [Словарь персоналий Тихоокеанского альянса, 2020: 170-172].

Гимн страны был создан в 1853 г. во время правления генерала Антонио Лопеса де Санта-Анна. Оригинальная версия гимна состоит из 84 десятисложных стихов, образующих десять куплетов по 8 строк , т.е. строфу *octava real* со схемой рифмовки a b a b a b c c, что было свойственно эпохе Возрождения и нашло отражение во многих выдающихся произведениях, например, в знаменитом хоре пленных иудеев из оперы Верди «Набукко».

Хотя история создания национального гимна Мексики восходит к войне за независимость 1810-1821 гг., хронологически первым гимном Мексики был «Королевский марш» (***Marcha Real,* или *Marcha Granadera*) –** гимн Испании, который с 1761 года исполнялся на официальных мероприятиях как в самой Испании, так и в её колониях. После завершения войны за независимость в Мексике время от времени предпринимались попытки создания гимна, соответствующего духу времени[1].

12 ноября 1853 г. был объявлен поэтический конкурс на текст гимна. Из 24 участников конкурса (26, согласно иным источникам) победителем стал поэт из Сан-Луис-Потоси *Франсиско Гонсалес Боканегра* (Francisco González Bocanegra, 1824-1861)[2].

Существует романтическая легенда, согласно которой победитель конкурса участвовал в нём против своей воли: его невеста Гуадалупе Гонсалес дель Пино, вдохновлённая его лирическими поэмами, закрыла жениха в комнате родителей, пригрозив не открывать дверь, пока он не сочинит гимн. Четыре часа спустя под дверью появился лист бумаги с готовым текстом[3].

Далее был проведён конкурс на музыкальное сопровождение гимна. Его результаты были объявлены 10

---

[1] Himno Nacional Mexicano: historia, significado y letra de las 4 estrofas URL: https://www.mexicodesconocido.com.mx/historia-del-himno-nacional-mexicano.html (дата обращения: 08.11.2022)

[2] Chopín Cortés URL: https://web.archive.org/web/20100312100220/http://www.cddiputados.gob.mx/POLEMEX/inesle/PUBS/REVS/iniciativa/inicitiva24_25/articulo12.htm (дата обращения: 11.11.2022)

3 Himno Nacional Mexicano: historia, significado y letra de las 4 estrofas URL: https://www.mexicodesconocido.com.mx/historia-del-himno-nacional-mexicano.html (дата обращения: 08.11.2022)

августа 1854 г.: победил испанский композитор Хайме Нуно Рока (Jaime Nunó Roca; 1824-1908). Впервые гимн был исполнен накануне Дня «Клича Долорес» 15 сентября 1854 г. в театре Св. Анны, нынешнем Дворце Изящных Искусств (Palacio de Bellas Artes) в столице страны – городе Мехико.

Оригинальная версия гимна состоит из 84 десятисложных стихов, образующих десять куплетов по 8 строк. Однако 20 октября 1942 г. мексиканское правительство Мануэля Авило Камачо выпустило указ, обнародованный 4 мая 1943 г., по которому общепринятым вариантом гимна стала сокращенная Министерством образования версия из 4 куплетов **(**I, V, VI и X), с припевом[1].

В 1986 г. Президент Мигель де ла Мадрид издал декрет о государственной символике и тексте гимна [Costitución política de los Estados Unidos Mexicanos 1999: 130-131], закрепивший этот вариант гимна.

Таким образом, гимн страны исторически имеет два линейно разных варианта текста: из десяти куплетов и из четырех куплетов с припевом. Вот типичный ответ образованных носителей языка о том, какой вариант текста гимна, размещенного в википедии[2] знают мексиканцы: *El texto que te sale aquí, con cuatro estrofas y un estribillo, es el que yo recuerdo de la escuela y todos conocemos de memoria (más o menos, en la tercera y la cuarta muchos se pueden atorar* (Запись носителей языка). Отметим, что зачастую исполняется ещё более короткий вариант гимна – только I и X куплеты и припев. Примечательно, что дискуссии в отношении содержания гимна не утихают и поныне, т.к. некоторым мексиканцам он кажется излишне воинственным, что не соответствует их жизненным ценностям мира и спокойствия.

В 1984 году было установлено, что использование гимна будет регулироваться Министерством внутренних дел на основании Закона о гербе, флаге и государственном гимне

[1] Chopín Cortés URL: https://web.archive.org/web/20100312100220/http://www.cddiputados.gob.mx/POLEMEX/inesle/PUBS/REVS/iniciativa/inicitiva24_25/articulo12.htm (дата обращения: 11.11.2022)

[2] Himno Nacional Mexicano URL: https://es.wikipedia.org/wiki/Himno_Nacional_Mexicano (дата обращения: 01.11.2022)

(Статья 57). Для поощрения чувства национальной идентичности коренные народы страны могут запросить у Министерства внутренних дел разрешение на собственный перевод государственного гимна с предварительным заключением Национального института языков коренных народов[1].

В качестве примера процитируем припев и первый куплет государственного гимна на науатль:

MEXICAME XIUIKI XITKAMAKI
XIKPISTO TEPOSMEJ UAN YOLKAMEJ
TLAUIUIYOKAS TLATLAJKO TLALTIKPAK
UAL NAUATIS TEPOSTLA TOPON
Estrofa
KIYEUALOS XIUTL TO TLALTIKPAK
TLAYOLSEUI IN INSELSIN YETIKA
ILUIKAK AMO KEMAN TI MIKIS
IKA IMAJPIL TO TEO OKIJKUILO
TLOMIXSE UISE AMO MOKNI
TLAKSAKI KANI TEMO TLALTIKPAK
XIMATI O TLASO TLALTIKPAK ILUIKAK
SE TLAMANI O MITS KAUTEUILI[2]

и майя:

Éet lu'umile'ex ti' u yautil k'atun yaj
Mach a máaskab yéetu tab.
A tsíimin Yéetel kíimbalnak u ts'u' le lu'uma',
le ken jumnak u wa'ak'al jobon ts'oon.

Jich' in lu'umil ti' táan poolal u lool che',
je'ets'el oolal tumen le bolon pixano',
ti' le ka'ano' a junk'ul k'íintaj,
ti'olal u yaak'ab yuumbil ts'íibta'abij.
Wa ka tak juntúul jo'op'ach wíinike',
u k'áat ts'áancha'atej le a lu'umila',
tukle' in wiich in lu'umil te ka'ano',

[1] Himno nacional mexicano URL: https://archive.org/details/himnonacionalmexicanoversionesymarchas-orgullomexicano (дата обращения: 01.11.2022)

[2] Himno nacional mexicano en Náhuatl URL https://forito.blogspot.com/2014/03/himno-nacional-mexicano-en-nahuatl.html (дата обращения: 01.11.2022)

juntúul k'atunti' a wáal tu ts'a'aj tech[1].

Прецедентные имена полной версии текста

Осмысление мексиканцами истории привело к упразднению полной версии текста гимна и, соответственно, его образов, создающих прецедентный фон его начальной версии.

Так, в четвертом куплете под перифразой *guerrero inmortal de Zempoala* «бессмертный воин из Семпоала» запечатлен Антонио Лопес де Санта-Анна (1794-1876). Санта-Анна был ключевым протагонистом истории Мексики XIX века и ответственным за аннексию Техаса Соединенными Штатами Америки [Словарь персоналий Тихоокеанского альянса, 2020:178-179], что в коллективной памяти мексиканцев содержит отрицательную оценку.

В седьмом куплете оригинального текста находим образ «воинской трубы Итурбиде» *trompa guerrera de Iturbide*, апеллирующей к Агустину де Итурбиде (Agustín de Iturbide; 1783-1824). Агустин де Итурбиде – государственный и военный деятель, установивший в 1821 г. диктатуру, а в 1822 году провозгласивший себя императором под именем Агустина I. В 1824 г. он был арестован и расстрелян [Чеснокова, 2020: 142]. В седьмом куплете Итурбиде патетически называется «отважным вождем» *Bravo Adalid,* которого украшают лавры победы *(laureles de triunfo),* что также нашло переосмысление в коллективной памяти мексиканцев.

Интерпретационный анализ текста

Найденные авторами переводы мексиканского гимна представляются неудовлетворительными[2] или не в полной мере передающими логику оригинала [3], поэтому мы считаем целесообразным дать лингвопрагматическую интерпретацию законодательно закреплённого современного текста гимна.

Припев, открывающий текст и повторяющийся в нем после каждого куплета, имеет в сильной начальной позиции обращение к мексиканцам по обобщающему катойкониму

[1] Himno nacional mexicano en Maya: http://mayananswer.over-blog.com/article-himno-nacional-mexicano-en-maya-104345284.html (дата обращения: 01.11.2022)

[2] Гимны стран URL: http://gimn.su/category/gimny-stran/ (дата обращения: 25.11.2022)

[3] Кузнецов URL: https://stihi.ru/2017/06/18/6718?ysclid=lajkelm7ng287176714 (дата обращения: 11.11.2022)

Mexicanos, побуждая откликнуться на зов/ клич войны (*grito de guerra*). Существительное *grito* имеет в национальной концептосфере мексиканцев явственную ассоциацию с «Кличем Долорес» и таким образом прецедентный фон этого слова-символа отражает коллективное самоощущение мексиканцев. Припев призывает мексиканцев иметь наготове оружие: *El acero aprestad* и оседланного скакуна *el bridón.* Воин-всадник, солдат на коне ассоциируется у мексиканцев с знаковыми для их коллективной памяти образами крестьянских вождей Эмилиано Сапаты (Emiliano Zapata;1879-1919) и Панчо Вилья по прозвищу «Кентавр Севера» (Pancho Villa; 1878-1923) [Словарь персоналий Тихоокеанского альянса, 2020: 192-195]. Боевой дух призвано поднять восклицание *«Пусть сотрясается земля от рева пушек»:* Y retiemble en sus centros la tierra/ Al sonoro rugir del cañón:

Mexicanos, al grito de guerra
El acero aprestad y el bridón;
Y retiemble en sus centros la tierra
Al sonoro rugir del cañón.

Первый куплет открывается обращением к олицетворяемой Родине и обещанием беречь ее оливковые виски, что имеет аллюзией оливковый венок как символ славы, а судьба Мексики усматривается написанной Божьим перстом, которым, по Библии, были написаны Небеса (Пс. 8:4-5). Здесь же констатируется, что если враг осмелится осквернить (глагол *profanar* имеет также значение «кощунствовать») родную землю, наступив на неё (употреблено существительное planta «подошва ноги»), то Родина должна знать, что каждый мексиканец – это солдат, который будет ее защищать:

Ciña ¡Oh Patria! tus sienes de oliva
De la paz el arcángel divino,
Que en el cielo tu eterno destino
Por el dedo de Dios se escribió.
Mas si osare un extraño enemigo
Profanar con su planta tu suelo,
Piensa ¡Oh Patria querida! que el cielo
Un soldado en cada hijo te dio.

Второй куплет (пятый куплет оригинальной версии) призывает к войне без перемирий с тем, кто осмелится запятнать знамена Родины, и кто прольет в этой войне море крови под угрожающие звуки пушек и призывы к единству и свободе: *¡Unión! ¡Libertad!:*

¡Guerra, guerra sin tregua al que intente
De la patria manchar los blasones!,
¡Guerra, guerra! los patrios pendones
En las olas de sangre empapad.
¡Guerra, guerra! en el monte, en el valle,
Los cañones horrísonos truenen
Y los ecos sonoros resuenen
Con las voces de ¡Unión! ¡Libertad!

Третий куплет (шестой куплет начальной версии) заверяет олицетворяемую Родину, что, прежде чем ее сыновья падут ниц перед врагом, метонимически обозначаемым как «иго»: *yugo,* её просторы будут залиты кровью, а если храмы, дворцы и башни Родины падут, то их останки будут говорить, что здесь была тысяча героев:

Antes, Patria, que inermes tus hijos
Bajo el yugo su cuello dobleguen,
Tus campiñas con sangre se rieguen,
Sobre sangre se estampe su pie.
Y tus templos, palacios y torres
Se derrumben con hórrido estruendo,
Y sus ruinas existan diciendo:
De mil héroes la patria aquí fue.

Наконец, четвертый (десятый) куплет представляет клятву Родине её измученных в войне детей отдать за неё свой последний вздох, то есть жизнь, если горн войны призовет на борьбу. Родине её дети посвящают оливковые и лавровые венки, делая куплет анафорическим. Тем же мексиканцам, кто умрет за Родину, уготована могила чести:

¡Patria! ¡Patria! tus hijos te juran
Exhalar en tus aras su aliento,
Si el clarín con su bélico acento
Los convoca a lidiar con valor.
¡Para ti las guirnaldas de oliva!

¡Un recuerdo para ellos de gloria!
¡Un laurel para ti de victoria!
¡Un sepulcro para ellos de honor!

Лексико-семантические доминанты текста

Интерпретационный анализ современного текста гимна позволяет выделить в нем несколько базовых концептуальных блоков, создающих его лексико-семантические доминанты и риторику.

Война: *grito de guerra* «зов войны», *acero* «сталь» в значении оружие; *bridón* «конь», «скакун»; *sonoro rugir del cañón* «рев пушек», guerra *sin tregua* «непрерывная война», *los cañones horísonos* «угрожающе грохочущие пушки», *bélico acento del clarín* «воинственный звук горна».

Символы национальной идентичности: *patrios pendones* «родные знамена», характерные признаки рельефа: *el monte* «горы», *el valle* «долины», *campiñas* «просторы».

Артефакты Мексики: *templos, palacios y torres* «храмы, дворцы и башни».

Кровь: *olas de sangre* «потоки крови».

Образ врага: синтагма *extraño enemigo* «чуждый враг» обладает сильной воздействующей силой, так как враг назван «чуждым», т.е. внешним, при этом происхождение врага не конкретизируется. Для сравнения отметим, что в гимне Перу враг назван эксплицитно: Испания[1]; *yugo* «иго», *pie* «нога (врага)».

Божественный промысел: *arcángel divino* «божественный архангел*»; dedo de Dios* «Перст Божий»; *el cielo* «Небеса».

Обращения к Родине: *patria* «Родина»; *Oh, Patria* «О, Родина».

Обозначения коллективного автора и адресанта: *mexicanos* «мексиканцы», *mil héroes* «тысяча героев», *tus hijos* «твои сыновья/дети», *soldado* «солдат».

Адресат – Родина, Мексика: *Patria* «Родина», *Patria querida* «возлюбленная Родина».

[1] Himno Nacional del Perú: ¿cuáles son las siete estrofas que conforman la letra original? URL: https://larepublica.pe/datos-lr/respuestas/2022/05/27/himno-nacional-del-peru-letra-completa-y-sus-seis-estrofas-letras-del-himno-nacional-del-peru-evat/ (дата обращения: 01.11.2022)

Символы славы: *guirnaldas de oliva* «оливковый венок», *un laurel de victoria* «лавры победы», *un sepulcro de honor* «могила чести».

Морфологические средства текста

В тексте гимна представлены многочисленные средства волеизъявления, побуждения, характерные для политического дискурса в целом. Например, императивные формы 2 л. мн.ч. *aprestad* (припев), *empapad* (V), призывающие граждан Мексики к действию. Употребление местоимения *vosotros* и соответствующей ему глагольной формы не характерно для современной нормы мексиканского национального варианта испанского языка, в отличие от пиренейского[1].

Данная форма вытеснялась в 19 в. в странах Латинской Америки, постепенно уступая место формам 3 л. мн.ч., соответствующим местоимению *ustedes*[2]**.**

В то же время в ед.ч. в 1 куплете для побуждения используется традиционная форма императива 2 л. ед.ч: *Ciña ¡Oh Patria! tus sienes de oliva, Piensa ¡oh, Patria querida!*.

Также встречаются формы сослагательного наклонения, которые используются в испанском языке в том числе для выражения волеизъявления (в роли дезиратератива либо оптатива) [Nueva gramática de la lengua española: manual 2010: 802]:

Y *retiemble* en sus centros la tierra (припев), los cañones horrísonos *truenen*, /
Y los ecos sonoros *resuenen* (V).

Обилие различных средств побуждения, очевидно, универсально для гимнов в целом, поскольку предназначение гимна – объединить граждан, воодушевить их на подвиги, а также призвать дать отпор врагу-захватчику в сложное время, защитить свою страну.

В меньшей степени в мексиканском гимне встречаются формы прошедшего времени (Pretérito Indefinido) для выражения

[1] Lope Blanch URI: https://www.cervantesvirtual.com/descargaPdf/anomalias-en-la-norma-linguistica-mexicana- (дата обращения: 11.11.2022)
[2] Moreno de Alba URL: https://mundoalfal.org/sites/default/files/revista/02_cuaderno_004.pdf (дата обращения: 15.11.2022)

завершенных действий в прошлом *escribió, dio* (I), *fue* (VI), что соответствует в целом латиноамериканской норме современного испанского языка, в частности мексиканского национального варианта, где простое прошедшее вытеснило сложный претерит [см. Чеснокова, 2004: 28].

Примечательно употребление формы будущего времени сослагательного наклонения в условном предложении: *Mas si osare un extraño enemigo* (I). В 17 в. на территории стран Латинской Америки будущее время сослагательного наклонения постепенно вытеснялось изъявительным наклонением, а также другими формами сослагательного (например, Presente de Indicativo, Pretérito de Subjuntivo, Presente de Subjuntivo). В 18 в. его использование сохранялось в официальных письмах, документах, юридическом дискурсе, но в настоящее время считается грамматическим архаизмом, маркированным официально-деловым стилем речи[1] [Nueva gramática de la lengua española: manual, 2010: 459; Фирсова, 2019: 312], а в тексте гимна создает этетическое послание.

В I, VI, XI куплетах имеет место образное олицетворение – метафорическая персонификация существительного женского рода *patria* («родина»). Так как обычно при метафорической персонификации грамматический род соответствует мужскому или женскому образу [Фирсова, 2019: 73], логично использование прилагательного женского рода: *Patria querida* (I).

Не менее любопытным является употребление местоимений в данном случае. Так, при обращении к Родине используется местоимение 2 л. ед.ч. и соответствующее притяжательное местоимение: *tus sienes de oliva, tu eterno destino, tu suelo* (I), *tus hijos, tus campiñas (VI), tus aras, para ti* (X).

Местоимение *tú* в мексиканском национальном варианте испанского языка используется при доверительных, близких отношениях, в общении на равных, для выражения солидарности [Cepeda Ruiz 2018: 3, 5]. И если в религиозном дискурсе оно характерно для обращения к Богу, то в политическом дискурсе, боевых песнях, применяется в адрес страны, Родины.

[1] Ramírez Luengo URL: https://nrfh.colmex.mx/index.php/nrfh/article/view/2386 (дата обращения: 15.11.2022)

Грамматические особенности употребления существительных

В синтагме *El acero aprestad* (припев) наблюдается транспозиция вещественного существительного *acero* («сталь») в ряд предметных существительных, в основе которой лежит метонимическое использование. В результате название металла переносится на наименование предметов, сделанных из него («сабли», «клинки»). В данном случае также можно отметить асимметрию грамматической формы (единственное число) и смыслового наполнения (значение множественности). Данная лексема нейтральна с точки зрения эмоционально-экспрессивной и оценочной окраски, однако стилистически маркирована.

Что касается одушевлённых существительных, используется немаркированный мужской род при обращении к гражданам Мексики: *mexicanos* (припев), а также для подлежащего *hijos* («дети», VI и X куплеты), что соответствует как латиноамериканской, так и пиренейской норме испанского языка, в соответствии с которой форма мужского рода употребляется в отношении коллектива, состоящего как из мужчин, так и женщин. Кроме того, национальный гимн служит для объединения всех граждан, побуждения всех жителей страны к какому-либо действию, и потому не вызывает сомнений необходимость применения именно этой формы.

Ещё одно интересное грамматическое явление – субстантивацию инфинитива – мы находим в припеве *(Al sonoro rugir del cañón*), где инфинитив наделён характеристиками существительного: используется с предлогом и артиклем, имеет определение и выполняет функцию обстоятельства [подробнее см. Попова 1997: 186-190].

Синтаксические средства

Комплексный анализ текста выявляет многочисленные случаи инверсии – употребление сказуемого после дополнения:

El acero aprestad (припев),

el Cielo / Un soldado en cada hijo te dio (I);

определения перед определяемым существительным:

De la Patria manchar los blasones (V),

De mil héroes la Patria aquí fue (VI), что объясняется необходимостью выстраивания определённого интонационного,

ритмического «рисунка», а также соблюдением рифмы. С той же целью изменено положение подлежащего – в припеве оно следует за сказуемым: *Y retiemble en sus centros la tierra.* Отметим, однако, что в целом подобный вариант инверсии распространён в испанском языке тех регионов Мексики, для которых характерны языковые контакты с науатлем [La lengua española en América: normas y usos actuals, 2010: 183].

В пятом куплете использован эллипсис *(¡Unión! ¡Libertad!)* – опущена большая часть предложений, включая артикли, что допустимо не только для разговорной речи, но и типично для призывов, приказов, военных команд для достижения максимальной лаконичности [Фирсова, 2019: 113]. В десятом куплете активно используется опущение глагола-связки *ser* (например*, ¡Para tí las guirnaldas de oliva! / ¡Un recuerdo para ellos de gloria!)* для придания тексту большей динамичности и эмоциональности.

Заключение

Текст гимна Мексиканских Соединенных Штатов имеет два хронологически разных варианта. Гимн в его современной, законодательно закрепленной версии, как и первоначальный текст, содержит призыв к единению мексиканцев и к готовности дать отпор врагу, имеющему разные способы означивания. В тексте наблюдается интеграция смыслов, концентрация символов патриотизма, символов уникальной судьбы Родины, подчёркивание единения мексиканцев. Семантико-прагматический потенциал коннотаций лексем, образующих текст гимна, выбор лексико-семантических средств, в частности метафор и метонимий, опора на хорошо знакомые мексиканцам прецедентные феномены, разнообразный репертуар морфологических, синтаксических средств, среди которых обращение на *vosotros*, эллипсис, инверсии и др., создает комплексное эстетическое и идеологическое послание гимна, а сам гимн выступает как когнитивно-коммуникативная сущность. Апелляция ко всем мексиканцам способствует созданию и сохранению чувства единения и национальной гордости, а сам текст выступает как эталонная ситуация преданности Мексике. Идеологический смысл текста гимна Мексики помещает его в мексиканскую культуру с присущими мексиканцам ценностями

национально-освободительного движения как одной из доминант их национальной идентичности. Гимн выстраивает идентичность, передает из поколения в поколение идеи национального единства, национальной гордости и осуществляет идеологическое воспитание.

Литература

1. Бушуев В. В. Исторический нарратив государственных гимнов и политика национальной памяти // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. No 1. URL: www.evestnik-mgou.ru. Дата обращения: 01.11.2022.
2. Воркачев С. Г. Государственный гимн как символ патриотизма (по данным языка) / С. Г. Воркачев // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы III Международной научной конференции, Москва, 19 апреля 2019 года. – Москва: Учреждение высшего образования "Московский художественно-промышленный институт", 2019. – С. 79-84.
3. Воркачев С. Г. Национальный гимн как жанр патриотического дискурса / С. Г. Воркачев // Жанры речи. – 2020. – № 1(25). – С. 36-43. – DOI 10.18500/2311-0740-2020-1-25-36-43.
4. Гимны стран / Все гимны мира [Электронный ресурс]. URL: http://gimn.su/ category/gimny-stran/ . Дата обращения: 25.11.2022.
5. Кузнецов А. Гимн Мексики Франсиско Гонсалес Боканегра 1853. URL: https://stihi.ru/2017/06/18/6718?ysclid=lajkelm7ng287176714. Дата обращения: 11.11.2022.
6. Ощепкова Л. А. Жанрообразующие признаки государственного гимна (на примере государственных гимнов России и Франции) / Л. А. Ощепкова // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 1. – С. 265-278. – DOI 10.17223/18137083/66/22.
7. Попова Н.И. Практическая грамматика испанского языка: Морфология. Синтаксис: Учеб. пособие для старшеклассников и студентов. – М.: Просвещение, 1997. – 485 с.
8. Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков / отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017. 192 с.
9. Фирсова Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка: Учебное пособие. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 352 с.
10. Хроменков П.Н. Лингвоконфликтологический анализ государственных гимнов // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика», 2015, №5, с. 55-61. Doi 10.18384/2310-712X-2015-5-55-61.

11. Чеснокова О.С. Испанский язык в странах Латинской Америки. Мексика: Учебное пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 99 с.
12. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира. Изд-е 2-е, испр. М.: ЛЕНАНД, 2020. – 240 с.
13. Чеснокова О.С., Радович М., Талавера Ибарра П.Л.; под ред. О.С. Чесноковой. Словарь персоналий Тихоокеанского Альянса = Diccionario de personalidades de la Alianza del Pacífico (Словарь = монография) - М.: РУДН, 2020. – 349 с.: ил. ISBN 978-5-209-09780-8
14. Cepeda Ruiz C. Y. Tú y Usted en la ciudad de México. ¿Qué tanto y cómo influyen el sexo, la edad y el nivel educativo? // Textos en Proceso 4 (1). 2018. Pp. 1-29. URL: https://www.researchgate.net/publication/329358217_Tu_y_Usted_en_la_ciudad_de_Mexico_Que_tanto_y_como_influyen_el_sexo_la_edad_y_el_nivel_educativo_Tu_and_Usted_in_Mexico_City_How_much_and_how_does_gender_age_and_instruction_affect_them. DOI 10.17710/tep.2018.4.1.1cepedaruiz. Дата обращения: 15.11.2022.
15. Chopín Cortés Á. Nuestra tradición: el himno nacional, canto de la Patria y alma de nuestra nacionalidad // Revista Iniciativa, № 24-25. URL: https://web.archive.org/web/20100312100220/http:/www.cddiputados.gob.mx/POLEMEX/inesle/PUBS/REVS/iniciativa/inicitiva24_25/articulo12.htm. Дата обращения: 11.11.2022.
16. Costitución política de los Estados Unidos Mexicanos. Séptima edición. México, 1999. 168 p.
17. El español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2020. Madrid, Instituto Cervantes, Bala Perdida S.L., 2020.
18. Himno Nacional del Perú: ¿cuáles son las siete estrofas que conforman la letra original? URL: https://larepublica.pe/datos-lr/respuestas/2022/05/27/himno-nacional-del-peru-letra-completa-y-sus-seis-estrofas-letras-del-himno-nacional-del-peru-evat/. Дата обращения: 01.11.2022.
19. Himno nacional mexicano en Maya. URL: http://mayananswer.over-blog.com/article-himno-nacional-mexicano-en-maya-104345284.html. Дата обращения: 01.11.2022.
20. Himno nacional mexicano en Náhuatl. URL: https://forito.blogspot.com/2014/03/himno-nacional-mexicano-en-nahuatl.html. Дата обращения: 01.11.2022.
21. Himno nacional mexicano. URL: https://archive.org/details/himnonacionalmexicanoversionesymarchas-orgullomexicano. Дата обращения: 01.11.2022.

22. Himno Nacional Mexicano: historia, significado y letra de las 4 estrofas / México desconocido. URL: https://www.mexicodesconocido.com.mx/historia-del-himno-nacional-mexicano.html. Дата обращения: 08.11.2022.
23. La lengua española en América: normas y usos actuales / M. Alezo Izquierdo, J.Mª Enguita Utrilla (coords.). España: Universitat de Valencia, 2010. 654 p. URL: http://www.uv.es/aleza/esp.am.pdf. Дата обращения: 15.11.2022.
24. Lope Blanch J.M. Anomalías en la norma lingüística mexicana // Actas del X Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas: Barcelona, 21-26 de agosto de 1989, Barcelona, Promociones y Publicaciones Universitarias, 1992. Pp. 1221-1226. URI: https://www.cervantesvirtual.com/descargaPdf/anomalias-en-la-norma-linguistica-mexicana-. Дата обращения: 11.11.2022.
25. Moreno de Alba J.G. Notas sobre la cronología de la eliminación de vosotros en América // Cuadernos de la ALFAL, , 2011, Nº 2. Pp. 25-39. URL: https://mundoalfal.org/sites/default/files/revista/02_cuaderno_004.pdf. Дата обращения: 15.11.2022.
26. Nueva gramática de la lengua española: manual / Real Academia Española, Asociación de Academias de la Lengua Española. España, Madrid: Espasa Libros, S.L. 2010. 1053 p.
27. Ramírez Luengo J.L. El futuro de subjuntivo en el español centroamericano del siglo XVIII: vitalidad, empleo e indicios de decadencia // Nueva revista de filología hispánica, 2008, Vol. 56 Núm. 1, pp. 144 – 151. URL: https://nrfh.colmex.mx/index.php/nrfh/article/view/2386. DOI: 10.24201/nrfh. v56i1.2386. Дата обращения: 15.11.2022.

References

1. Bushuev V. V. Istoricheskij narrativ gosudarstvennyh gimnov i politika nacional'noj pamjati [Historical narrative of state hymns and policy of national memory] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal). 2019. No 1. URL: www.evestnik-mgou.ru. (in Russian).
2. Cepeda Ruiz C. Y. Tú y Usted en la ciudad de México. ¿Qué tanto y cómo influyen el sexo, la edad y el nivel educativo? // Textos en Proceso 4 (1). 2018. Pp. 1-29. URL: https://www.researchgate.net/publication/329358217_Tu_y_Usted_en_la_ciudad_de_Mexico_Que_tanto_y_como_influyen_el_sexo_la_edad_y_el_nivel_educativo_Tu_and_Usted_in_Mexico_City_How_much_an

d_how_does_gender_age_and_instruction_affect_them. DOI 10.17710/tep.2018.4.1.1cepedaruiz. Accessed: 15.11.2022.
3. Chesnokova O.S. Ispanskij jazyk Meksiki: Jazykovaja kartina mira [Spanish in Mexico: a linguistic picture of the world]. Izd-e 2-e, ispr. M.: LENAND, 2020. – 240 p. (in Russian).
4. Chesnokova O.S. Ispanskij jazyk v stranah Latinskoj Ameriki. Meksika: Uchebnoe posobie [Spanish in Latin American countries. Mexico: textbook]. – M.: Izd-vo RUDN, 2004. – 99 p. (in Russian).
5. Chesnokova O.S., Radovich M., Talavera Ibarra P.L.; pod red. O.S. Chesnokovoj. Slovar' personalij Tihookeanskogo Al'jansa = Diccionario de personalidades de la Alianza del Pacífico (Slovar' = monografija) [Dictionary of personalities of the Pacific Alliance]. - M.: RUDN, 2020. – 349 p.: il. (in Russian).
6. Chopín Cortés Á. Nuestra tradición: el himno nacional, canto de la Patria y alma de nuestra nacionalidad // Revista Iniciativa, № 24-25. URL: https://web.archive.org/web/20100312100220/http:/www.cddiputados.gob.mx/POLEMEX/inesle/PUBS/REVS/iniciativa/inicitiva24_25/articulo12.htm. Accessed: 11.11.2022.
7. Costitución política de los Estados Unidos Mexicanos. Séptima edición. México, 1999. 168 p.
8. Cuznecov A. Gimn Meksiki Fransisko Gonsales Bokanegra 1853 [Mexican anthem by Fransisko Gonsales Bokanegra 1853]. URL: https://stihi.ru/2017/06/18/6718?ysclid=lajkelm7ng287176714. Accessed: 11.11.2022. (in Russian).
9. El español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2020. Madrid, Instituto Cervantes, Bala Perdida S.L., 2020.
10. Firsova N.M. Grammaticheskaja stilistika sovremennogo ispanskogo jazyka: Uchebnoe posobie [Grammatical stylistics of modern Spanish: textbook]. – M.: LENAND, 2019. – 352 p.
11. Gimny stran [National anthems]/ Vse gimny mira [Jelektronnyj resurs]. URL: http://gimn.su/ category/gimny-stran/. Accessed: 25.11.2022. (in Russian).
12. Himno Nacional del Perú: ¿cuáles son las siete estrofas que conforman la letra original? URL: https://larepublica.pe/datos-lr/respuestas/2022/05/27/himno-nacional-del-peru-letra-completa-y-sus-seis-estrofas-letras-del-himno-nacional-del-peru-evat/. Accessed: 01.11.2022.
13. Himno nacional mexicano en Maya. URL: http://mayananswer.over-blog.com/article-himno-nacional-mexicano-en-maya-104345284.html. Accessed: 01.11.2022.

14. Himno nacional mexicano en Náhuatl. URL: https://forito.blogspot.com/2014/03/himno-nacional-mexicano-en-nahuatl.html. Accessed: 01.11.2022.
15. Himno nacional mexicano. URL: https://archive.org/details/himnonacionalmexicanoversionesymarchas-orgullomexicano/. Accessed: 01.11.2022.
16. Himno Nacional Mexicano: historia, significado y letra de las 4 estrofas / México desconocido. URL: https://www.mexicodesconocido.com.mx/historia-del-himno-nacional-mexicano.html. Accessed: 08.11.2022.
17. Hromenkov P.N. Lingvokonfliktologicheskij analiz gosudarstvennyh gimnov [Lingvoconflictologic analysis of the national anthems]// Vestnik MGOU. Serija «Lingvistika», 2015, №5. Pp. 55-61.
18. La lengua española en América: normas y usos actuales / M. Alezo Izquierdo, J.Mª Enguita Utrilla (coords.). España: Universitat de Valencia, 2010. 654 p. URL: http://www.uv.es/aleza/esp.am.pdf. Accessed: 15.11.2022.
19. Lope Blanch J.M. Anomalías en la norma lingüística mexicana // Actas del X Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas: Barcelona, 21-26 de agosto de 1989, Barcelona, Promociones y Publicaciones Universitarias, 1992. Pp. 1221-1226. URI: https://www.cervantesvirtual.com/descargaPdf/anomalias-en-la-norma-linguistica-mexicana-. Accessed: 11.11.2022.
20. Moreno de Alba J.G. Notas sobre la cronología de la eliminación de vosotros en América // Cuadernos de la ALFAL, 2011, Nº 2. Pp. 25-39. URL: https://mundoalfal.org/sites/default/files/revista/02_cuaderno_004.pdf. Accessed: 15.11.2022.
21. Nueva gramática de la lengua española: manual / Real Academia Española, Asociación de Academias de la Lengua Española. España, Madrid: Espasa Libros, S.L. 2010. 1053 p.
22. Oshhepkova, L. A. Zhanroobrazujushhie priznaki gosudarstvennogo gimna (na primere gosudarstvennyh gimnov Rossii i Francii) [Genre-forming characteristics of a national anthem (on the example of the national anthems of Russia and France]/ L. A. Oshhepkova // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2019. – № 1. – Pp. 265-278. – DOI 10.17223/18137083/66/22. (in Russian).
23. Popova N.I. Prakticheskaja grammatika ispanskogo jazyka: Morfologija. Sintaksis: Ucheb. posobie dlja starsheklassnikov i studentov [Practical grammar of the Spanish language: Morphology. Syntax: Textbook for

high school students and students]. – M.: Prosveshhenie, 1997. – 485 p. (in Russian).
24. Ramírez Luengo J.L. El futuro de subjuntivo en el español centroamericano del siglo XVIII: vitalidad, empleo e indicios de decadencia // Nueva revista de filología hispánica, 2008, Vol. 56 Núm. 1, pp. 144 – 151. URL: https://nrfh.colmex.mx/index.php/nrfh/article/view/2386. DOI: 10.24201/nrfh.v56i1.2386. Accessed: 15.11.2022.
25. Slovar' lingvokul'turologicheskih terminov [Dictionary of linguistic and cultural terms]/ avt.-sost. M. L. Kovshova, D. B. Gudkov / otv. red. M. L. Kovshova. M.: Gnozis, 2017. 192 p. (in Russian).
26. Vorkachev S. G. Gosudarstvennyj gimn kak simvol patriotizma (po dannym jazyka) [The national anthem as a symbol of patriotism (according to the language)]/ S. G. Vorkachev // Obraz Rodiny: soderzhanie, formirovanie, aktualizacija: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 19 aprelja 2019 goda. – Moskva: Uchrezhdenie vysshego obrazovanija "Moskovskij hudozhestvenno-promyshlennyj institut", 2019. – p. 79-84. (in Russian).
27. Vorkachev S. G. Nacional'nyj gimn kak zhanr patrioticheskogo diskursa [National Hymn as Patriotic Discourse Genre]/ S. G. Vorkachev // Zhanry rechi. – 2020. – № 1(25). – P. 36-43. – DOI 10.18500/2311-0740-2020-1-25-36-43. (in Russian).

СПИСОК АВТОРОВ

Большакова Елизавета Константиновна – ассистент ЦДО Института иностранных языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов».

E-mail: bolshakova-ek@rudn.ru

Будман Юлия Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и лингвокультурологии,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»
E-mail: budman-yud@rguk.ru

Давтянц Ирина Игоревна – аспирант, старший преподаватель кафедры иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет».
E-mail: iidavtiants@sfedu.ru

Демиденко Кристина Дмитриевна – выпускница факультета межкультурных коммуникаций Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет».

Демчинская Екатерина Алексеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «МИРЭА - Российский технологический университет».
E-mail: e.demchinskaya@mail.ru

Евграфова Юлия Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ».
E-mail: yu.evgrafova@mail.ru

Жук Нина Васильевна – старший преподаватель кафедра рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Федеральное

государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ»
E-mail: ZhukNV@mpei.ru

Зарипов Руслан Ирикович – кандидат филологических наук, докторант, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет» имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации.
E-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru

Иванов Владимир Дмитриевич – старший преподаватель кафедра рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ».
E-mail: IvanovVDm@mpei.ru

Карповская Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, директор Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет».
E-mail: nkarpovskaya@sfedu.ru

Каскова Маргарита Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент Кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов».
E-mail: kaskova-me@rudn.ru

Киосе Мария Ивановна - доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Федеральное государственное бюджетное образовательное

учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет».
E-mail: maria_kiose@mail.ru

Котеняткина Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов».
E-mail: kotenyatkina-ib@rudn.ru

Маюк Елена Павловна – доцент кафедры речеведения и теории коммуникации, кандидат филологических наук, доцент, Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет».
E-mail: leaka@tut.by

Михайловская Мария Валерьевна – старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».
E-mail: m_mikhaylovskaya@mail.ru

Орлянская Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».
E-mail: tatorly@yandex.ru

Финская Таисия Евгеньевна - аспирант кафедры иностранных языков Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов», ассистент кафедры романской филологии ИИЯ, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский государственный педагогический университет».

E-mail: taya_finskaya5554@mail.ru

Харитонова Елена Юрьевна - кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой индоевропейских языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный областной педагогический университет».
E-mail: charitonova-elena@yandex.ru

Чеснокова Ольга Станиславовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов».
E-mail: chesnokova-os@rudn.ru

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN,** входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку журнала

«Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлегией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.

Требования к оформлению статьи

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «**Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики**», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.com.

Все статьи, поступающие в редакцию, должны быть оформлены строго в соответствии с требованиями. Статьи, оформление которых не соответствует предъявляемым требованиям, рассматриваться не будут.

Статья должна быть оформлена в соответствии с изложенными ниже требованиями и содержать указанные ниже пункты:

1. **УДК** Просьба указать развернутый шифр УДК статьи.
2. **Объем статьи**

Средний рекомендуемый объем статьи — 0,5 п.л. (что соответствует 12 страницам текста в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman), но допустима и меньшая, и большая длина с учетом информативности текста. Редакционный совет оставляет за

собой право делать сокращения в статье (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

3. Название статьи

Название статьи отражает предмет и тему статьи, основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

4. Аннотация

Статья сопровождается аннотацией (примерно 200-250 слов) на русском и английском языках. Аннотация должна быть **структурирована:** давать представление об исследовании, актуальности, новизне, цели, материалах и методах, результатах, выводах.

Англоязычная версия аннотации представляет собой резюме статьи (Aim, Matherials and Methods, Results, Conclusions), и также включает 200-250 слов.

5. Список ключевых слов

Необходимо указать ключевые слова - 5-6, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

6. Содержание статьи

Статья должна быть структурирована (Введение, постановка проблемы, Основная часть, Заключение)

Введение – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы.

Основная часть статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты.

Заключение – основные выводы исследования.

7. Оформление ссылок в тексте

Ссылки на источники в тексте с указанием фамилии автора, года издания и цитируемой страницы заключаются в квадратные скобки [Иванов 1990: 25; Петров 2001; см. также: Сидоров 2002; 2003 и др.].

8. Литература/ References

Список использованной литературы дается в алфавитном порядке, начиная с русскоязычных работ. В списке литературы ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с

ГОСТ Р. 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». В нем обязательно указывается год и место издания, издательство и общее количество страниц источника (для статей, напр.: С. 23-35; для монографий, напр.: — 256 с.)

Если источник имеет DOI, он указывается в конце ссылки

Ссылки на интернет-источники размещаются с полным указанием электронного адреса [Игнатенко URL: http://www.ec-dejavu.net/f/Fraud_Islam.html]. Автор несет ответственность за точность приводимых в его статье цитат и правильность оформления ссылок на источники.

ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ необходимо транслитерировать, используя для автоматической транслитерации программу BGN (Board of Geographic Names) на сайте http://www.translit.ru.

Прилагается также перевод списка литературы на английский язык. При этом название всей книги (монографии, диссертации, сборника статей, журнала) приводится также по-русски латинским шрифтом.

Образец:

Romanova, N.N., Filippov, A.V. *Stilistika i Stili* [Stylistics and Style]. M.: FLINTA, 2006. – 405 pp. (in Russian).

Liu Juan. Symbolism of Colour in Russian and Chinese Culture // *Inostrannyie yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Higher Education]. Ryazan: RSU named for S.A. Esenin, № 1(20) 2012, pp.94-98 (in Russian).

9. Сведения об авторах

Предоставляются следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью, буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- учёная степень, звание, должность и место работы (с точным названием кафедры и вуза);
- информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);
- адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (e–mail).

Научно-исследовательский журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 26.12.22. Формат 60x90/16
Заказ № 28. Тираж 1000 экз.
Типография Академии акварели и изящных искусств
art-tipografia.ru
117133, Москва, ул. Академика Варги, 15
Тел.: (495) 531-55-55
academy.andriaka.ru